

Борис КОЛЕСОВ

АМУРСКАЯ ВОЛНА

Роман о долгой смене века

Офицерская семейная сага

(Журнальный вариант)

Книга первая

Часть I. СВЕЖЕСТЬ ВЕСНЫ И ЛЕТА

Последний месяц весны 1945 года праздновал Победу над гитлеровской Германией. В таежных урманах дальневосточного Приморья майская утренняя свежесть готовилась встречать разгул обязательной июньской жары: ничуть не напрасны ведь слухи о том, что места возле Уссури и по соседству, близ амурских береговых кустовищ, ведают о солнышке не меньше, нежели широко известные сочинские пляжи. Местные высоченные дубы, прозываемые в доподлинности монгольскими — кстати, в тамошних пустынных равнинах давно их не осталось ни одного — расправили свои зеленые, одновременно лакированно блестящие, продолговатые листья: потянулись охотно вдыхать влажные ветры с Японского моря. Перенос воздушных летних масс тут ровно такой же постоянный, как непреклонно устойчивы сезонные индийские тропические муссоны. Одно из особо могучих деревьев росло неподалеку от вагона, прозываемого штабным, и его узловатые ветви упористо лезли в смотровые проемы. Здесь в тупике, тихом до заведомой укромности, железнодорожная полоса отчуждения суживалась, оттого растениям позволялось беспрепятственно поглаживать резными листьями хоть винтовку молчаливого часового, хоть металл задолго-довоенной постройки бронепоезда, прячущегося в лесной густеге.

Лакунин, командир — пусть выдавшего виды, но все ж таки боевито внушительного, с пушками, с пулеметами — состава, пристально поглядел на роскошный монгольский дуб и затем, поднимаясь по железным вагонным ступенькам наверх, в озабоченности размысливал непростую думку: «Конечно, до речного потока не так уж далеко. Пышная растительность куда как отзывчива на Амурское соседство. Стоим нынче, ну, просто в изумрудно-малахитовом тоннеле». Что есть, то есть по факту: сквозь высокие стены таковой гущи взгляд наблюдателя не мог проникнуть дальше нескольких метров. А там, где-то в протоках поймы, вполне успешно затаился лазутчик японский, о чем около часа назад довели до сведения подполковника.

На западе война с гитлеровцами закончилась, однако южнее Амура-батюшки ране, как известно, подошла Квантунская армия императора Хирохито, и ныне всей миллионной громадой стоит она с японской упрямой неколебимостью — полностью отмобилизованная, готовая к долгим неуступчивым сражениям. Их армейские

лазутчики способны шастать по северу, по тылам русских частей: прославились умением еще со времен известных сражений 1905 года. Ныне ситуация иная, да только никто, сообразишь, не отказывается от повторных намерений ходить повдоль пойменных угодий наших таежных рек и речушек. На предмет заполучить сведения о предполагаемо-возможном противнике.

Теперь вот объявился незванный гость — переплыл позапрошлой ночью Амур, и не сразу обнаружили его хитрое предприятие, поскольку немалую опытность выказал. Все же пограничники вскоре вышли на след нарушителя. Пришлось ему отстреливаться, подаваться в сопки, однако там тоже не сахар нацеленно бойкому путнику. Вот и сделал попытку исхитриться, повернул назад, затаился в болотистых низинах у реки, где собаки потеряли всякие следы. Ни у кого из тех, кто границу охранял, не было сомнений: этот мастеровитый лазутчик, нет, не поспешил возвращаться на сопредельную сторону. Ничуть не собирался отказываться от выполнения задания. Раз вернулся в пойму, нужды не имел забираться вглубь гористого края — в точности хотелось ему в деталях осмотреть ветку железнодорожную, где стояли два недавно прибывших состава с пушками крупнокалиберными, с обилием пулеметов.

Так что Лакунин вполне обоснованно предполагал: такого рода закордонные гости вряд ли станут интересоваться гипотетическими оленьими стадами, кочующими от Джугджурского хребта вплоть до Магдагачи. Подайте дотошным наблюдателям стоянку русских могучно-боеспособных бронепоездов! В особо высоких кругах Квантунской армады желают знать, много ли военной техники сосредоточено там, на северном полукольце пограничных рек. Сколько подобных скорострельно-пушечных поездов могут подпирать снарядной мощью пехоту в береговых чащах?

Войдя в притихший вагон, Лакунин пристроился в задумчивости посидеть на месте привычном, задаваясь неотложным соображением: «Мы, положим, стараемся изо всех сил. Не раз и не два перепроверяем, насколько тихо, мирно в пойме. Но всё ж таки боевые наши единицы — габаритные артиллерийские бронеплощадки — сторожись не сторожись, весьма трудно утаить среди амурского разнoleсья. Растительного богатства пусть ему не занимать стать. В то время как у паровоза нашего нужда есть дымогарить иногда, и никакая дубравная пышность тут не препон, чтобы усердно всем и чистить, и проверять механизмы, и готовиться туда ехать, куда надобно».

Подполковник, морщась от приспелой череды беспокойных мыслей, потер взволнованно заголодевшие виски пятерней, малость подкопченной с юношеских дней, когда вместе с односельчанами тушил неожиданный таежный пожар. Значит, станется теперь так: маскировка маскировкой, однако понадобятся дополнительные действия. Перехитрить глазастого закордонного визитера — почему бы и нет? Однако прежде всяких общих умозаключений следует поставить себя на его место. Вот исхитрился он вопреки ходу вещей подобраться к железнодорожному полотну. Что здесь у него должно привлечь внимание? Стоят платформы с рельсами, шпалами, а рядом с ними — теплушки личного состава, бронеплощадки. Обрадуется хитрый гость, кинется пересчитывать всё громоздкое хозяйство, расположившееся под сенью монгольских дубов, ясеней и прочей могучей здешней флоры? Окинуть взглядом железнодорожную ветку и догадаться, сколь много таится на полустанке бронепоездов для противодействия наступу Квантунской армии — нет, не получится! По той простой причинности, что несподручно ходить чужаку по рельсовым путям. Охрана как-никак тут дремать не станет, а сведения полагаются доставить начальству вполне достоверные, исключительно точные. Ловкости, как выяснилось, наблюдательному нарушителю границы не занимать. Шастать по глупости вдоль большого здешнего хозяйства ни в какую не захочет он, а захочет в укромном уголке сидеть, примечая дымогарные столбы над локомотивами. Сколько столбов, столько прячется тут паровозов. Один или заметно больше... всё это подсчитывать незатруднительно и весьма нужно, когда идет у русских подготовка для отпора японскому прорыву вглубь дальневосточных просторов. На то здесь армия квантунцев нацелена — идти вперед, не боясь прицельной артиллерии бронепоездов, пусть их один, два, три...

«Заявится шустрый наблюдатель пусть завтра или послезавтра, — прикидывал командир бронепоезда, — но уже сегодня можно вызвать со станции пару маневровых паровозов. Им, этим неутомимым бегункам, не возбраняется у нас туда-сюда погуливать, дымить погуще и представлять картину загадочную, самую что ни есть беспорядочную. При всем том охранных постов надо теперь иметь побольше. Авось, пойдет голова у нежелательного закордонщика, что называется, кругом. И тогда считать ему тут не переставать, хоть бы и вплоть до морковкиного заговенья. Увидит он в непеременимости — ходит часовой с винтовкой почти что у каждого дуба в зеленой чащоре. Значит, держись посторонний подальше, любопытствующего носа не высовывай из густого леса, потому как нет и не будет вольготной тебе жизни вблизи военных здешних объектов. Черные дымы в небе — вот и всё, что станется доступным

для острого глаза, разве не так?»

Озабоченный офицер хлестко ударил ладонью о ладонь. Этот размашистый жест означал у него ту степень удовлетворения, когда дело решалось достаточно хорошо, а зародился он с той поры, когда сельский паренек учился у старых промысловиков ходить в тайгу на охоту. С далеких времен у него дальневосточная выучка имела, и не след было забывать о прежних молодых успехах ныне опытному железнодорожнику. В годы прошедшей войны охранявшему здесь границу — возглавляя состав с артиллерийскими бронеплощадками.

Кое-кто из военных спецов, пожалуй, скептически посмотрел бы на выдавшие виды пушки Лакунина: с времен гражданской войны ходила по рельсам таковская техника повдоль дальневосточного края. Истинно так, задачу свою она выполняла давно и пока что успешно. У подполковника к ней претензий не имелось до сих пор. Если куда стрелять, снаряды летели и густо, и метко. Пускай вот новый бронепоезд прибыл. Оно и ладно, можно бы и позавидовать огневой его мощи, уверенному скоростному ходу, ан с какой же стати завидкам объявляться? Знай хлопочи, чтоб всегда наготове, в повседневной исправности был у тебя подвижной состав с орудиями — вот и все неискоренимо насущные задачи.

С обязанностями Лакунину справляться поначалу приходилось пускай не запросто... хлопотно, разумеется, коль команде не уставай учиться... ан в любом случае порядок ты обеспечишь, бывший таежный промысловик-охотник. Доверили однажды парню, выбрали председателем оленеводческого хозяйства, затем оказали новое доверие — послали на военные курсы, поскольку потребовались Дальнему Востоку знатоки, хорошо понимающие местную специфику. Когда вот так повоюешь с нарушителями, с оголтелыми противниками приморской мирной жизни, ведь не заметишь, как по службе поднялся и уже ходишь в командирах, в старших офицерах.

«Ладно, — сам себе подполковник выказал ответственно деятельное удовлетворение. — Кажется, надежно с бегунками придумано». Нынче не грех припомнить всё то, чему обучался на курсах начальствующего состава. Там знали цену военным хитростям, а когда сегодня продумал нужную диспозицию, то и ладно — будет железнодорожная здешняя обстановка в полной мере обеспечена маскировочно-солидными черными дымами.

Ветер с гор качнул кроны деревьев, чьи ветви тянулись к бронеплощадкам. Не секрет, что весеннюю свежесть исправно, как по расписанию, он в обычности несет именно с морских просторов. Где волны быстрого теплого течения Куросио мощно пенятся, огибая южную оконечность острова Сахалин, которому предстояло вернуться, как мечталось, в прежнюю российскую государственность.

Победа над гитлеровцами дала возможность жителям Владивостока впредь праздновать уверенную защиту от всяческих посягательств на отделение города от родного Приморья. А многострадальным сахалинским землям ныне видится перспектива: восстановление своих прав считаться вновь обретенным отечеством для всех островитян. Оно и хорошо, ведь для краснознаменной страны всегда красивой песней звучали вещие слова: Владивосток, он далекий, однако нашенский город!

Командир бронепоезда любил местные леса, что несколько не удивительно, коль не забывал свою таежную молодость. И уж что от самого себя скрывать, очень ему по душе были весенние теплые ветры, реющие по холмам с их обилием дикого винограда, также летающие и по-над богатыми рыбными угодьями речных долин. Вспомнив свои юношеские охотничьи походы в густые лиственные урманы Сихотэ-Алиня, он бросил взор наружу, приметил там широченно-могучую шапку толстокорого кряжистого дуба. Волнуемые свежаком, утренним бойким ветром, листья исполина биться начали, хлестать друг друга: норовили оторваться от черешков, однако вольно устремляться вдаль, нет, не улетали.

Ишь, какое стоит красавистое дерево! И высоченно высокое, и размашисто плечистое. Тянутся ветви узловатые в глубокое синее поднебесье. Питательна местная пойменная земляца, оттого вымахало многосильно устойчивое растение прямо-таки знатно. Будто на роду ему написано укорениться возле рельсов и старательно прикрывать от недоброго квантунского наблюдения всех здешних дальневосточных воинов с их техникой. Отчего прозвали тутощные дубы монгольскими, не каждый тут, в речной лесисто-болотной изобильности, может с ходу поведать. Они, между прочим, примечательны тем, что на зиму не сбрасывают листья. Стоят среди колючих морозов спокойно, уверенно, ровно фикусы какие, шибко тропические. При минусовой температуре их убор, конечно, пожелтеет, не без того, но листья на черешках держатся крепко всю зиму. Не торопятся ковром устилать землю: висят предсказуемо долго — как раз до той весенней, сказочно теплой, приморской поры, когда пойдут в рост новые

нежно пахучие листочки. Так что имеешь ты, русский офицер, полное право мысленно подтвердить: «Хорош монгольский дуб для тщательно-выверенной маскировки. Ни убавить, ни прибавить — прикроет и пограничника с овчаркой, и целый бронепоезд, если уж проявилась нужда нынче затаиться».

Лакунин пошел распорядиться насчет дополнительных постов, заодно переговорил о «бегунках» с железнодорожниками. Выставленные часовые свое дело знали. Утром следующего дня один из них засек подозрительную личность в темно-зеленой, с желтоватыми пятнами, куртке. Посторонний человек бесцельно позволил себе стоять подле могучего дуба неподалеку от рельсового полотна, и как охраннику не позволить себе насторожиться? Гостя взял и окликнул с настойчиво убедительной, строгой вопросительностью. Ответных слов не последовало: личность отпрыгнула немедленно за толстоватый, в морщинах ствол дерева. И было при всем том второпях, но вполне решительно кое-что спрятано в сумку: скорее всего, убрана дальнозоркая фотокамера, поскольку приметно сверкнула вдруг линза. Других подробностей не приметил солдат охраны, но хорошо уже то, что проявил достойно-глазастую бдительность. Неизвестный вряд ли походил на простачка. Он словно растворился в чаще, где теснились кусты вездесущего лимонника.

Пусть маневровые локомотивы успели еще с вечера подойти и нынче дымили вполне исправно, Лакунин порешил твердо: нельзя оставить без последствий визит убежавшего человека с мощной, как все были уверены, оптикой. В штабной вагон соответственно были вызваны Толочко, весьма опытный командир зенитного пулеметного расчета, и ефрейтор Амба из охраняющего взвода.

Первый давно прослыл заядлым охотником. В бывалости приключалось ему брать хоть кабана, хоть кабаргу. О чем любил рассказывать сослуживцам в часы отдыха. За вторым закрепилась уверенная слава лесного следопыта, еще с довоенных времен прошедшего не один километр в холмах и долах Сихотэ-Алиня, просторного, на диво богатого на редкие растения. Известность у команды приобрел не случайно: увидит когда свежесломанную ветку в малохоженной чаще — враз готов сообщить, кто и куда направлялся, почему выбрал эту дорогу, нисколько не иную. Ну, и касательно прицельной стрельбы тоже был, что называется, не промах.

Со своего места Лакунин видел, как энергично бежал к штабному вагону младший сержант Толочко. Не выбирал тот удобной тропки, мчал сбочь просмоленных черных шпал полотна, ровно какой изюбр на положенном ему осеннем взводе. Не примечая весенних зеленых трав, невозбранно стремящихся вверх сквозь россыпь гальки: энергичных по причине теплых недавних ливней с южных морских параллелей. Не миновать бойцу также было и желтоватую глинистую проплешину, возникшую здесь после бурного снеготаяния в низинке, однако и тут не сбавлял он рьяного напора, пускай не подсохла покамест под монгольскими дубами майская почва. В солдатской ретивости раз и за другим разом последовательно взлетали от упористых каблуков кирзачей тяжелые глинистые ошметки буроватого коленкора.

Младший сержант, подумал подполковник, умеет выполнять приказы, хорошо знает службу, и выходит, что пора ему ходить уже в более высоком сержантском звании. А вот наследит он в штабном вагоне или как? Молодец, не наследил. Перед входом в тамбур парень внимательно себя осмотрел, потопал ногами, аккуратно подошвы очистил от прилипшей земли. Смотрите, какой предусмотрительный! Верный ведь кандидат на заботливое командование — даже старшинское — посреди метко умелых зенитчиков. Удастся ему с нынешним заданием успешно справиться, в таком случае... ладно, там видно будет...

Когда признаться Лакунину, то сам себе что доложишь? Нет на Дальнем Востоке уже давно больших боев, и в какой молниеносности — то бишь в два счета — заслужить простому солдату заветное сержантское звание вовсе непросто. Четко исполнять приказанное, выглядеть всегда подтянутым молодцом, по-спортивному ловким, и сильным, и завидно быстрым — что ни есть самая надежная заявка, чтоб на тебя внимание обратили. Толочко всегда готов предстать в лучшем виде перед начальством. Даже если время поджигает, обязательно успеет воротничок на гимнастерке подшить свежий, всё обмундирование почистить, нагладить. Оттого командиру ясно становится, что комьев земли на сапогах не притащит он в штабной вагон, хоть снаружи могуче ветренная, с тяжелыми низкими облаками весна в полном разгаре. И слякотной мокредыни — уже дня два как приметный избыток.

А вон следом уже поспешает худощавый, легкий в стремительном беге, деловито нахмуренный Амба, который уже наверняка смекнул, по какой причине срочно понадобился командиру бронепоезда. Хотя ты что скажи, но ведь нисколько не ошибешься: тоже и он в свою очередность дежурным здешним уборщикам хлопот не доставит. И вовсе не оттого, что непременно подошвы очистит прежде, чем на

железную штабную ступеньку прыгнуть. Он именно то сообразит, как по чистой надежности способно миновать липкую глину в низинке. Тот еще молодец! Лишнего своего следа не оставит на земле — мастерски вон ускоряется. Где по краю железнодорожного полотна, где по мягко изумрудной весенней травке. До вагонной подножки бегуну осталось не больше трех стремительных прыжков, и наблюдателю на сию минуту нельзя не подметить: солдату чистить кирзачи не будет никакой нужды. Они отполированы росистой обильной травой так, будто прошлась по голенищам, сверху-донизу, неутомимая щетка, по-сапожному хлопотливая.

Вошел Толочко, четко доложив о прибытии, следом за ним в дверном проеме Амба встал, вытянувшись в струнку. Если на лице сержанта разливалась алая заря после неукоснительной пробежки, то на смуглых скулах ефрейтора не угладишь, пожалуй, особого румянца: дыхание почти что и не сбилось у него, у таежного знатока, повидавшего немалою толику сихотэ-алинских урочищ, отменно знакомого с многодневными переходами. Узкобедный жилисто-худощавый солдат готов показать, как говорится, высший класс. Для него в темпе отмахать километр — что иному десяток шагов ступить.

Обмысливая неотвязно хитрую думку касательно дымогарных местных уловов, офицер бронепоезда глядел на прибывших. По командирскому намерению, заведомо усердно зревшему решению, молча всматривался в своих молодцеватых бойцов. Младший сержант забеспокоился, глотнул побольше воздуха, взволнованно дернул кадыком, всем корпусом подавшись к Лакунину. По туго натянутой гимнастерке от резкого движения пошли косые морщинки:

— Товарищ подполковник, как было приказано...

— Есть подозрение, тут японский лазутчик объявился. Пограничники рано или поздно дадут квантунскому гостю укорот, приостановят вредную его наблюдательскую зоркость. Нетрудно понять, все хитрые фотоаппаратные щелчки его нам напрочь лишние. Оптика у визитера отменная, дальнобойно смотрительная. Ладно, у него метода обнаружилась дотошливо техническая, но мы в таком разе должны что противопоставить? Свою методику. Одним словом, обязаны вы обеспечить пригон.

Не отпустило младшего сержанта беспокойство. Приподняв брови, моргнул раз и другой раз. Поскольку обязанности свои повдоль родного бронепоезда знал досконально, а вот касательно технически подкованных, в явственности ненужных закордонных фотографов испытывал кое-какую вопросительность. Сунув пальцы за ремень, он резко дернул, изничтожая косые морщинки на гимнастерке. В голосе озабоченного Толочко проявилась задумчивая — точнее, вдумчиво настырная — скрипучесть, и он снова подался всем корпусом к начальству:

— Вопрос. Разрешите.

Лакунину, честно говоря, теперешняя беседа гляделась на все сто понятной. Необходимости в дальнейшем обсуждении квантунской инициативы не видел. За кордоном имели возможность рассуждать и так, и эдак, а здесь в тени монгольского дуба на укромной железнодорожной ветке думать полагалось только так: крепко нужно прихватить путешествующую личность, и все дела! Однако с ходу осаживать хлопотливо бойкого зенитчика не хотелось.

— Хорошо. Вопрос выкладывай, младший сержант.

Тот, во внезапности ощутив прилив смелой настойчивости, доложил:

— Ясно, что нарушитель он. Который с фотоаппаратом. Но в каком таком «пригоне» должен очутиться незваный гость?

Амба, вслушиваясь в разговор, ни слова не произносил. И если в глазах его при сильном желании можно было заметить веселый блеск, то нисколько не заторопился он озвучить ее, эту свою веселую хитринку. Пусть начальство здесь бросило взгляд на тебя — хоть и не подмигнуло; пусть оно в понимающей молчаливости продолжает свои размышления; пусть у стоящего рядом зенитчика в голосе явные слышны от волнения запиночки — всё равно ефрейтору зачем отказываться от своей повседневной служебной скромности?

Подполковник сузил требовательно внимательные глаза:

— Вижу, надобно объясниться! У нас Толочко самый что ни есть доподлинный дальневосточник, однако видно что? Не очень-то хорошо знаком с разведением пятнистых оленей!

Младший сержант в удивлении заморгал:

— Так точно, таковскими делами не занимался!

При всем том, поскольку с лица стоявшего рядом сослуживца некоторые признаки веселости не исчезали, позволил себе внимательно вперить взгляд в потолок. Там, наверху, пояснений никто пока что не выдавал, зато последовал вопрос от начальства:

— Амба! Вы что, работали в оленеводческом хозяйстве?

Бойцы переглянулись, так как беседа с командиром бронепоезда затягивалась. Причина тому? Неизвестно им было, что разговор о давно миновавших днях Лакунину доставлял определенное удовольствие. Приводить в порядок животный мир Дальнего Востока, беречь здешнюю уникальную природу — таким было прежнее занятие подполковника, и нынче лишь мечталось о возвращении прошлых, заветно счастливых временах. Не к месту вроде бы вспоминать здесь те годы, когда нынешнему военному спецу приходилось усердно заниматься разведением оленей. Но ведь был же он в той душевно-теплой давности молодым, исполнял обязанности председателя хозяйства, которое числилось в передовых, и спрос на ценную продукцию дальневосточников — взять хотя бы панты — нисколько не падал. Наоборот — лишь возрастал. Ходоки за товаром, в заветности благонамеренно дорогим, являлись вполне исправно. Даже порой из умнеющего столичного далека.

Амба на вопрос командира с ответом не задержался и, вскинув подбородок, доложил — словно прицельно, как полагалось таежному охотнику — выстрелил мгновенно, с отработанно уверенной меткостью:

— В хозяйстве не служил; знаю, что поздней осенью тамошние заботливые работники в зимники оленей сгоняли, в пригоны!

Реакция начальствующего собеседника приключилась в неожиданности громкозвучная:

— Оно вот как! Тогда молодец, если правильное имеешь понятие. Однако подобную непростую уловку знаешь откуда?

Обозначились у ефрейтора послушные воспоминания:

— Молодых олешек надо сеном кормить. Не то наступит час, и передохнут они от бескормицы. Мне, дозвольте радостно сообщить, спасать их довелось в давности. Однажды помогал фуражирам, тамошним способным косарям. С ними вместе луговой травкой стога для зимовки первогодков навивал. Не я один, там орочи наши некоторые тоже подключались.

— Слышал про ту историю, — Лакунин провел ладонью по лицу, под глазами. Словно бы вызывая в памяти картину аврально тревожного события. — Выходит, свела нас нынче жизнь. Давних оленеводов.

— Орочи жили по соседству с хозяйством, товарищ подполковник. Когда нужда возникла, подмогу оказали. По дружбе. Всё просто.

— Да, было дело. Однако сейчас у нас такая задача. Необходимо прочный, по-верному тщательный пригон организовать, перехитрив визитера со стороны сопредельной. Коль тот засветился возле бронепоезда, то нам не помешает пойти по его следам. С какой целью? А с такой, чтобы не осрамиться перед пограничниками, загнать квантунского ходока в распадок. Из которого выход будет затруднительным. Свое дело спроворите — дадите обязательный сигнал. Думается, мы уже перехитрили гостя, напрочь незваного. Маневровые локомотивы дымили у нас повдоль железнодорожного полотна очень даже не зря — именно что во всю ивановскую. Однако упустить лазутчика не хотелось бы. Ясно? Выполняйте!

Толочко подметил для себя: любознательно улыбчивая интонация Лакунина испарилась, на скулах собеседника вспухли желваки и взгляд сделался неуступчиво колючим. Поневоле теперь не упустить случая, чтобы снова сунуть пальцы под ремень, поправить — словно разгладить — гимнастерку, вытянуться: встать по стойке «смирно». Тем самым показать готовность какую? Стараться будем в неперемени. Указание касательно пригона для владельца дальнезоркого аппарата исполнить полагается толково. Задача выглядела и резонной по дальневосточной мере, и как раз по-военному строгой. Так что с этой минуты надо считать разговор по душам командира с подчиненными исключительно законченным. Допустишь промашку, Леонид, тогда пеняй на себя — пропишут такую ижицу, что надолго запомнишь.

Зашумел снаружи по-над рельсовым полотном заряд влаги от кучно прилетевших облаков. По листьям размашистого монгольского дуба сыпанулись бежать спорые заплетки ручейков. Глядя на погодный мокрый навал, столь обычный по весне для густого амурского разнолесья, Амба в свою очередность соображал: «Дождь, он всегда такой, что собакам идти по следу способен сильно мешать! Ан подполковник решил на уловки японской разведки ответить достойной уловкой! Тогда, что же, командованию чрезвычайно хочется надеяться на сметку своих бойцов?»

Это было настолько в очевидности бесспорно, что момент должен последовать соответственно понимающий всю теперешнюю ответственность, и он последовал — сделав «налево кругом», подчиненные согласно, в симпатичности молча зашагали к своей теплушке: если надобно сотворить пригон, сотворим. Без промедления собрались они в дорогу и, не перекинувшись вольным каким словечком с товарищами, растворились в примолкшей после дождя гуще лесных урманов.

Что касается ефрейтора... уходя, бросил он взгляд в сторону бронепоезда, где провести успел ничуть не одни сутки после призыва на армейскую службу. Тут заимел друзей, высоко ценивших умение завязать таежного путешественника, и сегодня мысленно послал он всем прощальное обещание: мы вернемся с победой! Нисколько не сомневался ороц, потому как было предчувствие. Какое? Такое, что Джугджурский хребет с его ильмами, корейскими кедрами, а также цепь Сихотэ-Алиня со всеми холмами, речками, весенними мокрыми облаками нынче готовы подмогу оказать очень даже активно.

У деловитого Толочко ход мыслей свою имел окраску: отличался дотошливо техническим и ответственно сберегающим, если можно так выразиться, направлением. Для зенитчика наградой стало, когда прибыл на службу в дружную команду Лакунина. Тут некоторые квантунцы внезапно появляются, чтобы подыскать минуту и метко ударить по локомотиву, пушкам, пулеметам, а ты, значит, жуткое хладнокровие проявляешь? Не выйдет, господа японцы! Здесь всё у нас дорогого стоит!

Почему-то младшему сержанту пришла охота в изумрудности дубов заприметить цепочку сильномогучего состава. Не то чтобы возникла надобность пошептаться — голова к голове — с технически совершенным производством железнодорожно мастеровитого искусства дальневосточных металлостов. Но вот те слова, которые прозываются клятвой, хотелось бы вымолвить пусть и вполголоса: «Ты у нас, русской смекалкой сотворенная машина, упористо вставшая на краю континента супротив явной вражеской подлости, получишь солдатскую защиту от нашествия, приутовленного из-за кордона!»

Разумеется, там, где симпатично упористый паровоз, там истинно что по соседству находятся две колесные платформы с низкими бортами. Их уже загрузили шпалами и рельсами для возможного боевого патрулирования повдоль граничных пределов. Это всё запас на случай починки дорожного полотна, также заодно и — хитромудрый буфер, если перед бронепоездом какая мина окажется под шпалами. Небось, коль проникновенно приятственна тебе здешняя служба, найдешь необходимые дружественные слова также им, двум платформам, на первый взгляд исключительно мирным.

Леонид смахнул со лба холодную дождевую каплю, принесенную порывом ветра и сам себе дал непреложно-мысленный ответ: «Наши металлосты работных своих способностей на военную технику не жалеи. Неуж мне пожалеть силы на поиск уважительных слов для толково-железной машины и для невооруженных платформ? На сию минуту если... не ко времени, кажется, полниться личными чувствами. Ладно, вернемся когда с нужным результатом, тогда товарищам сказать будет вполне нужно, с какими шибко уверенными соображениями пошёл в тайгу».

Груженные настоятельными намерениями напарники быстрыми шагами преодолели гущу кустов, строй кряжистых деревьев повдоль стоянки, над которой поднимались дымные, качающиеся на ветру столбы, — направились бойцы в то горное редколесье, куда ломанулся убежать японский визитер. Позади остались мудро-предусмотрительные платформы, локомотив и единицы боевые: артиллерийские площадки с башнями, из которых нацеленно глядели толстые стволы орудий. А если присмотреться получше, то в длинном составе увидишь и тонкие жала станковых пулеметов, обещавших неприятелю обязательную свинцовую завесу: напрочь сплошной ливень пуль, хоть годами бронепоезд выходил вовсе немальми.

Через толику времени и станция, и рельсовая укромная ветка очутились уже в той отдаленности, где строго вне постороннего зрения таился паровоз, увешанный стальными плитами по защитному распорядку. Тоже тихо-мирно там скрытничала и дощато уютная теплушка, где на дальних перегонах орудийная прислуга имела обыкновение отдыхать. Все ж таки цепочка военного состава заканчивалась отнюдь не штабным вагоном и не дополнительными тремя грозными боевыми единицами. Позади сего многообразия в неперемениности располагались еще две запасные платформы со шпалами, потому как бронепоезд мог успешно воевать с неприятелем при своем движении, хоть вперед, хоть назад: тут всё было хорошо продумано. Бойцам, выполняющим трудное задание, грела душу мысленная картина столь большого железно-безотказного состава с моготно пушечными способностями, но когда пора подоспела пристально разглядывать всякие прочие окрестности, то новые картины, с холмами и распадками, заставили напряженно вдумываться в насущную проблему с пригоном.

— Лазутчик навряд от нашей стоянки ушел далеко, — прервал молчание Амба по мере спорного шагания. — Спугнуть его спугнули. А если у него разведка должна быть основательной, тогда...

— Отвадить тогда не отвадил, — в несомнительной согласности высказался

Толочко.

Впереди, в открывшемся межгорье, лежал загущенный облепиховыми колючими зарослями распадок с неглубокой вилявистой речушкой. Тут стояла такая мирная тишина, что хотелось ее назвать не иначе, как завидно звонкой. Выкуривать из кустов ловкача, сеять пули по-над изумрудной гущей не следовало, а вот подняться Леониду на левый борт широкого проема среди каменистых двух горушек истинно что не мешало бы. Похожая необходимость наблюдалась и у легконогого Амбы, однако требовалось подняться как раз на правый борт — чтобы там стоять, громко переключаться с напарником, тревожа затаившегося врага, направляя его продвижение в ту отдаленность, где не услышишь, не увидишь стоянку бронепоезда.

Ведь не станет лазутчик вести супротивный огонь, обнаружив погоню, правда? И не решится он отступить к железнодорожной ветке, поскольку там-то уж наверняка его нынче ждут. Так что началась неуклонная игра в прятки, обещавшая двум бойцам Лакунина то самое — прочный пригон для закордонного бегуна.

Переждав, дав противнику шанс пуститься в бега, они по договоренности встретились на берегу водного потока, и Толочко не смог не поинтересоваться:

— Эти места знаешь, Амба? Ведаешь, куда фотоаппаратный гость двинется теперь?

— Догадываюсь.

Неспешная речка впитывала ручейки, стекающие с каменистых холмов, и ей постепенно приходилось уширяться меж бортов распадка. А тому упрямые вершины с рассыпчатыми щебнистыми курумами диктовали непреклонную волю — сильнее ужимайся, уважай скалистый наступ, коль сила гор, с их грозными осыпями, готова превозмочь всё! И здесь, ближе к выходу в равнинную местность, в мягком береговом песке распадка заметил ороч след, оставленный обувью нежданного визитера.

— Ишь, каков! Очень быстро бежал, а почему? Потому что боялся. Пограничников овчарки могут унюхать нужные следы. А ему раньше собачки сильно, видать, досаждали. Нехорошую для себя оставил отметку, впопыхах неаккуратно шагнул, хоть здесь торопился по уму. Хитро ноги уносил, прямо по воде.

— Она тут пока что ледяная. Долго не походишь по ней, пусть весна уже с размахом разгулялась, — Леонид нагнулся, отвел рукой длинную ветку близкого куста, чтобы получше разглядеть ямочку с отметкой каблука, но лоза упруго вырвалась, шумно хлестнула по лицу. От неожиданности он даже вскрикнул, помянув черта.

— Тихо надо, — повернулся к нему напарник, опытный лесной следопыт. — Все время, коль супротивного не желаешь выстрела, теперь надо тихо. Можешь?

— Отчего не смочь? — тот потер покрасневший от боли глаз.

— Старайся, пожалуйста. Гляжу, дальше чужак здорово стал, уже вовсе, неаккуратен. Помчал изо всех сил. Там проглядывается равнинный, шибко редкий лес. Который всего лучше обогнуть стороной, по краю, получив успешную в приречных кустах скрытность. Нам тоже пора бежать, чтобы направить его торопливую прыть в дорожку нужную, как есть прямую. В близкую горную грядку, что в точности будет впереди. Она скалистый узкий распадок обещает. Но давай с оглядкой спешить. Если теперь будет заметна неосторожность, вмиг доберется до нас беда.

Ситуация сложилась, как говорят любители досужей цифири, двузначная: здесь тебе надобность выказать демонстрацию неумолимой погони, чтобы воровато, в испуге заматался нынешний хитрец, а также и самим преследователям полагалось так расторопно перемещаться, чтобы в нужную минуту оказаться за стволом дерева, за надежным прикрытием. Леонид сапоги скинул и, связав ушки, перекинул намокшую тяжелую пару через плечо. По мшистым полянам придется носиться куда как быстро: не хуже по-таежному спорого напарника ороча.

Тот не стал разуваться. И совсем не оттого, что внезапно порешил уберечь ступни от предательских с-под равнинной зеленцы глубоких ранений. Просто двигаться умел с увертливой ловкостью — с нужной скоростью, почти бесшумно в обычных солдатских кирзачах. Толочко старшим среди них двоих считался, однако вскоре после начала теперешнего армейского предприятия младший сержант, так уж получилось, позволил себе исполнительное продвижение в затылок Амбы. Резонно слушался, когда ефрейтор советовал замереть или прибавить ходу. Спорить не приходилось, потому что подчиненный в явности показывал завидную многоопытность, лучше ориентировался в колючей гущине разнообразных зарослевых куртин. Леонид понимал: демонстративная пробежка в первую очередь требовала от ног истинно что резвости, а тишина должна в обязательности приключиться тогда, когда подошла нужда укрыться от злобного стрелка.

Сейчас какая необходимость качать права, давить ефрейтора сержантским авторитетом? Лишь после того, как загонят лазутчика куда потребность диктует,

старшему тогда тут — уж в точности — произнести придется веское свое слово. У него таковское армейское дело не заржавеет.

Они с разбегу вымахали на опушку леса, где поникшие после дождя кроны деревьев почти недвижными гляделись, хотя с гористых вершин поодаль уже подплывала темнеющая кучерявая башня тучи и набирал силу ветер. Амба свернул как раз налево, Толочко — направо: им нужно было в упрямой решительности отгадать квантунского визитера от мест, удобных для отхода, при всем том открыть дорогу именно в заманчивое скалистое ущелье, запереть хитрого беглеца в отвесно-малопроезжих каменных громадах. Полетели соколами по-над мшистыми кочкарниками, выбирая для обязательного укрытия толстые старые деревья, увешанные лишайниками. Выстрелов встреч не слышали. Отдохнув, пошли резво мерять длинные десятки метров с той нужной скоростью, когда знай лихо перепрыгивай через валежины и лужицы недавнего ливня, старайся придерживаться рассчитанно выгодного направления. Однако удиравший не мечтал остановиться, задуматься над тем, куда теперь лучше свернуть. Он возжелал поскорей очутиться в скальных теснинах, где много удобней либо затаиться, либо, исхитрившись, выцелить двух — представлялось как с настороженно заинтересованной стороны — этих заполошных преследователей.

Постепенно лес становился более редким, отступили крепкие старые ильмы с раскидистыми кронами, на смену им обьявились тонкие деревца, чьи причудливо изогнутые стволы намекали на высоко стоящие, очень холодные подпочвенные воды. «Небось, болото впереди окажется, — притормозив, обмыслил непростую ситуацию Леонид, — и нам тогда не переставать потихоньку по ряске там продвигаться. Пока не подберемся ко входу в ущелье. Теперь... что думает нынче Амба?»

Тот, упав на землю и потеряв из виду напарника, медлить несколько не спешил. Поскольку решил обследовать ручей, вытекающий из достаточно наблюдаемой — впереди, в скалах — гранитной, мрачноватой серой щели. Поток оттуда, пусть и не слишком стремительный, сумел образовать на равнине подозрительную трясину. В том смысле малопочитаемую топь, что под водолюбивой травкой позволяла сформировать весьма глубокие ямовины. Передвигаясь по берегу болота, ефрейтор старался быть очень осторожным, не маячить перед противником. С какой стати обзавелся уверенностью, будто из каменистого распадка враг ведет дотошное наблюдение? Так ведь оставил неподалеку отметочку из характерно примятых травинки торопливый квантунский визитер, когда ринулся шагать впопыхах по ряске. Ему ли теперь не мечтать, как выбраться из пригона?

«Мне вряд ли стоит оголтело соваться к нему, — раскидывал мыслями ороч. — Младший сержант не иначе как вскоре здесь появится. Наверняка догадается, что бегать перед здешней мокрой поляной открыто нет надобности. Пока доберется он сюда... Вот же беда какая, тутошняя низина не способствует росту деревьев! Ни одного уверенно подходящего местечка не приметит напарник, чтобы надежно ускориться!» Тем не менее через десяток минут объявил тот свою победительно улыбающуюся персону.

Толочко не мог не чувствовать усталости после приключившейся отчаянной беготни, после прыткого круговращения среди полупрозрачного редколесья. Все же не хотелось ему отдыха заманчиво недвижимого: простое желание ощущал — сделать хоть пару глотков чистой прохладной воды. Из болота пить, разумеется, не стоило, а жажду утолить на здешней мокрой равнине каким образом? Неизвестно. Покамест надобно вперед смотреть, туда стремиться, где на сей момент благополучно устроился в гранитных теснинах лазутчик.

Из высотной шири хребта подползала туча, начал накрапывать дождь, и теперь получай спасение: лицо подставляй знай мрачному небу, облизывай холодные капельки с обветренно запаленных губ! Чем тебе плохо, парень?

— Хорошо, — сам себе признался вполголоса.

— Что говоришь? — дошло слово заинтересованное от соседа.

— Нет надобности мне торить лишнюю тропку в ту сторону, где неблизкая журчит речушка.

«Оно даже очень верно, — принялся потихоньку размышлять ороч насчет всяких ненужно рискованных торопливостей. — У меня сложилось предчувствие: хитрый фотограф заметил нас двоих. Огня открывать не стал, порешил уйти по речке, что ведет к Амуру. Но побоялся, что ждет его там засада. Уйти в горный распадок ему тоже нежелательно, поскольку в похожих местах бывал уже и солидной выгоды от того не имел. Теперь думает он и так, и сяк, держа свой болотный след на мушке прицела. Давай, значит, мы осмотримся тут получше».

Неподалеку от себя Леонид, покрутив головой, заметил кустик жимолости, что

в обычности походила ягодами на голубику и могла угостить плодами для утоления вновь появившейся жажды. Могла, да вот беда — не подошло времечко созреть нынешней мелкой завязи, а морось облачная ни с того ни с сего улетела куда-то вбок, подале к берегам речушки, к мохнатым листоватым шапкам водолюбивых ильмов. Сколько теперь ни облизывая шершавым языком горячих губ, ни единой капельки не определить.

Пересохло в горле у Амбы также. И если сейчас он чувствовал себя в чем-то напрочь уверенным, то лишь в том, что вдоволь напиться им доведется лишь тогда, когда окажется прямо перед носом какой-нибудь горный ручеек. Что ж, так получилось, и не мешает ему, теперешнему следопыту, сунуть в рот веточку вейника травянистого, пожевать ость, усыпанную длинными волосками. Можно многозначительно сказать напарнику: позволим себе и так вот притушить острую жажду!

Вейника здесь хватает, согласно высказался Толочко, и бодро вслед за тем озвучил усмешливое: пей — не хочу! Однако же отметить подале еще зеленцу, возвращенную здешней мокрой равниной, не пожелал. Пару минут морщился, пробуя на зуб, жевал, потом смиренно вздохнул: дозволяется на сей час отметить, что кое-как напился.

В конце концов, операция, цель которой — неуклонное преследование, должна продолжаться. И по таковской причинности профилактика, растительная водно-способная, имеет свои неумолимые права на подбадривание. Какую траву, чтоб сочно мясистую, не игнорировать можно в дополнительной? Местную жимолость, кажется, никто не осуждает за ядовитую горечь и не рвется назвать «волчьей ягодой». Тогда листики ее не сгодятся ли? Тоже впереди видна и куртина камышей...

Амба жестом показал, что досужие разговоры будут не ко времени, осторожно приподнялся, туда-сюда посмотрел, лег на прежнее угрюмое место и прошептал:

— Кликунов слышишь?

— Там, позади прогала в камышах? Где окошко темной сероватой воды? Вижу, лебединое мелькнуло крыло.

— На особицу примечать нам потребно здесь штуку серьезную: кликуны плывут прочь. Тревожатся неспроста птицы, им не шибко нравятся нарушения привычной тишины. Опасность учуяли, однако не мы причина беспокойства.

В очевидности враг хоронится поблизости, у него проявилась охота выцелить преследователей. Напротив — у быстроногих армейцев к страстной жажде освежить горло, натурально испив освежающей чистой водицы, прибавилась нетерпеливая жажда сражения. Такого, чтобы смело кинуться вперед, в безоглядности поливая огнем все уголки болотных куртин.

Неплохо было бы, вопрошающе переглянулись посланные Лакуниным бойцы, пустить в ход личное оружие, да ведь что может произойти? Нас всего двое, не хватает сил понадежней обложить здешнего затаившегося хитреца, а у того полная свобода взять и отступить перед самым входом в распадок. Утечет он по камышовым дорожкам. Хоть в одну сторону, хоть в другую.

— Взвод нужен, — прошептал ефрейтор, словно бы уже имелся тут разговор на подобную тему.

— Рота, не меньше, — в озабоченности пробормотал всё понимающий младший сержант.

Минуты сомнений громоздились одна вслед за другой, обнаруживая столь солидный воз недоверий, которого если в храбром порыве стронуть с места укорененного, то нипочем сдвинуть не удастся. Ни туда, ни сюда, ни в какую достаточно заметную сторону. Оттого приходило Амбе в упористо горячий лоб тревожное недоверие. К собственным способностям обвести вокруг пальца этого слишком ловкого беглеца. Он хмурился, потирая глаза, трогая щеки раз и за другим разом — словно бы отгонял в сердцах слишком надоедливых, занудливо приставучих, тонко звенящих комаров.

— Здесь нам не шибко. Не везет. А он, вороватый, приметно взрослый вояка-японец, сидит со своим наблюдательно зорким фотоаппаратом и проверяет, идут ли, догоняют ли молодые солдаты. Предполагает, что мы глупые дальневосточные недоростки. Нисколько не против самурай улепетнуть подале, за российский пограничный кордон, однако не желает показывать, где у него увертливо скрыт перелаз.

Когда он так надежно в камышах устроился, усмехнулся Леонид, то пусть погрязнется в тяготные думки, усиленно мается, отсиживает седалище. Мы покамест подождем, час не поздний, куда торопиться? Естественно, вдаряться в спешку не стоит. Озабоченному напарнику с какой стати сомневаться насчет вынужденного прозябания, если на пройдошливую уловку противника необходимо своим ответить продуманно целесообразным приемчиком? Достаточно понятной обстановка выглядит, когда чужака тянет проторить тропку в сторону тайного прохода, да вот ведь незадача — преследователи поблизости притаились. Они выискивают возможность

без лишних проблем прихватить отступающего. Значит, неплохо станет побольше трудностей понаставить перед теми, кому весьма желательно укоротить квантунскую победоносную дорожку. Всё так вроде бы выходит, размышлял Амба, но младший сержант ничуть не спешит узнать, о чем ты здесь хочешь ему говорить. В допустимости внезапно у него иные возникли угадки. Только тогда — какие?

«Разве не заметишь, сколь вопросительно поглядывает на тебя ороч? Нет, — мысленно проговаривал доводы Толочко. — Не ошибешься никак. Сей момент ему требуется, чтобы старший тут поскорей обрисовал, что именно предпринять пора. Нам поставлена задача Лакуниным четкая: потребно пригон оформить безвылазный. Хорошо, мы стараемся в нужной усердности. Нынче как раз можно сделать всё по уму, да ведь лазутчик ударился в глубокие размышления, и нет у него желания идти немедленно по направлению к речной границе. Как нет и намерения напрямик отправиться в горное ущелье. Вот такую диспозицию надобно различать повдоль неожиданной здешней топи. Не следует мешать хитрому гостю в его досужих пронирыливых соображениях, коль свое слово болотная ряска намерена упористым бульканьем выказывать. Опять же намеки серьезный дает нам и фотоаппарат. Обычному разведчику вряд ли убедительные снимки уж так необходимы. Излагай факты по инстанции, когда благополучно возвратишься, и все дела. А если твоему высокому командованию для разработки наступательных планов обязательно вынь да положь подробные картинки с таежно-укромной железнодорожной ветки? Что ни думай, уже другая история вдруг вырисовывается».

Сильней с каждой минутой хотелось пить, и Леонид не утерпел — заманчиво качалась невдали веточка вейника, и он, подбравшись к ней, сорвал верхушку. Обернулся к напарнику.

— Невредно пока что пожевать. Присоединяйся. Или что другое найти посоветуешь?

— Вдруг что прольется туча. Кстати, желательно птиц примечать. Беспокоятся или как?

— Часть кликунов снялась, улетела...

— Покружились они. Да и подались к амурской пойме поближе, — ороч подытожил результат. — Выходит, в том направлении опасностей для себя не углядели.

Младший сержант понял, что имел в виду ефрейтор, знакомый с повадками здешних дальнезорких летунов. Теперь ничего не оставалось, как ждать завершения предприятия: умелого скрытного продвижения опытного квантунца в каменистое межгорье, где неплохо было бы с добытыми, очень дорогими, снимками на время схорониться. Ощущая меж зубов свой неприятно-шершавый язык, Леонид пробормотал, сморщившись:

— Пока что продолжается жданка наша. Пусть уползает болотный гость, куда ему надобно... А вот, гляжу, облако-то способное, только слишком неторопливое... Считаю, можно мне еще разок употребить зеленую жвачку. Во рту после босого скоростного марша прямо песок хрустит, колется».

Амба перевернулся на спину, пристально вглядываясь в сизую высоту весеннего поднебесья. Увидев, как постепенно наливается фиолетовой темнотой край ползущей из-за горизонта угрюмой тучи, доложил напарнику: можно, конечно, паники не поднимать, и все же такой нет желания помалкивать — не иначе, ливень грозитися взятъ и вдарить по нашенской равнине всей мощью муссона, дующего с Японского моря.

Если б гряда облачная шла истинно что к нам, засомневался Толочко, тогда жди потопа, но сегодня ведь не поймешь, куда отправятся эти капризно вертлявые странники, нагруженные смурной влагой. Что бы ни приключилось, не уйти, не спрятаться, а лишь давай надейся, что подойдет наш верный час.

Не отводя пронзительно-требовательного взора от ветренной игры поднебесья, Амба с ответом подзадержался, и тогда Леонид улыбочиво задал вопрос, давно у него назревавший:

— Ладно, ефрейтор! Хотелось бы мне выведать, как тебя зовут?

Дескать, одно дело нынче сотворяем, в конце концов, и почему-то у нас чересчур всё официально. Без промедления ороч выдал неожиданное:

— Мыкола.

Пахнуло — в чувствительной многозначительности! — ковыльными степными залежами Приднепровья и той своеобычностью, с какой издревле звучала и звучит там селянская украинская речь, прозываемая «ридной мовой». Оттого достаточно понятной выглядела попытка Толочко резво приподняться и сразу же, покрепче закрыв рот с необроненной зеленой жвачкой, в траву поскорее упасть. Впечататься всем телом в закраину протяженно длинной топи. Чудеса ведь, притихшие камыши,

у нас происходят, потому как имечко соседа уж нисколько для орочей не может быть достоверно присущим. Ошибка не ошибка... шутка не шутка...

— Точно говорю, — усмехнулся ефрейтор, — а ты поверь, что в жизни всякие непростые узелки завязываются.

Было такое, что переселенцы, бедные хуторяне северного Причерноморья, переселялись в сибирские просторы. Кто из них осел возле полупустынной Монголии, в степной Даурии, а кто в гористом Забайкалье, пополнив населенность тамошних приграничных сообществ. Касаемо дальних родственников Леонида, они подались не только в рыболовецкие деревеньки нижнего Амура, но и в места почти субтропические. Боевито южные, как раз туда, где по заветам запорожцев устроилось казачье воинство, прозываемое Уссурийским. О прошлом нищем проживании малость помнили украинцы, отец и мать, а ему нынче припоминалось что? Лишь дальневосточное житье-бытье, и если вопросы какие предлагать напарнику, справедливо задавать простые, всего только эти — наполненные искренним удивлением.

— Не пугай собеседника, парень. Мои предки ходили в «малороссах», что считаю фактом истории. Но ты же здесь ладишь мову, ничуть не свойственную прибрежным обитателям Татарского пролива.

— У меня отец, безо всяких тонкостей доложу, он как раз ороч. Ну, а мать родная... она именно из тех малороссов, которые неподалеку от нашего селения когда-то расположились. Поскольку по душе оказались богатые живностью холмы Сихотэ-Алиня, его прозрачно чистые речки, где пребывать куда как любо хлопчикам и дивчинам рыбьего племени.

Шутит, подсказал сам себе Леонид мысленно, всё ж таки в явности право имеет ефрейтор подчеркнуть, насколько хороша здешняя жизнь наша, когда замечательную природу не уродуют бомбежки квантунцев, жаждущих войны.

Во все глаза глядел младший сержант на Амбу. Вот так штука! По матерям они, выходит, соплеменники: дальневосточники теперешние коренные, однако в то же время — украинцы, помнящие мову хуторских ковыльных степей. У ныне соперничающих с тайным ходоком, с разведчиком японских вооруженных сил, у бойцов бронепоезда большая, изрядно внушительная, любимая общая родина, и куда ни заявишься — повсюду встретишь верных земляков. Эту великолепно живописную страну дать в обиду нипочем нельзя. Так было в недавней войне с немецким нашествием, так должно быть и сегодня, когда угроза видна из-за быстростремительного Амура, со стороны Маньчжурии, оккупированной воинственными самураями.

В отделении Толочко, нетрудно припомнить, числится эстонец Эвальд, ему довелось участвовать в боях года сорок первого, ставшего началом победительной битвы с наглым фашизмом. Теперь вот парень служит на Дальнем Востоке, а тут в непомерности всё и сложно, и нервно. Только успевай поворачиваться, коль всячески провокациям несть, что называется, конца. Тогда что ж, выдавшему виды уроженцу Таллина рапорты писать? Домой, поближе к морю Балтийскому, проситься на долгожданный отдых? Не иначе как странностью шибко чудной станет хлопотливое таковское поведение. Потому что будет в Приамурье поспокойней — обозначится тогда на Западе страны полновесный повод, чтобы поутишиться волнениям насчет нового, сильно кровавого лихолетья. Нет уж, голова у солдата Эвальда четко работает: более чем — с весомой солидностью, с уверенной быстротой.

И оттого Леонид готов записать парня в земляки без лишних разговоров. Как и напарника Амбу, таежного слепопыта, которому открыты многие тайны здешней удивительной земли, называемой дальневосточным Приморьем. Да что голову ломать досуже! Каждый с бронепоезда боец нынче — несомнительный брательник тебе, зенитчик, поэтому на сию минуту звучит очень даже ободрительно, что свойским по мове парнем оказался Мыкола.

Порассуждав столь основательным образом, младший сержант покрутил головой, поправил головной убор, придал себе вид взыскательный, то есть жесткий поболее, нежели недавно улыбчивый:

— Полагаю, дело не терпит наше. Не пора ли продвигаться вперед?

Полученный ответ обрисовал ситуацию на диво споро, подробно:

— Что ж, момент подходящий — чужак по-тихому смотал удочки, покинул вроде бы выгодную лежку, сообразил уйти дальше по воде.

— Предполагаешь? Или узнал в доподлинности? — Леонид, всматриваясь в растительную кудрявую куртину впереди, и левый глаз прищуривал, и правый, однако приметностей, чересчур странных или неопровержимо доказательных, там определить не удавалось.

— Правильно глядишь, — высказался ороч. — Не качались камыши. А кликуны вернулись оттуда, куда сначала подались. Кругами над топью полетали, в прежнем

углу решили аккуратно угнестись. Как хочешь теперь о них думай, однако человека там уже нет.

Толочко прикинул все нынешние за и против. Касательно ряски если, то оказалась напрочь невзыскательная она: ведь самурая с фотоаппаратом не обнаружила, громче обычного не забулькала. Ни шороха, ни плеска не прозвучало. Тако же и камыши не выдали спрятавшегося ловчака, не дали понять, будто здесь он расположился, в болоте ныне возится, ровно мелкого пошиба недотеха. Выходит, исчез умелец японской разведки, при всем том проявил исключительно изворотливую незаметность. Ведь как ушел! Когда неосторожной шумливости от него не приключилось, тогда само собой ничто не выдало путника, бредущего по воде.

Ушагал по ряске? Нет, своевременно поделился догадкой напарник, у него дорожка проложена иная. Закордонный гость не страдал отсутствием наблюдательности. Скорее всего, приметил он свободную от растительности, привлекательно чистую полосу, где всегда любо-дорого поплескаться кликунам. Не поленился к ней подобраться, чтобы потихоньку-полегоньку доплыть туда.

— Куда?! — подобная скрытность отступления не давала подсказки насчет направления ухода, и Леонид не удержался от восклицания вопрошающего.

— Не влево и не вправо, — сузил Амба настороженно внимательные глаза, — но поверь мне, что в истинности поближе он стремится ко входу в ущелье.

Дождь проливать еще не решился, и все ж таки хмурые небеса упористо наливались над равниной, также и над каменистыми гористыми вершинами поодаль, явной лиловой угрюмостью, которая обещала мокрую непогоду. Облако, что поменьше, неуклонно подплывало к большому, и если не проскакивали меж ними шипящие молнии, то не факт, будто наверху не выявлялись мечтания туч погрохотать отчаянным ливнем, присущим энергии завсегда теплого течения, что из южных широт идет к приморским берегам по маю и по июню, богатому на череду жарких дней. Да и в осенние месяцы непреклонное океаническое влияние ощущали Владивосток, поселки на Уссури, заодно и Хабаровск.

Довелось однажды Леониду оценить мощь грозового наступа в межгорье сихотэ-алинском, когда молния — толстая и ветвистая, ровно вековой монгольский дуб — ударила из фиолетовой тучи в склон холма, рассыпая тонкие огненные стрелы и на речку возле уссурийского казачьего поселения, и на купола зеленеющих возвышенностей. Падал с неба поистине огромный, весь в пламенеющих нитях, шатер оглушительного электричества, а ты стоишь в ошеломлении, догадываешься: бежать тебе не следует никуда. Если судьба тут стоять недвижно, то и стой, любуйся на шикарное дальневосточное представление. Неужели и сегодня случится нечто похожее, коль темные облака неудержимо подтягиваются одно к другому, словно готовые разразиться бурей?

— Знаешь что, — заявил Амба, — не стоит нам гадать, будет гроза либо мимо пройдет. Мне примерно ясна дорожка, по которой уходил японец. Поэтому споро двинусь в болотную даль. А ты давай тоже подтягивайся.

Если судить по уверенному тону ороча, также и на сей раз помогли ему определиться некоторые из местных быстрокрылых летунов.

Согласный молча, со всей возможной ловкостью увязать гимнастерку и брюки в тугой узел, Толочко подвинулся плыть вслед за напарником: худощавым следопытом, умеющим найти проход в колючей облепиховой гуще, а теперь настырно выявившим нужный фарватер в сизой водной глади посреди камышей. Одежду, оружие личное они старались держать повыше голов. Особо таиться не было нужды, так как у Амбы имелась уверенность — квантунский гость в бега устремлялся довольно-таки резво. И значит, ныне полагалось придерживаться такого темпа, чтоб не обнаружилась у настороженного визитера пройдошливая мыслишка увильнуть куда-нибудь в сторону от гористого распада.

Сильно грести одной рукой куда как неудобно, если вторая затекла из-за неуступчиво затвердевшего намерения удержать над водой узел. Который сей момент норовил опуститься на дно здешнего прудового блюдца. Мечтая хотя бы на секунду нащупать ногой верную подмогу нынешнему суровому заплыву, Леонид упрямо продолжал сокращать расстояние между собой и маячившими впереди береговыми кустами. Честно говоря, авторитетом среди зенитчиков насчет того, чтобы очень легко, играючи держаться в какой озерной среде, нет, он покамест не прослыл. Амба мог слышать и даже беспокоиться, когда до него доходило, сколь своенравно пыхтел, отфыркивался и даже упрекал мелкую рябь вполголоса упористо поспешающий напарник: в рот ему наверняка регулярно попадали мешающие дышать, в очевидности весьма холодные, по-колючему неприятные брызги.

— Перекурим? — оглянувшись, предложил он Леониду.

— Отдохнуть, конечно, можно.

— Между прочим, — доложил ороч, — ведь и я также не спец по водным видам спорта. По тайге хожу, ровно по собственному дому, а волны, суетливые на ветру, мне вовсе не в обычность. Как ране в нашенском поселении большинству проживателей.

Ефрейтор припоминает давнее бытие — собеседник догадался — как раз неспроста: пожелал выказать поддержку младшему сержанту бронепоезда. Дескать, пыхти супротив ряби сколько надобно тебе, никто одномоментно даже не улыбнется! Что касаясь перевести дыхание, то в бесспорности оно ладно, сойдет. Допускается нам оглядеться, покрутить головой. Чтобы любоваться красотой камышей, их гордым стоянием посреди размашистого болотного простора? О таковской цели нет разговора, задачу свою не забываем. Однако есть один вопрос. Пусть по всем резонам он выглядит чуточку несвоевременным.

— Не понимаю. Где мы очутились? Топь или какое вдруг иное. Здесь что, медовые угодья расположились?

Заметив, куда направлен внимательный взгляд непонимающего, с охотой ороч выдал дружелюбное заключение:

— Не бывал раньше в похожих уголках? У заядлых таежных обитателей, у нас тоже не все ведают о странностях, которые иногда встречаются посреди рясного гиблого бульканья! Однако думается мне, что некоторые в казачьих поселениях о чудесах осведомлены.

— В родных местах ничего разъяснительного не слышал.

— Желтый цветок тебя поразил? Пчелы над ним кружат с удовольствием? Правильно, там в нем полно сладкого нектара. Хотя в обычности болотные растения не балуют никого изобильной вкусностью. Медоносный цветок непрост: трава иногда в привольности разрастается так — никакой ураган раскачать не может стоячую воду.

Пушкой в родном Приморье есть пчеловоды, знающие о подобных сладких дальневосточных чудесах, но любителей, что пасеки в трясиных ставят, все ж таки раз-два и обчелся.

Отдохнув, посланцы Лакунина в ускоренном темпе направились к береговым зарослям. Топь с расторопными насекомыми осталась позади, и звучная ряска с лопающимися пузырями успокоилась в своем обычном желании радовать хоть лягушек, хоть пчел, хоть белокрылых летунов, озабоченных устройством безопасных гнездовий в камышах. Мыкола вроде бы и думать забыл про местное укромное озерцо, но привставая в гибких ветках посреди кустарниковой гущи, внезапно рухнул на землю: погодим! Надобно получше осмотреться. Вблизи, а также вдали.

Дружным бойцам должно в осторожности приметить что касательно быстрого чужака? Именно здесь ему захотелось выйти на сушу. Побежал по вейнику, разросшемуся впереди, аккуратно за тонким лозняком: там дорожка в долинном травянистом ковре обозначилась.

— Спросишь, в каком направлении? — отметил Амба. — Да всё туда же нарушитель границы устремился, в спасительный гористый распадок. Из которого, полагаю, выход будет сильно затруднительным.

Решили разделить и повторить ранее удавшийся прием: один по дуге, забирая левей, рванет во всю прыть к скалам, а другой тем же макарон помчится к той же цели, но в явности постарается изобразить уклончивое стремление к правому каменистому борту распадка. Если наблюдает противник маневры преследователей, то уж, скорее всего, догадается при нужде отступать из ущелья напрямик в болото. Сахар ему там сейчас глядится? Никоим образом: более верным станет поискать укрытие в извилистых склонах гранитной щели.

Пограничников успел командир бронепоезда поставить в известность насчет пристрастного фотографа, соображал на бегу младший сержант, однако их поблизости пока нет как нет. «Ждать никого не будем. Пока суть да дело, потребность имеется такая, что плотным огнем встретим квантунца, отсечем от известной ему вейниковой тропинки. Пусть торкается там, средь высоких стен ловушки».

Охватное, по-скоростному находчивое, нисколько теперь нескрываемое продвижение к распадку осуществили вполне успешно. Палить в одну сторону, потом в другую закордонному визитеру вроде бы и полагалось ради неотложного спасения, да ведь понял он что? Обнаружить свою позицию легко, а попасть пулей издали метко в шибко бегущего много трудней. Куда надежнее представляется взять и отойти в сумрачную глубь молчаливых гор. Отвечать выстрелами на выстрел не пришлось проворным армейцам, потому как расчет имели весьма неплохой, а вот поразмыслить в дополнении, когда очутились возле скал, надобно проявилась.

Запахавшись, упали на щебнистый подход к мокрым камням ущелья: тутотшний гранит, мокрый после недавнего сбрызгивания с высоты облачных небес, поблескивал на манер какого лакированного сооружения — громадного в своей величественно суровой неприступности. «Нырнуть в чугунное строгое нутро этакой неприятной многосложной хмари, — сам себе доложил Толочко, — мне придется в обязательности, и я решаю первым туда пойти. Ровно как в операции военной, по службе нынче — командир над орочем. Однако не против буду, если ефрейтор выскажется по резонному поводу».

— Одному продвигаться по левому борту распадка, другому по правому? Или можно придумать на сей раз что-нибудь похитрее?

Вопросительные слова Леонида в достоверности Амба расслышал, а вот броситься ответно с умной догадкой ничуть не заторопился. Потянулся к стройной былинке вейника, храбро укоренившегося посреди малоплодородной щебнистой осыпи, задумчиво пожевал. «Чтоб ему пусто было, этому хитровану с фотоаппаратом! Наверняка заметил нас, однако стрелять встречь? Нет, охоты нисколько не изъявляет!» После чего для себя заключил: «В полный рост идти наступом вряд ли годится. Не шибко маяча, потихоньку, ползком всё ж таки лучше получится. Японец на таковский нашенский прием занервничает, начнет тем же макарком удаляться — именно что совершенно без пальбы, сохраняя ценные свои снимки. Возможность нам определенно будет хорошая, чтобы понадеяться: он застрянет либо в скальных закрутках, либо в какой пещере».

Глядя на соратника, усердно хмурившегося, в озабоченности раскидывающего мозгами, Леонид внезапно пришел к выводу: тот готов еще кое-что дополнительно рассказать. Нечто в докучливости волнующее, только вот сомнения одолевают. Пора бы развеяться дотошному беспокойству? Да ведь супротив твоего упористого армейского желания в природе вещей имеются непонятности. Оттого бойцу должно нынче быть не просто привередливым, но даже настойчиво, по-въедливому дерзким, остроглазо прозорливым в разглядывании вейника, ракитовых кустов, болотной ряски. Также и той облачной гряды, которой в охотку пускать волны тумана, что пошли скатываться в гористое хребтовое изобилие.

Но теперь ефрейтор — неясно, по какой причинности — молчал до некоторой степени понурно, затем потрогал пальцем росток, торчащий по соседству с высоконойкой устойчивой былинкой. Снова устоял недоверчиво насупленный взор в иссиня-мелкие завихрения по-над межгорьем. Забормотал что-то себе под нос.

Имел право Толочко на таковское поведение отреагировать, и он хмыкнул недовольно. Порицающей речью разразиться, нет, в задумчивости подзадержался. Однако мысли пошли у него очень даже вопросительные. Истинно что не о веточках-стебельках сейчас полагалось думать Амбе. Впрочем... пусть он остается при своих неуступчивых размышлениях здесь, где на сей момент очутился, а вот младшему сержанту, помня лакунинские наставления, можно и даже необходимо загонять противника поглубже в пригон, то бишь в объявившийся каменистый распадок.

— Пожалуй, не стоит идти двоим туда, — ороч внезапно кивнул в сторону притихшего, мрачновато грозного ущелья. — Мне одному лучше заняться тамошним пронырливым подселенцем.

Высказался довольно-таки неожиданно. Леониду осталось только уширить глаза в удивлении: с какой такой стати выдал сотоварищ странное, столь категорическое заключение касательно твердого наступа.

А зоркому ефрейтору... что нынче распинаться в предположениях? Большая, в достаточности определенная, тонкая наука дальневосточной приморской жизни много ране была познана парнем. И в долгих таежных походах, и в годы прошлого школьного учения, когда преподавательский корпус интерната дружно, до самозабвенности охотно, дотошливо знакомил селянских ребят-орочей с природными особенностями Сихотэ-Алиня, с могучими сезонными влияниями близких тропиков на местные реки, озера, хребты. Ведь именно тогда узнал Мыкола об океанских народах-путешественниках. О чудесах культурного взаимообогащения, по всей вероятности, позволившего сегодня в бородатых айнах Охотского моря обнаружить заметные схожести, к примеру, с бородатыми папуасами Новой Гвинеи. Как раз в давние дни от школьных учителей пришло к мальчику знание также о тех необыкновенных папоротниках в амурской пойме, что имели дыхательные корешки, позволяющие растениям получать азот и кислород, выживать во времена сильных, по-тропическому настрою губительных наводнений. Вот так найдешь теперь возле болота торчащий корешок папоротника и вдруг вспомнишь, что пришло растение в твои родные места с югов, оттуда — из Вьетнама, привычного к подобным биологическим умениям.

Порой в один миг подвывают памятные события объема невероятного, чтобы в секунду им улетучиться и... чтобы ты объявил собеседнику весьма озабоченно: здесь

на тучи обрати внимание! Дождевые они! Скоро мощной лавиной прольются над низиной тутошной.

— Накрапывало чуток, это верно...

— Ветер усиливается. Он подогнал новые облака. Тяжелые, темно-синие. Так проявляет себя муссон тропического происхождения. Известно, в сырых местах у нас пристроился обитать папоротник по прозванию чистоуст. Ему не страшны обильные с поднебесья ливни. Он способен, благодаря дыхательным корешкам, из воздуха получать жизнеобеспечение даже под слоем воды, понимаешь?

Леонид без промедления вздернул голову, и соответственно выказалась у него словесная горячка: вскоре топь превратится в обширное озеро? Всё вокруг зальет, коль повдоль горизонта уже мгlistая хмарь и не видать просветов!

Раз не годятся жданки, начали прикидывать армейские посланцы, пора спешно предоставить четкий доклад командиру бронепоезда. Японскому фотографу вскоре придется уведомить, насколько трудно сбегать из каменной ловушки. Мокрые грани скал покажут ему что? Пусть не мылом намазаны, однако беспомощно скользнуть на гранитных лбах здесь не переставать, когда вовсю приударит сплошной поток с высот облачного фронта. Будет время подоспеть пограничникам, чтобы прихватить ловкача без особой пальбы.

— Мыкола, надобно проявить высокую очень активность. Именно тебе предстоит совершить марш аккурат до Лакунина. Поскольку сапоги скидывать нет нужды, чтобы мчаться высокопроходимо, ровно ты безусловно быстрospособный олень. Ну, а мне как раз иная дорога понадобится. Потихоньку продвинусь вглубь, наложу охрану прохода, ежели надумает незванный гость убраться прочь по хорошо знакомой уже тропе. Наверняка понадеется он улепетнуть со своими снимками куда-нибудь подальше. От неудобного ущелья влево либо вправо.

— Отбываю к подполковнику, — последовал согласный ответ.

Дождь продолжал накрапывать, но капли стали более весомыми. Когда с тщательными предосторожностями, тихой сапой ввинтился Толочко в мрачные ворота открывшегося пригона, обещавшего кантунскому визитеру временные какие-никакие удобства для спасения, внезапно подвалил с горных вершин вал холодного тумана. Однако ветер пошел завывать сильнее, ему возжелалось выместить, будто метлой, длинные космы сизой мгlistости. Поэтому перед младшим сержантом вдруг открылись дали распада. Местами там укоренились высоченные кедры — «корейские» по прозванию. Их упористым кронам в приметности довелось обгореть истинно что после грозových молний. От вольного разгула иного муссона деревьям не скрыться, да ведь и набраться мощи, раздаться великанам вширь при щедром поливе не запретят никакие тропические наскоки.

На сечку барабанищих капель не обращая внимания, Леонид прополз вперед метров тридцать. Опираясь на локти, сторожко приподнялся над щебнистой землей, всмотрелся в даль ветренную попристальной. Продвигаться без размышлений к редким островам хвойной местной растительности? Либо засесть между влажных соседних глыб, черных на манер жирного антрацита?

Машинально назад оглянулся: там ведь не кто иной, как остроглазый напарник. Вдруг что орочь подскажет сей момент что-нибудь непреложно вразумительное. Однако увидеть Амбу... где там?! Исчез уже парень просто-таки начисто, оставив зеленые волны папоротника в покое. Вот такие тебе пироги: проявляй в одиночку способную зоркость напередки предполагаемому продвижению в явности просвистанный, подоблачно грозовой мир распада. Одно хорошо: скатилась в болото молочносизая туманность, окончательно рассеялась. И на тебе — целься, не мешкая, в ту фигуру, что возьмет и выставится внезапно под выстрел. Предлагай сдать безоговорочно, потому как убивать лазутчика необязательно, а побеседовать с ним желающих как раз хватает.

Придвинув приклад карабина к щеке, Леонид поерзал, устроился поудобней и стал через прицел вглядываться в черную верхушку большущего соседнего «лба». Можно в случае чего выдать предупредительную пулю в ту сторону, чтобы затем наладить резонную победительную беседу. Также не лишним станет, коль гранит ведет себя достаточно спокойно, присмотреться к тому кедру, который солидно стоит подале.

Прикинуть если, не очень далеко до уверенно крепкого дерева. Удается ли отстрелить, к примеру, сухой корявый сук, что вызывающе торчит сбочь могучно массивного ствола? В допустимости присутствует определенная трудность, но ведь приходилось не раз бить по мишеням совсем неблизким. И получалось не промахнуться все ж таки. Значит, и настырно увертливого японца можно пугнуть аккуратно-просвистевшим возле уха свинцовым гостинцем. На сию секунду остается лишь пожалеть, что никоим образом не обнаруживает себя противник.

С неба уже не капало в задумчивости — бойко моросило, намекая на возможные подвижки в деле обустройства страстно упрямого ливня: и по случившемуся весеннему времени как раз ныне подходящему, и по мере вполне тропической, изобильной. Побегут скоро непреклонные ручьи повдоль скалистых скользких обломков, хаотично разбросанных у бортов ущелья, тогда не отсидеться фотографу здесь в затишке каком-либо, если только не ускакать в пещеру, обнаружившуюся неожиданно-негаданно.

Покрутив головой, Толочко снова прицелился в кедровый неколебимый ствол: не видать знакомого сучка! Вот ведь как быстро испортилась видимость! Кинешь когда взор на верхушку дерева, так сразу подивиться армейскому стрелку остается, раз приметна странность обозреваемой кроны: та выглядит какой-то смазанной. Визитеру с его хорошо налаженной оптикой, само собой, в доподлинности понятно, как оно бывает на фотографическом снимке при худой наводке на резкость, и ему в непереносности захочется шанс тут использовать спасительный, отползти подальше от преследователя. У которого имеется дальнобойно пристрелянное, как полагается, оружие. И который со своим надежным карабином лежит у выхода из распадка безо всякой инициативы — ровно колода.

Пусть себе фотограф, отходя в настоятельности, взволнованно шебуршится: у него наверняка есть лишь пистолет для ближнего боя, а уж меткой винтовки нет как нет. Поэтому вольная воля вперед неспешно двинуться Леониду, хоть бы и дождь набирал поступательный темп касательно ручьев посреди камней. Сейчас в чем следует признаться? Бойцам на бронепоезде не ожидалась рано с утра столь заковыристая природная круговерть! Неустанные преследователи в беспорочности активны, однако различаем кучу фактов. Где, как говорится, и смех, и грех, и непростые для операции препоны.

«Образовался в гранитах шикарный, сильно влажный пригон для теперешнего подселенца, — не устал рассуждать младший сержант, отдавая дань всей нынче возможной усмешливой наблюдательности. — Будь здесь даже весьма прыткого племени архаровец, неискоренимо проворный, а местный чистоуст супротивно свое твердит. То самое насчет воды. Куда как споро по-над почвой ширится, поднимается ее суровый уровень, и уже никакого поблизости папоротника не высмотреть. Всем закордонным козам и козам, хоть бы и природно ловким, завидно пушистым, диктуется необходимость укрываться от потопа в отдаленности, в более сухих верховьях».

Ливень с резвой неуспокоенностью усилился. Ошеломляюще грохотал гром, ветер пустился дико завывать. А ведь ситуация изменилась — пора принимать меры новые, раз облачный фронт шутить сей момент не собирается! Расторопный армеец пополз назад. На сию минуту надо найти корягу для уверенного продвижения дальше, к логову квантунца. Кажется, в темных валунах застрявший обломок корейского кедра именно что сгодится, когда целит в небеса длинные сучья и в обязательности обещает скрытность разведывательного хождения по тутошним волнам.

Озерная вместимость открывшейся ложбины поразила бы любого, и теперь сметливому младшему сержанту довелось вот прикрываться маскировочно-разлапистой деревяшкой, заодно полниться удовлетворенным соображением: «Ну и ладно! Аккуратно поплавал недавно по болотному пруду. В середине пригона встретить ряд холодноводных препонов не собирався, но и бедовать не заимел причины».

Действительно, тут несколько не лучше станет, если шагать бездумно. Того и гляди вода поднимется выше пояса, тогда что? В безмятежности брести вперед, выстрелов из-за каменного укрытия ждать от вооруженного сторонника императора Хирохито? Всё, напрочь конец жданке! Осуществляем, хоть и не было раньше намерений подобных, неотложно спорый, по-четкому способный заплыв к верховьям.

Прикрываясь найденным по счастливому случаю обломком, Толочко сторожко наладил медленное продвижение к скалам. Где с назойливым гулким шумом вдрызг разбивались дождевые струи. Где водяная пыль, разлетаясь от острых гранитных углов, старательно вершила между прочим и таковское дело — затуманивала глаза притаившемуся наблюдателю, который всё же имел возможность не торопиться, не удирать впопыхах подальше, а хитрый выверт осуществить, подкараулить, взять преследователя на мушку. Да уж, нынче знай учитывай неоднозначное поведение визитера, поскольку тот не раз уже выказывал неординарную разведывательную умелость. Будь готов, боец бронепоезда, ко всяким, самым неожиданным обстоятельствам. Так что ливень нынешний быть может и помехой, и подмогой обоим сторонам вооруженного противостояния.

Ближе к вечеру, когда прохуdivшиеся небеса утихомирились, младшему сержанту выпала удача — заметил японца, который карабкался вверх по каменистому борту распадка. Ему надо было спасать великолепную камеру, свои драгоценные снимки от всепроникающей влаги, и он в отчаянности пытался взять штурмом здешние угластые

стены. Получалось у него, в общем-то, неважнецки. Потому как упрямо, раз и за другим разом устремлялся вверх, улетал вниз в безуспешных попытках, поднимался и снова падал, падал.

Вести огонь по закордонному гостю не понадобилось: прибывший от Лакунина разворотливо легконогий ороч сообщил, что им, шустрым двоим членам команды, будет выказана в неперменности от подполковника благодарность перед строем. А что касается квантунца, пусть уходит беспрепятственно к своим штабным начальникам, доносит им необходимые сведения в полной уверенности о благополучном исходе столь шикарно способного предприятия.

У командира бронепоезда насчитывался не один час, чтобы еще прошедшей ночью поставить в известность вышестоящую инстанцию округа Дальневосточного насчет фотографических усилий визитера. По всей видимости, не враз пришлось ответственным службам договориться насчет совместных действий. Даже не исключалось, что было решено у Кремля выспрашивать пристрастное мнение. Вопрос, брать или не брать закордонного посланца, коль по теперешним временам усмотреть возможно в его аппаратуре особое любопытство весьма большой японской шишки особое желание составить план скорейшего удара по российской группировке войск, рассматривался, как говорится, наверху.

Хотелось по прошествии суток Лакунину взять и подробнее поведать своим солдатам об их отличии в деле толкового устройства пригона — это да, но повествовать подчиненным о планах Квантунской армии, об ответных планах округа Дальневосточного — это нет. Поэтому, получив приказ готовить бронепоезд к поездке на восток страны, повелел споро пополнить боекомплект, запастись провиантом и безо всяких обсуждений чистить-блистить оружейную технику, хоть пулеметную, хоть пушечную.

Для ороча и Леонида нашлось занятие дополнительное. Подкатила к железнодорожной ветке полуторка и повезла двух бойцов в город, к продовольственному складу, где по указанию подполковника надобно было погрузить в кузов несколько мешков с рафинадом, тушонкой и кое-чем прочим. Одним словом, без перловки и горячего ароматного чая не останется дружный экипаж усердно бегающего по рельсам, пушечно-колесного корабля. В годы миновавшей войны с гитлеровцами солдатам дальневосточного Приморья нечасто сахарком доводилось баловаться. А тут, вишь, расщедрились интенданты. И скорее всего, не оттого, что их обуяла какая-то, невиданная ранее, щедрость, а просто путешествие команде бронированного состава обещалось непростое, шибко долгое.

— Еды повезем немало, — высказался Мыкола, в кузове посиживая на лавке вместе с напарником. Вслух подивился, как только двинулся грузовик назад по двору ухабисто мокрого, богатого на лужи проселка. — Не съест нам всё и за день, и за два!

Младший сержант оглядел кипу мешков, деловито заметил:

— Будут на тему эту беседы ненужные! Тем более что долгая дорога намекает на большое дело в дальних даях.

— Да я ничего, — встрепнулся Мыкола. — Поедем, куда потребно. Без лишнего трёпа.

— Давай тогда поделись, о вчерашнем расскажи, — заинтересованно молвил Толочко, — ты лётом улетал? Как смог столь быстро к пригону возвратиться?

Собеседник мигом припомнил недавнее прошлое с небесно-дождевым наступом, охотно заулыбался:

— Ну, попотел! На всех скоростях там подвалила история!

Когда ты с юности ранней среди ручьев извилистых, среди завлекательно роскошных, растительно изобильных возвышенностей Сихотэ-Алиня — ровно как в домашней обстановке, то смекнешь насчет сокращения беговых расстояний. В особенности когда поджигает многоценное времечко. Орочу знакомый прежний маршрут, где по берегам горной речки вольно кустилась весьма колючая облепиха, не годился для возвращения спорого к бронепоезду уж совершенно. Петли тамошние по руслу приметно длинны, числом велики, а как сократить сегодня потери минутные? Только мудрым таковским образом, чтобы мчать напрямик по звериным тропам, по кедровому сланику поверх покато го холма, что высился там сбоку, за болотом, ясно булькающим. За не столь уж объемистой поляной вейника. Ты ведь ране обращал внимание, парень, по ходу преследования, когда на запад и когда на север улепетывал гость непрощенный. Вот и дуй, что называется, быстропроходимо. По мере сильно здравомыслящей, особенности здешней местности учитывающей своевременно, четко.

Направление догадливо неуклонное — в сторону железнодорожной ветки — намекало убраться всякие отвлекающие моменты, обрести желанную выгодность на сей

боевой час. Надобно теперь впрямую перевалить через лесистую гребенку холма. От подножия в туманное подоблачье, обязательно в иссиня-зеленую верховину сопки стремись. Не теряя целеустремленного соображения, когда принимаются атаковать тебя проявившиеся гиблые, неуступчивые испарения богуна.

Здесь перед смельчаком вдруг очутилось гаревое неудобье, заросшее «болотной одурью». Пускай дерзкие эти кустики любят воду и близ нее пепельные гари, в бесцеремонности вытворяя свое, очень и очень задиристое, в отступ тебе нельзя идти. Знай усердно спеши, при всем том старайся не надыхаться облачно густым дурманом, коль наступательными волнами он ходит и в явности не собирается бесследно исчезать. Предполагаешь вытерпеть навал упористых неудобств? Оно так, да ведь голова пустилась кружиться, глаза внезапно утеряли зоркую силу в определении размерностей, а предметы поблизости — ровно уплывать куда-то почали. В досаде тут возмешь и крепко выразишься, если деревья на склоне горюшки порешили колыхаться на пьяный манер. Нет уж, не ленись тут бежать, наоборот ускоряй продвижение, поскольку весьма желательно скорее миновать предательскую гарь. Прыгая через куртинки богунские, пытаясь удлинить стремительные свои метры, надеялся путник птицей не птицей, однако улетом вознестись несомненно к гребенке лесистой и несомненно сократить расстояние до товарищей, до желанной станции.

Негидальским ковром — меховым кумаваном — поднималась перед ним податливо мягкая травяная растительность от подножия всё выше и выше к небу. Кудрявыми завитками, затыливо узорами листовое изобилие в любой час межгорного дня способно тронуть сердце коренного дальневосточника, да ведь некогда ефрейтору любоваться открывающимися видами. Одно ведет его нынче соображение: вперед и только вперед! Вот он уже карабкается на крутояр, довольный хотя бы тем обстоятельством, что просветлела голова и бодрится, победно испускает хвойную, радостно живую ароматность встречный кедровый стланник. На перевале открылись дали понизовья, к ним пришлось, энергично прыгая, торить дорожку через густые, порой беспардонно срощенные кустовища. Не останавливаясь, он продолжает раз и за другим разом пополнять наблюдениями цепочку приметливостей: ого, да там виден дубняк в седловине скромных возвышенностей! Уж наверняка туда заходят кабаны из ивняковых зарослей возле речушки. Кто им запретит лакомиться желудами?

Не исключено, в тех местах найдутся нахоженные тропы диких гостей. Уж что-то, а теперь, когда в достаточной степени опробована немалая часть расстояния до железнодорожной ветки, не стоит и думать, чтобы укоротить шаги, утишить сегодняшнюю, стремительную по возможности, весьма бодрую прыгучесть. Весело тебе стало, бегун спорый? Не то слово, потому как есть уверенность: будет найдена тропа, пробитая в густых зарослях матерым секачем для своих — мелкого размера, шибко беспокойных — подсвинков. И вот уже находит он ее. В полный рост пускай не пройти здесь, поскольку в массиве темно-зеленом кабаньих туннель совсем невысок, но можно ведь посылней пригнуться быстрому бегуну, верно?

«Дело мое не уставать, ломить повдоль тропки дальше, — твердил Амба сам себе в неотступности. — Согнусь в две погибели, да хоть и в три, а все ж таки прорвусь». Словно в согласии твердом, гимнастерка сиюминутно пошла рваться на иглах кустарника встречного. Седоватым секачам никакие, остро тонкие и ничуть не ломкие, сучки в достоверности не помехой виделись. По заведомой причине кабаньих толстокожих шкур. Но тебя, армейский оповещатель, ждет команда бронепоезда, потому знай поторапливайся.

Одежка бойца вскоре проведала насчет неслучайного изобилия лохмотьев на левом плече и на правом, также повдоль рукавов. Тормозить в заполошности никак нельзя, и выходит что? Гнись к земле еще способней! Приходится, пораскинув мозгами, чуть ли не на четвереньках прорываться вперед. Внезапно сбоку позволяет себе вынырнуть из переплетения ветвей нечто совершенно другое, не похожее на клякастого сердитого свина — медвежья морда, также не менее сердитая. Взрослый секач может весить несколько сот килограммов, а мишка в годах нисколько ему не уступит и по весу, и по силе, так что запинка образовалась у посетителя стланника живительно-кедрового.

Мохнатый местный завсегдатай, любитель поохотиться на подсвинков, после зимних месяцев пусть еще не отъелся, и все же, поднявшись перед орочем на задние лапы, выказал немалый рост. Амба, ведая медвежью повадку меряться в спорных схватках высотой, вскинул руки, подпрыгнул, изобразив фигуру чуть не на полметра солидней, и рывкнул во всю мочь: «Уходи, шалый!» Стрелять в зверя не пришлось. Тот развернулся и ринулся прочь, сокрушая кусты. А ведь не сказать, что каждый может с легкостью прогнать медведя, вышедшего на протоптанную в зарослях тропу. Поджидавшего процессию диких свиней с папой, мамой и дюжиной маленьких полосатиков.

Хищника надобно взять, как говорится, на испуг и вызвать в глазах лохматой глыбы

волну паники. «Сумею тебя, самонадеянного торопыгу, по деловитой мере огорчить, — бормотал Мыкола. — Ты в голодной суматошности не ходи слепо, не лезь напролом. Найдутся люди серьезные, которые вряд ли захотят приветить».

Обстоятельный разговор младшего сержанта и усмешливого ефрейтора подошел к закономерному концу, как только подкатил грузовик к бронепоезду. Они занялись выгрузкой досточтимо полезных в дальней дороге припасов. А в штабном вагоне состава у Лакунина, обдумывавшего восточное скорое продвижение команды, на лбу наверняка прибавлялось минута за минута число горячих морщинок. Нет, в доскональности голова нисколько не дымилась, однако объявлялись весьма затруднительные сами по себе вопросы. Уж кто-кто, но бывший железнодорожник, нынешний командир многопушечного поезда, имел и право, и возможность изучить в свое время те особенности Транссибирской магистрали, когда вынужденно подходила она к границе довольно близко. Пользовались давно моментами удобными хамовито агрессивные силы, чтобы устраивать провокации. На предмет прощупать готовность российской стороны к вооруженным — порой кровавым — противостояниям. Взять хотя бы схватку возле озера Хасан. Порешив дело с Гитлером на западе, страна окрепла, и наши строители дальневосточных стальных путей захотели возродить интересный проект. Можно теперь вспомнить о туннеле под Татарским проливом на Сахалин, разве нельзя?

«Победу нашу над гитлеровцами нельзя не учитывать, — размышлял бывалый офицер, не раз имевший контакты с пограничниками. — Допустимо, что какая-то стройка морская теперь станет обновленной. Тогда у нашей команды будет задача прикрыть от наглых посягательств возродившуюся российскую мечту. Ведь армия Квантунская одновременно готова повторить неудачную хасанскую вылазку. Ныне миллионная мощь ее столь значительна, что в очевидности Япония желает реванша... Ныне много всяких резонансов!»

Дня два хлопотам подполковника помогал муссон, укротивший стремление тяжелых туч устраивать обильно-поднебесные водотоки в приамурских далях. Вздумавшие Селемжа, Зея, Бурея, Уссури утихомирились, перестали наступать на долинные понижения, заливать пастбища и пашни. Кроме того, не отказывались и пограничники по-дружески подмогнуть, просветить начальство Леонида и Мыколы насчет предстоящего путешествия. Во всяком случае, именно так порешили бойцы, когда в штабной вагон прибыл майор с погонами вида вовсе не таковского, как у Лакунина.

— Сопровождение у нас будет в дороге, так полагаю, — сказал ефрейтор младшему сержанту.

— Хорошо, что знающие люди оказывают поддержку, — заметил тот.

Что касается их командира — о котором не зря бытовало мнение подчиненных: «стреляный воробей, не иначе» — у него никаких вопросительных доводов не имелось, чтобы воспринимать прибывшего в качестве какого инспектора. Числился тот в давних знакомцах, и потому был встречен Лакуниным поначалу как гость, заглянувший просто по случаю. Однако необходимость служебная вскоре дала себя знать образом довольно-таки неожиданным.

Подполковник усадил майора в штабном вагоне за столик у оконного проема, стал потчевать чайком. Дескать, рад тебя видеть, хочу по счастливому обстоятельству угостить чем нынче мы богаты, к примеру, сахарком солидно разжились! Искренние чувства его не предполагали дополнительных разъяснений. И без того понятно: когда в Потсдаме подписана капитуляция Германии, когда представители союзных сил празднуют победу, то здесь на российской окраине все готовы отметить долгожданное событие. Хотя бы и чаем с тем сахаром, от которого многие прожигатели Дальнего Востока за годы войны отвыкли, не исключено, что напрочь. Небось, этот рафинад, как и тушенку, удалось заполучить по ходу того дела, что называлось «перегоном». Ведь летали с Аляски на чукотское побережье, на посадочную полосу местечка Уэлькаль, американские истребители, верно? Неуж настырные интенданты наши не дружили с экипажами, с их продуктовыми «тормозками»?

— Знаю про поставки по ленд-лизу, — серьезно майор отвечал. — А про вашеньский этот рафинад из Америки не осведомлен.

— Да и я так не очень, чтобы тоже, — улыбаясь, не замедлил объяснить собеседник. — Пришлось оно просто к разговору.

— Ладно. Только беседа у нас будет как раз непростая, коль сообщение от командира бронепоезда пошло начальству.

— Вы здесь отличились, — последовало по пунктам разъяснение, — как есть прилично: фотографировал не случайно японец теплушку, платформы с орудиями. И

сколько вдобавок открытий смог тот зафиксировать? Над панорамой вашей укромной железнодорожной ветки? Судя по докладу о хитрых дымах, четыре локомотива готовились куда-то двинуться, и квантунская разведка получила сведения для нее довольно-таки беспокойные. Пришли, выходит, в приамурские просторы, спрятались в потаенном урочище несколько составов с пушками, пулеметами. Нюанс чересчур интересный для той цели, чтобы нанести упреждающий удар по российским боевым единицам. Раньше ведь соседи воинствующие позволяли себе без зазрения совести наглеть. Ситуация бесспорная: для очень сильной Квантунской армии полезным станется проявить активность, пока противник слаб и всего лишь ведет подготовку для атаки после активных действий на далеком западе. А нам теперь что лучше предпринять? В свою очередь выказать и мы способные возможным агрессорам нюанс дополнительный. Мол, путаница тут у вояк лапотных большая, и трудно им разобратся, что у них к чему.

Лакунин усмехнулся:

— Не лапотники мы, уже кое-что успешно показывали, лишний раз стоит ли? Да и как им выкажем сию нюансовую штуку?

У гостя выражение лица сделалось ничуть не растерянным — скорее всего, лукаво хитроватым. Задача у подполковника известная, ему предстоит увести бронепоезд в направлении сугубо восточном. Раз выпустили лазутчика с фотоаппаратом домой, к милитаристу-микадо своему, то и пускай там новым сведениям будет рады. Это необходимый от нас нюанс, а другой состоит в том, что пойдет бронепоезд на восток. Покатаемся по рельсам вполне свободно и вскоре, как говорится, придет в чувство, пойдет на запад, поскольку хватает растеряйства у здешних дальневосточников. Если проявлять наблюдательное понимание... тогда что ж, оказывается, надобно русским все ж таки ехать в противоположную сторону: разумеется, без таковского шикарного нюанса заблудшему составу с его крупнокалиберными пушками никак не обойтись.

— Ишь ты, со счета собьешься нынче, — засмеялся на слова пограничника давний знакомец, — прямо напрашивается нюанс еще один. Пятый, мне видится ныне, или как?

— Сейчас объявлю и пятый, — майор отхлебнул глоток полуостывшего чая.

Он мог бы и умолчать о проблемах Транссибирской магистрали, но военные времена довели грузовой ее транспорт до состояния, мягко выражаясь, плачевного: если раньше вагонов более-менее хватало, то потом — чуть ли не истинная беда. Четыре года там и тут по стране горели они, деревянные труженики, факелами. Дальний Восток, конечно, помогал по возможности железной дороге. Требуется теперь вот, после победы, снарядить бронепоезд в путь, а нужного транспорта мало, и майорские подчиненные получили наказ отправиться к владивостокским рабочим с просьбой отремонтировать пару сверхурочных вагонов поскорей. Чтобы наряд пограничников привел немедленно их на разъезд сбочь известной приморской шахты, отмеченной именем Артема. Само собой, бывшему железнодорожнику Лакунину объяснять нет нужды, насколько необходим топке локомотива добротный каменный уголь. Подчиненные гостя прибывшего и команда подполковника обязаны загрузить его, прицепить вагоны к бронеплощадкам. Вот такой приключится нежданный, мощно энергетический, антрацитовый запас.

Пятый нюанс, касательно уезжающих приамурских военных, всем ушлым квантунам еще разгадывать и разгадывать: череда событий неоднозначна в очевидности. Стоит ли записным наглецам сегодня бряцать оружием? Вопрос, приготовленный в их адрес, ответа незамедлительного уж несколько не предусматривает.

Когда-то по молодости лет храбрый парень Лакунин кинулся очертя голову тушить огневой пал, когда случился возле приморского поселения пожар. До сих пор помнится, как пламенем охватило руки, которые не уставали орудовать поочередно лопатой и топором. Естественно, далеко не сахарный тростник поймал молнию сухой грозы — смолистые высоченные кедровые деревья занялись, а ведь им полахать по дальневосточному ранжиру, то бишь в бескрайних просторах таежных, не привыкать, могут устроить ад прямо-таки апокалиптический. Невиданный хоть где, хоть в той же Америке.

Во все годы учиться тебе, сердечно добровольному пожарнику, стоит именно что прилежно. И вообще зевать по жизни — как оно тебе, в родной стороне, преподносится наглядно и сбочь могучих северных льдов, и сбочь ливневых, отчаянно тропических наступов — в действительности не стоит, ни под каким видом.

— Дорога нашей команде предстоит, как догадываюсь, неблизкая, — понимающе высказался хозяин штаба.

В окошко поглядел на монгольский дуб, вволю напившийся дождевым сладостно-весенним подареньем. Потом задумчиво поболтал чайной ложечкой в стакане: однако можно ведь заполнить топливо где-нибудь в пути, верно?

— Везде с незадачей столкнетесь. Смена локомотива на станциях главного хода невозможна. От своего сталью защищенного, многосильного паровоза разве можно вам отказаться? И вдобавок... увидишь сам, повсюду очень большой наблюдается дефицит угля. Намаешься упрашивать складских тебя обслуживать без очереди. Мы, информированные пограничники, предлагаем надежный, единственно возможный для тебя выход.

Что ж, сразу пришло на ум неотступное соображение: эта затея именно суровой кордонной службой организована. Значит — в озадаченности появилась нужда потерять виски — бронепоезд поедет выполнять некую их неотложную работу. Хочется при таковом раскладе прознать, куда все ж таки должен двигаться наглядно бронированный, пулеметно-пушечно-колесный, грозный дальневосточный состав — или сие желание станет неправильным?

— До поры, — заявил знакомец, — еду с вами в обязательности. Как есть до положенного разъезда. Однако потом уже одни двинетесь на Западную Украину для активного-артиллерийского вспомоществования тамошнему, вновь создаваемому, пока что не шибко плотному, пограничному заслану.

— Команде нашей, — оживленно включился бывший железнодорожник в предполагаемую подмогу, — ничуть не помешает подготовиться к дальнейшим возможным событиям. Есть у нас опытные бойцы: хотя бы те, которые устроили пригон квантунцу. К ним добавить парочку расторопных солдат — получится особая группа разведчиков, заведомо умеющая действовать и на рельсовых путях, и даже в местах соседних относительно дорожного полотна. Им бы еще вручил бы я хорошую рацию для переговоров с пушкарями бронепоезда. Аппараты надежные, телефонно проводные, имеем. А насчет замечательного радио мы, что называется, небогатые.

Речь зашла о техническом оснащении пусть не очень крупного, однако достаточно дееспособного звена лакунинских подчиненных, где подполковник мысленно главенство сразу порешил отдать младшему сержанту Толочко. Ему до старшинского звания шагать недалеко, поскольку высокую ответственность любит чтить всегда и во всем. Опять же рядом с ним будет находиться Амба, готовый с каждым сразиться при любых обстоятельствах: если даже в супротивниках окажется диверсант вроде японского лазутчика-профессионала, а хоть и силач наподобие какого медведя.

Пограничник в явственности оценил сообразительность споро мыслящего собеседника. Радостного согласия не обнаружил — имел необходимость пошевелить мозгами в той направленности, чтобы связаться со своим начальством, оттого и головой покрутил и раздумчиво уставился в окошко. Через пару минут заявил:

— Спорить не стану. Думаю, понять смогут наши. Так что... доложу начальству касательно радио и подготовки вашей походной: впустую жаль терять время вдоль неустанного движения по Транссибирской великой нашенской магистрали. Там, на западе, хлопоты всякие предвидятся в одной из областей. Уж так борзо шикуют банды, что нет житья населению от самозванцев. Иногда тамошним воителям удастся даже приостанавливать поезда, и перевозки страдают заметно. Вы сможете прикрыть своими орудиями длинный участок «железки» возле польско-российского территориального раздела. Кому как не дальнобойной артиллерии дотянуться до укромных мест в лесных чащорах.

— Самое главное, — вслух развивал свою мысль командир бронепоезда, — тщательно скоординировать действия разведки нашей с той частью команды, что должна с пушками курсировать по выделенному отрезку дороги.

После чего начал держать в уме предусмотрительную догадку: «Предупредить надобно младшего сержанта и Амбу. Им придется со всей старательностью пройти по чащорам Полесья. Так следует прочесать урманы тамошние, чтобы не ушла из-под наблюдения основная база рьяных супротивников. Тогда удастся бронепоезду сыграть свою, весьма важную роль в приключившейся вооруженной борьбе. Заманчиво накрыть снарядами тайное лесное логово».

Проводив майора — в непременной срочности он отбыл на доклад к своему начальству, чтобы решить вопрос касательно радио для путешествующей команды — Лакунин дал указание законопатить даже мелкие щели в солдатской теплушке, покрасить ее снаружи: пуская состав с пушками выглядит на магистрали заведомо прилично, ровно вдруг помолодел старый бронепоезд, знавший о годах весьма давнишних. Не мешало бы вагону, предназначенному для отдыха бойцам в неблизкой дороге, поновей получить колесные пары, но это уж как нынче получится. Однако буржую, думается, надобно убрать в обязательности. Нужна плита более солидная на предмет приготовления артиллеристам и зенитчикам горячей пищи во время столь долгого маршрутного продвижения.

Пообещав собеседнику подыскать надежных помощников для способных

бойцов, сумевших толково устроить пригон для закордонного фотографа, командир многопушечного состава на сей момент полагалось без промедления обдумать — в естественности пристрастно — две или три возможные кандидатуры. Башлыков пришел на ум первым, поскольку тот имел интерес к аппаратуре телефонной: какие там контакты? куда и как идут электрические сигналы? Было у него дело — после школы рыбу ловил с мужиками колхозными у Шантарских островов в море Охотском. Затем ходить в плавание взяли его на грузовое судно. До службы в армии плывал по Тихому океану и, будучи приставленным к двигателю, находил несколько минут, чтобы навещать радиорубку, вести там разговоры о чудесах разговорно-дальнобойной техники. Ему как раз очень сильно захочется поближе познакомиться с возможностями радиосвязи, о которой взялся хлопотать офицер погранслужбы. При всем том парень показал себя солдатом исполнительным, инициативным, истинно таким, которому долгие дни предстоящего путешествия провести в изучении рации — это, что называется, вожаденный труд. Нисколько не досадливо неподъемная обязательность.

Сергей Башлыков, рядовой из отделения Толочко, о размышлениях командира бронепоезда касательно его, зенитчика, шибко уважающего счетверенный свой пулемет, не догадывался. Если о чем задавался мыслью, то лишь о сильно ароматной краске, накладываемой на стены теплушки: ой, напитается овощ ацетоновым запахом, коль приходится чистить картошку по соседству с малярами активно-усердными! Лучше будет, когда пересядет он подальше. Можно, к примеру, — на платформу, где запальные шпалы собираются ехать в какую-то даль. Покатят колеса туда, где солнце восходит, или туда, где положено ему снижаться по небосклону, пока что неясно, а вот нормальный обед для бойцов хотелось бы взять и в доскональности обеспечить.

Чистил бывший матрос картошку, вспоминал свои обеды на сухогрузе, когда тот исправно качался на волнах, навещал южные порты. Всего-то удалось до войны сходить несколько раз в плавание, однако запомнились далекие порты в горячих тропиках. Сингапур, например, удивил. Сельского хозяйства почти не имел остров, а если тебе, прогулявшись по улицам, возмечталось подзаправиться, то цены очень кусались даже в самых простых забегаловках, поскольку были продукты все больше привозные. То ли дело в родном Владивостоке: вполне доступные угощения мореманам в ресторациях, и уж как хороши были по майской весне вкусные салаты из молодого папоротника со свиной или с курицей!

Недавняя война с германцами, небось, поубавила обилие владивостокских нынешних угощений. А победа все равно своими замечательными приметами оделяет дальневосточников. И весна вокруг нынче такая необозримо-широкая, свежая: вот-вот обернется жарким летом, наверняка оно будет опять же радостно свежим, празднично теплым, в повседневности ликующе светлым.

В коридоре узорчатых листьев проходя вдоль состава, с требовательным видом оглядывая деловитую спешность подготовительных работ, не мог Лакунин оставить без внимания, куда и с какой стати переместился Башлыков вместе со своими сегодняшними кухонными причандами. «У зенитчика соображалка неплохая присутствует. Если что, группе наших разведчиков на западной границе она пригодится. Ладно, хороший солдат, здесь ты молодец, но будешь молодцом вполне полным, когда получишь в дорогу подарочек. Вручим тебе рацию, чтоб до седьмого пота осваивал ее, учась работать на волнах до страсти необходимых. А также потребуем, чтоб уяснил, как применять запасные детали на предмет вынужденного ремонта. Радиосвязь у нас должна функционировать с гарантией. Прямо-таки не хуже ручных часов».

Следующие сутки подоспели вместе с расторопным — пограничной охраны — майором, и в соответствии с прежней договоренностью Лакунин повел обновленно посвежевший бронепоезд как раз на восток, через огромный амурский мост, а затем в точности повдоль магистрали уже на юг. Оставляя приток — знаменитую Уссури с ее известными разведчикам Леонида казачьими поселениями — справа, истинно что неподалеку от беспокойной Маньчжурии, где не первый год пристально посматривали на Россию боевито настроенные квантунцы.

В сотне километров от Владивостока, на разъезде, встали, как выразился Башлыков, на якорь, чтобы дать локомотиву передышку и в обязательности дожидаться отремонтированную парочку вагонов. Вскоре приехали из столицы Приморья пограничники, привезли по уговору с подполковником радиоаппаратуру, но Сергею не удалось познакомиться получше с ней, поскольку вся команда бронепоезда очутилась занятой на погрузке дополнительных объемов каменного угля. Бывшего моремана заполошно тянуло, разумеется, туда — к сильно интересному контейнеру, где в надежной упаковке лежал заветный груз. Поглядывал на теплушку, где ждала его радость ознакомления с фантастически способным средством дальнобойной связи.

А младший сержант Толочко подметил зыркающие настойчивые взгляды Башлыкова, отметил для себя то, в какую сторону могли улететь дотошливые взоры будущего члена разведывательной группы, заявил:

— Мы где находимся? Севернее Владивостока, ближе к Татарскому проливу, где родился и жил Амба! Значит, желаешь погостить у нашего следопыта, верно?

— Когда отслужим свое, пусть приезжает, — весело хмыкнул ороч. — Угостим свежей душистой ухой, отварной вкусной рыбкой.

К вершине полудня подкатывал небесный огненный шар скорее медленно, чем быстро. Но если взять и приметить таковое событие, то надобно признать, что свою коррекцию в наблюдения, касательно местных природных особенностей, вносила усталость ретиво-старательных солдат. Командир бронепоезда решил подбодрить их:

— Пора вам приостановиться! Полезным станет вымыть руки, сполоснуть лицо, честь отдать запланированному приему пищи. Затем будет двадцатиминутный отдых в садочке разъезда, — поразмыслив, подполковник сообщил дополнительную информацию: — Там желающие смогут неспешно покурить. Заодно поведаю экипажу, отчего в свое время здешние места получили прозвание «Артемовские каменноугольные копи».

Башлыков с удовольствием в час отдыха молотил обед. При всем том не отказался в немедленности рассказать товарищам о человеке, очень уважаемом шахтерами:

— Впервые услышал о нем, когда ходило в Сингапур мое судно. Я тогда возгордился: вот в какие дали забрался молодой русский матрос! А мне мореманы в ответ: наш русский человек смог не так давно добраться аж до Австралии.

Еще не кончилось действие, называемое Лакуниным «запланированным приемом пищи», а будущая разведгруппа уже некоторые факты насчет Артемовской шахты получила. Что именно прознала? В профессиональных путешественниках русак не числился. Но жизнь его так сложилась, что все годы первого мирового побоища провел в Австралии, там ему зарабатывать средства на жизнь в качестве обычного эмигранта не возжелалось, развил бурную деятельность. Нашел единомышленников, они сообща организовали австралийский профессиональный союз рабочих. Артем вышел, что называется, на высокий международный уровень. Его по сию пору очень чтят австралийцы. А после Первой мировой он вернулся через Владивосток на родину. Такая, понимаете, голова! Шахтерам приморским эта фигура международного размаха пришлась по душе, потому как сумел мужик доказать надобность рабочего человека по всем параметрам, на любых землях, при всех условиях. У шахтеров есть особое понимание, как это важно — если жизнь твоя порой висит на волоске — проявлять умение объединяться, преодолевать сообща трудности.

— Солдаты наши тоже не против действовать сплоченно, по всей форме инициативно, — заметил Мыкола. — Чтоб выходило не абы как, но в обязательности победоносно.

— Всё нормально. Погрузку скоро закончим. Командир бронепоезда хочет побеседовать с экипажем. Перед ожидаемой дальней дорогой, — подумав, Леонид уточнил.

Разумеется, познавательная беседа начальства с утомленными грузчиками как раз ближе к уходу солнца на покой охотно вспоминалась в теплушке под перестук рельсов, озвучивались также воспоминания некоторых бойцов о неуступчивой схватке с японцами в пороховом прибрежье озера Хасан.

Ночь наступила такая темная, что прямо-таки чернее антрацита. Не исключалась артиллеристами квантунская предприимчивость, чтобы где-нибудь на Уссури получить от хитрых соглядатаев сведения о странном кочующем, пулеметно-пушечном составе, которому приморские шахтеры решили выделить вдоволь энергетического запаса для путешествия. Вовсе не в Маньчжурию, однако именно что в дальнюю даль — чуть ли не для прогулки вкруг земного шара. И черт с ними, пусть думают себе побольше! Авось, потом не захочется хамовитым военным в тупости недомыслия грезить, о победах над российской армейской силой мечтать.

Отсчет летнего месяца, ликующе звездного июня можно было вести после того, как отгудели железные фермы знаменитой громады амурского моста. Бронеплощадки не вот вам стремительно вознеслись над широким водным потоком — нет, они двигались ровно бы в задумчивой неторопкости, однако с колебимо уверенной мощью. Оттого желалось Лакунину слушать и слушать эту величественно гулкую силу, эту музыку послушной армейскому наступу стали.

Спустя солидную толику часов утренняя свежесть, а также пахнувшие смолистой бодростью кедровники скалистых сопок объявились: безотказно сопровождали путешествующих армейцев в то время, как от восточного края континента начали подлетать к бронепоезду лучи солнца, обещавшего долгожданную летнюю теплынь.

Дым локомотива пока что не стремился подниматься к легким перистым облачкам, он в смиренной постепенности, нехотя стелился повдоль небольших речушек сбочь железнодорожного полотна.

Осуществляя указание начальства, никто не спешил отправить в наряд младшего сержанта Толочко, ефрейтора Амбу и рядового Башлыкова на предмет необходимой среди нар приборки, а также для исполнения обязательных операций более удобного в вагоне обустройства. Троице было велено упражняться в тонкостях радиодела, потому как не враз, но истинно что в неперменности, через неделю-две бойцам не до того будет, чтобы упористо сидеть в закутке теплушки, учиться потихоньку, еще и еще раз учиться.

Башлыков заметнее товарищей суетился — чуть не напоказ усердствовал в познавательных теперешних процессах. Впрочем, его как раз весьма сильно беспокоило то, как остальные солдаты экипажа посмотрят на вчерашнего картофелеобработчика, вдруг получившего привилегию отлынивать от нарядов. Рядовые попутчики должны знать что? Не для того Сергея избавили от походной кухни, чтобы он без толку полеживал на боку, ворон считал возле аппаратуры.

Леонид, чувствуя, слыша рядом с собой и молчаливым орочем старательно громкое сопение бывшего моремана, в конце концов решил высказаться:

— Охота же кое-кому одновременно все разом сделать? Техническую документацию листать, крутить верньер приемника, запасные радиолампы пересчитывать!

Азартный молодец недоуменно заморгал:

— Очередность соблюдать?

— Давай всё будет в очередной внятности, — резонно заметил Толочко.

— Когда нас трое, — добавил Амба.

Без ненужной толкотни возле рации притерпелись они согласно ладить, затем все вместе безостановочно упражнялись полдня напролет, и нисколько не мешало им назойливо супротивное вызванивание пройдошливо-кусачих комаров, не наблюдалось от них препонов, а почему? Тут следует догадаться, что иногда залетал ветерок в полуоткрытую дверь вагона, приносил попутно дымные клубочки из паровозной трубы. А чтобы терпеть проявления столь усердной домогарности, то ни одному кровососущему насекомому не понравилось бы поведение локомотива, увозившего — с пыхтеньем шумным, с напорностью горячей — длиномерный, колесно-пушечный состав всё ближе и ближе к знаменитому водоему по прозванию Байкал.

«Вскоре увидим священное море, — думалось Башлыкову. — Есть причина вспомнить песню о широкой и глубокой омулевой бочке. А что касается Лакунина, то наверняка он похвалит нас за неотступность. За точное исполнение заранее предусмотренного учебного процесса».

Вечерять зенитчику, не получив пайку сахара к положенной кружке свежезаваренного чая, практически невозможно без того, чтобы не обзавестись потом иголкой с ниткой. И не наверстать упущенное в торопливых заботах — не подшить новый подворотничок взамен старого, немного испачканного углем в том краю, где располагались Артемовские приморские разработки.

Смотрит рядовой: умчались уже от Владивостока довольно далеко, и нынче по армейскому распорядку подарена тебе пара часов свободного времени для отдыха, когда заодно можешь отдать дань уходу за гимнастеркой. Затем... что же? Возбраняется пристроиться к прямоугольному окошку, расположенному в достоверности удачно — у задней стены отремонтированной теплушки? Пожалуйста, бывший морячок, нет ни у кого докучливых возражений, если уважаешь бегущую вдоль магистрали гряду высоченных сопок и желаешь получить удовольствие, осматривая дальневосточные красоты: где пышные зеленокудрые склоны, а где — остроконечные вершины с курумами, белесыми щепнистыми осыпями.

Если чем удивил Сергея вагонный следующий вечер, то громоздящимися прямо-таки египетской пирамидой, истинно что ими — на всю голову упрямыми неотвязными воспоминаниями. Разумеется, путешественнику допускается проникнуться когда-никогда пониманием: заоконные, великолепно живые меж сопок, эти сплошь урывистые водотоки, а также настойчивая изумрудность проплывающих мимо, сбочь Транссиба, картин, — оно всё предлагает зоркому наблюдателю в неперменности восхититься. И заодно загореться необходимостью самому себе доложить нечто проникновенно честное. Да, парень, характер у тебя тоже не без особой живинки, когда тянет урывисто вдруг броситься, почти еще мальчишкой, к добычливым колхозным смельчакам и вместе с ними пройти сетями там, близ беспокойных Шантарских островов, где излюбленные места у пришельцев рыбьего племени, пусть у лосося тихоокеанского, пусть еще у какого шустрого клана Охотоморя.

И по какой нужде храбрость выказывал? Просто мечтал, набравшись впечатлений,

взять и рвануть в новые края, чтобы получить впечатлений на порядок больше. Подоспел момент, чтобы повидать неординарный остров Сингапур, и там вволю насмотрелся на разные экзотические виды. Много мыслей было и много имелось возможностей, чтобы полюбоваться на земные роскошества. Но вот сегодня ты смотришь на прекрасное Забайкалье. Чудится тебе, будто главный ход самой длинной в мире железной дороги лежит не с краю где-нибудь, но, по самой верной правде, как раз в середине всех чудесностей шара земного.

На юг когда воззришься, там лежит необыкновенно уместительная Монголия с многотысячными стадами разнообразных животных. Они вольно пасутся, где пожелают, а в то же время привольно среди степей и пустынных песков полеживается — порой чуть ли не открыто — невообразимому количеству динозавров: точнее, костям всяких ящеров, проживавших в этих евразийских просторах миллионы лет назад. Однако и сибирские места, которые находятся в северных параллелях, не менее окажутся интересными. Настолько загадочными, что заведи лишь разговор о Подкаменной Тунгуске, об Эвенкии, куда в двадцатом веке из космоса прилетело кое-что до сих пор непознанное, весьма похожее на корабль инопланетян, прилетело и взорвалось, — сразу поймешь: на континенте, где неуклонно тянутся рельсы огромной магистрали, очень мало таких, чтоб не слышали они о взрывной волне, трижды обогнувшей нашу планету.

В час, когда не спеша уходило, за горные вершины прячась, малиновое солнце, беспокоили думы и Лакунина. Все они были, как говорится, резонно подоспевшие, в исключительности насущные: машинист должен сообщить, не промолчит, если приключится надоба, кривошипно-шатунный механизм у него под неусыпным надзором, мужик в достоверности опытный, из старослужащих и всегда готов провить инициативу!

При всем том, подполковник, тебе не помешает показать наперед всяких затруднений, что по-хозяйски, в первую очередь ты наблюдаешь за безусловно четким продвижением пушечного состава. А также за соблюдением правильной — ответственно размеренной — дисциплины среди путешествующих армейцев. Им стоит, кстати, освежить в памяти уставы, потому как прибыть дальневосточникам на очень бедовую ныне западную границу простачками, не помнящими родства Иванами, то есть расслабленными, чутко разболтанными, — уж никак в дальней дороге допустить такого не могут пожелать ни командиры, ни солдаты.

На одном из разъездов заправили паровоз водой, двинулись дальше на запад. Постукивали бронеплощадки на рельсовых стыках. Погромыхивали стальные буфера, если притормаживал пыхтящий локомотив. И машинист озабоченно посматривал на более скоростные составы, неумоимо бегущие, куда им всем нынче нужно. Вот же какие они повдоль Транссиба лихие! Всё-то у них отлажено для быстрого продвижения к цели. Наш староватый железный поезд идет уже сутки без остановки, и пока всё в норме. Однако надо бы подсказать начальству, что на ближайшей станции опять невредно будет ненадолго приостановиться, чтобы подзаправить водой локомотив и чтобы осматрщики проверили, хватает ли смазки в колесных буксах, когда положено команде быть бдительной — как есть избегать возгораний по причине торопливого недоумства.

Примерно в том же направлении, приравливаясь к особенностям путешествия на освобожденные от германцев земли, пошли мысли у Лакунина, когда в штабном вагоне оглядывал он содержимое шкафчика с картами и прочими бумагами, меж которыми когда-то нашел себе местечко Устав внутренней службы. «Надо бы старшине сказать, чтобы после завтрака проводил занятия. Солдатам, пусть и в долгой дороге, не стоит забывать о правилах армейской жизни. Тем более перед выполнением весьма непростой задачи».

Обмозговывал он между прочим и вещи, вроде бы не имеющие прямого отношения к движению бронепоезда. Любовался законными видами, ровно солдат-первогодок. Присев у окошка, посматривал туда, где громоздились над лесистыми холмами беловатые, по-летучему легкие, нисколько не грозовые, июньские облачка. Родной — сдружился подполковник давно с ним — досточтимое железный, пушечно упористый состав меж тем миновал в размеренности травянистую равнинность, начал набирать ход по побережьям горных извилистых рек.

Вопрос: офицеру приходилось ли раньше навещать именно узкие холодноватые доли? Вопросительность излишняя, потому что, бывая в примечательной гуще железнодорожных завихрений вблизи южной оконечности Байкала, находил он много по виду общего с рельсовыми ветками — более восточными. И — не менее способными, тщательно продуманными, когда сопки по необходимости оказывались истинно что с вырубленными полками. На которые в свое время строители сумели

положить шпалы, затем устроить разъезды с той расторопной целью, чтобы свободно проходили поезда к Владивостоку: для русских — желательному, всемерно дорожному пункту великолепного Транссиба.

Хотя рельсы полеживали на искусственных уступах весьма надежно для «железки», насчитывающей не один десяток лет, мастера-путейцы о вопросительных особенностях подобного расположения шпальных решеток знали, оттого дали свое наименование «любимым» полочкам. Их они обозначили как «прижимы». Дорогу проложили еще в те времена, когда царствовал дом Романовых, и теперь, спустя перипетии годов — когда локомотивы стали мощнее, а вагонные сцепки значительно длиннее — было чудно видеть, как близко порой сходились голова и хвост составов.

Крутит по каменистым отрогам межгорья бронепоезд. Куда каким интересным выходит путешествие для армейцев. И если увлекательны рассказы моремана, то привлекательными также глядятся неисчислимые бойкие водотоки, темнозеленые по летнему погодному наступу ряды сопок. Заодно внимание обращают на себя и редкие полустанки с аккуратными домиками обходчиков.

Лакунину вполне ясна радость молодых членов команды, когда есть у них возможность наблюдать послевоенный мир своей жизнелюбивой Родины с ее роскошными небесами, с чудесными ее далями. Страна уцелела в битвах, сложилось всё прекрасно!

Ан, морща лоб, требует подполковник от себя дополнительных, более усердных соображений. «Не стоит благодушествовать. На сегодняшний день обнаружилась в экипаже явно выраженная устремленность. В досточтимости полезная или какая-нибудь напрочь посторонняя? Если учесть обстоятельства, непреложно строгие для длинной магистрали, получаем размыслительно верный результат: горячий интерес Башлыкова к радиовозможностям зажег у молодых солдат непреходящую любознательность. Их не корми хлебом — дай послушать объяснительные лекции бывшего моремана. Ладно, впереди у нас в доподлинности новые места, и всякое там шибко неожиданное может приключиться. Потому и порядок уставной обеспечим, и знатоку нашему будет дозволено продолжать свои беседы. Нет сейчас внезапно суровой нужды, чтобы поскорей тушить любопытствующий огонек у большинства команды».

Для экипажа никакой не секрет: бронепоезд староватый, еще с неумолимых сражений гражданской войны изведан он в изобильности неожиданных нападений, хоть по ходу своего движения, хоть в некоторых ожесточенных противоходах. Нынче дозволено ему было испытать свою, достаточно весомую, долю придирчивого ремонта. Все ж таки остерегалось путешествующее вместе с ним офицерское начальство давать взбодрившемуся бронированному паровозу быстрый бег с торжествующим гулом, до которого столь охочи оказались встречные, идущие на Дальний Восток поезда с новейшими локомотивами.

Кому как не подполковнику Лакунину, опытному командиру, полагалось поразмышлять на предмет ввинчивания тяжелого железного пулеметно-пушечного состава со всеми его запасными шпалами и рельсами в череду южно-бережных байкальских, на погляд тесноватых, тоннельчиков. Того и гляди: либо вдруг застопорится продвижение в узких проходах по вине какой неловкости, либо ремонт проявится не самой лучшей стороной, заставив машиниста заявить внезапно: «Стоп, кривошипно-шатунный механизм!»

Не задержалось насущное тревожное соображение, объявилось в обязательной колкости: разве помешало бы догадаться чуток раньше? Пускай сей момент старшина подбодрит команду на предмет осторожности особой!

Так что походкой твердой пошагал наказ к Фим Фимычу, который был на семь лет постарше, а потому командир бронепоезда предпочитал обращаться уважительно к человеку пожилому, служившему при пушках на колесах, почитай, с гражданской войны. Тот принял слова Лакунина к исполнению. Пошел от хозяйственного усача всем солдатам тот непреложный совет, чтобы прикрыть оконные проемы в теплушке, поплотней задвинуть вагонную — напрочь распахнутую по причине июньской жары — дверь. А то ведь наружу вылетит что-либо непотребное для тоннеля, оно попадет на рельс, и тогда наступит, само собой, опасный, до невозможности ненужный ступор.

— Что может в шибкой необычности от нас вылететь? — подивился зенитчик, рядовой из отделения, правил которым Толочко. — Если взять мою родную Эстонию, там тоже хватает всяких теплушек. И я никогда не видел, чтобы из них вылетало на рельсы что-нибудь исключительно странное.

На таковскую звучную вопросительность ответственно поспешил откликнуться командир отделения, младший сержант, и в каком смысле он высказался? Именно в

таким, что Эвальд и зенитчик хороший, и многое на западе нашей страны повидал, и его познания вдоль по жизни, вне всякого сомнения, интересны.

— Я даже не против того, чтобы взять тебя в нашу разведывательную группу, — закончилась мирная речь Леонида. — Ты для нас солдат, что называется, подходящий.

Фим Фимыч, будучи пожилым и весьма понимающим человеком, в усы крикнул, поднял палец вверх. Допустим, что узких, низких, старинных, без освещения, тоннелей мало в Эстонии! Ан здесь у нас как раз темновато, узковато. И если молодой солдат с миской перловой каши невзначай торкнется в открытую дверь... Допустим, странности не случится, и не вылетит он в неясную темь... Вылетит миска, после каши скользкая, попадет она под колесо и тормознет состав на все сто, допустим...

— Это недопустимо, — доложил Эвальд, в задумчивости покачав головой.

— Ну вот, — заключил старшина. — Всем все ясно.

Локомотив, пыхтя, вкатывался неторопливо в очередность скалистых холмов, нависавших над озером, и если для одних солдат удивительности в подобном замедленном танце бронеплощадок не наблюдалось, то не скажешь того, взглянув на Эвальда. Не мог он сейчас не вспомнить, как его товарищи покидали Таллин перед занятием города наступающими гитлеровцами в сорок первом году. Эстонцы, уважающие Россию, дружелюбно к ней относившиеся, отступали на новые рубежи вместе с другими защитниками Прибалтики, до боли родной. Вернулся вместе с однополчанами, когда землякам в батальоне оказали честь первыми войти с боями в столицу республики. Тогда ему дали отпуск недельный, чтобы навестить отца и мать на хуторе, и домой ехал он в ничуть не странной теплушке донельзя счастливый. Лишь через день известия о знакомых местах настигли...

На теперешнюю минуту лицо парня гляделось довольно-таки задумчивым, столь в затуманенности отстраненным, что Леониду возжелалось товарищескую беседу с ним продолжить. Вот он и подсуетился, пристроился на табурете по соседству:

— Вишь, какая погода навалилась. Жарковато, истинно что до упора. Баня бы нам после всех приключившихся забот не помешала. Примечать если, Фим Фимыч уже почал готовить и то, и сё для помывки личного состава на ближайшей станции. Небось, попаримся от души.

— Когда оно так, тогда и хорошо, — исполнительно моргнув, Эвальд поддержал обстоятельную речь.

— А ведь за Байкалом откроется перед нами Ангарская да Енисейская даль, где гляди знай и поражайся, какая богатая природа раскинулась посереде нашей континентально расчудесной страны, — доброжелательно высказался, глядя на придорожные картины, Башлыков.

Той минутой Эвальда дипломатические соображения одолевали. Если просто бы, к примеру, трепаться насчет мимолетающих ворон, то легкие разговорные туры о птичьем горластом племени поддерживать с какой стати? Однако здесь тебя в разведывательную группу берут! И ты должен, будучи рядовым бойцом, чувствовать прилив гордости, правильно? Такие обозначаются дела.

«Видать, показался достойным. Оттого имею право не то чтобы нос высоко задрать, но с готовностью выказать благодарность опытным бойцам — это желательно. Словесно поддержать беседчиков очень даже возможно. Мне все-таки доложить о своем, на особицу большому, удовлетворении затруднительно. Честно сказать, не отпускают думы о путешествии в попутном вагоне к отцу и матери! Они ведь у меня из оккупированного Таллина в свое время ушли. Спрятались, репрессий жестоких остерегаюсь».

От гитлеровцев никакой нельзя было ждать пощады им, пожилым людям, родителям того парня, который в открытости ушел добровольцем на войну с национал-фашизмом. Довелось прознать Эвальду, что свои на отдаленном хуторе тогда спрятались, у знакомых решили таиться. Припомнить сейчас, как доехал поезд до нужной станции, как вышел прибывший солдат на платформу и стал озираться, искать хозяина повозки, что притулилась неподалеку возле магазинчика, — в обязанности встанет вся незадача перед глазами.

Откровенная распирала душу радость, поскольку вскоре будет встреча с родными. Оно действительно так укрепилось в мыслях, а вот хозяин деревенского транспорта ехать отказался: перед уходом немцев обьявились в тех местах гости, спалили весь хутор! теперь там нет никого! Новость из разряда — с размаху по голове топором. Даже качнуло, будто проняло каким неожиданным штормом. Помолчав, упрямо сказал, что всё ж таки двинется пешком, там проживали мать с отцом, далеко ли шагать? Километра четыре, получил разъяснение, но раз найти желаешь следы родичей, тогда ладно, вместе поищем. По дороге хозяин телеги дощатой рассказал в доброжелательности: националисты из местных не на одном хуторе полютовали

супротив тех, кто приветствовал освобождение от гитлеровцев.

Эвальд армейской формы не снимал, по ней и выследили солдата прятавшиеся в лесу вооруженные бандиты. Первым же выстрелом уложили на дно телеги. Спутник ждать не захотел еще одной пули, заворотил к станции лошадь. Тем самым спас жизнь соотечественнику.

Немало недель прошло, прежде чем встал Эвальд на ноги. Один госпиталь, другой. И лечили его не только химией, заодно — уральскими народными средствами, дополнительно потом какими-то корешками, травами в Хабаровске. Врачи дали всеобъемистый укорот затяжному воспалительному процессу. Что ж, спасибо Лакунину: взял после всех этих передрыг к себе, в пушечно-пулеметный экипаж...

— Хотелось бы сначала посмотреть в доподлинном техническом описании пропечатанную схему передатчика, — дав укорот тяжелым думам, Эвальд обернулся к товарищам по группе. — Станет затем полегче мне разобраться в принципах практической работы.

— Документация? Беру на себя. Всё обеспечу, — радостно сообщил Башлыков.

Подъем настроения у него произошел нисколько не случайно: любитель хитростей электрических увидел в деловитом Эвальде человека, кое-что понимающего в том, где в радиосхемах располагаются хоть усилительная лампа, хоть тамошний анод, хоть катод.

Тесные тоннельчики не подкатывали больше к бронепоезду, отступили поочередно, и когда остались они позади, Фим Фимыч дозволил сызнова дать отставку всяческим запорам теплушки.

Стоя у распахнутой двери, Леонид на свободную минуту размышлял о прошлых днях. Когда самому себе объяснить, то — на особицу о чем-то родном. В обязательности об уссурийских плесах, о серебряных заворотах средь подлунного разнотравья? Не совсем точно так, однако девушку точно вспоминал. И вечерняя хмарь накануне призыва уверенного в себе, крепкого молодца в армию, если по правде, была ничуть не темной: ведь ровно серовато пушистым облаком принакрыло краешек уходящего солнца.

Как раз тогда было сказано парню: послание ему напишут... о дружбе. Даже — о возможном вдруг будущем. Когда письма не случится... вышла замуж за другого, и пусть дружба останется дружбой, договорились? Он с ответом не заторопился. А сегодня рука вдруг потянулась к затылку, поскольку явная почесуха приспела. Время идет, и вчерашний допризывник ныне уже младший сержант, который стоит в дверном проеме и думает: «Сегодня вот погромыхивают рельсовые стыки, а весточки ни на грамм нет! Скоро ли придется возвратиться в родное поселение?» Похоже, вопрос отнестись надобно к чересчур сложным.

Тем временем открылась вдруг перед его глазами щебнисто покатая ложбина меж холмов. Словно бы какой внезапно возникший художник разохотился отмечать широкой кистью придорожную картину. Понизу, чуть выше земли, он щедро налил оранжевой краски, благо закатное сибирское Ярило не отказывалось дать подмогу искуснику. На правом борту распадка согласно легла густая лиловая полоса. Тогда как левый борт обзавелся упористо-плотной, солнечно-горячей желтизной, переходящей к вершине сопки в голубоватую полотняную ширинку: ровно в цветочном изобилии там вполне расположилась праздничная делянка весеннего багульника. А вверху, над притихшим вечерним распадком, размахнулись, лесенкой пошли наслаиваться кирпичиками они — счастливо домашние, перистые, полупрозрачные, стратосферные тучки.

Здесь вдруг нахлынула на Леонида отчаянная радость приобщения к достоверному чуду родной земли, о котором он раньше почему-то не думал, однако на сию минуту явилось, действительно закрепилось в голове: роскошно подробные красоты российского Дальнего Востока, куда бы армейца ни занесла судьба, уж столь близки сердцу. Он понимает их, принимает всем своим существом. И никогда не забудет, как песенно, поклонисто вечерние сопки в молчании тихом, но заветно многозначительном, провожали земляка в дальнюю дорогу. Ему поперек иных каких эмоций дана возможность почему-то именно сейчас взглянуть в беловато-прочное кирпичное построение однородных облаков, что лесенкой, удаляющейся в сторону Байкала, упрямо поднимались в глубочайшие небесные выси. Вслед за ними и мысли все у Леонида заторопились приподняться.

Признавайся, младший сержант! Ведь ощущаешь в себе моготно-внезапную прозорливость и веришь догадке, что вслед за мощными электрическими станциями на Волге и Днепре придет вскоре большая энергия хоть на быструю дальневосточную Бурею, хоть на соседнюю сильно размашистую, многоводную Зею. Решительно укротят они муссонно-заполошные потоки, дадут селянам свободу в завидных

масштабах заниматься высокопроизводительным аккуратно-поливным земледелием.

Пускай здесь грозовой океанский ливень примчится, пускай грянет жара, порой на отличку объемистая, поистине тропическая. Но коренному обитателю местной земли, ему ли не знать, как оно важно, чтобы Дальний Восток мог сам себя обеспечить продуктами питания в любые погоды? В конце концов, победа над гитлеровцами — это несомненная гарантия: чудо будет или не чудо, а случится как раз то, во что сегодня поверил. Стоишь, глядишь, волнуясь, и в неожиданности вырастают в глазах картины новых строек, на которые страна — доказано уже — большая мастерица.

Стучат бесперебойно под полом теплушки натруженные колеса, и на слух когда, то по всему порядку неутомимы они. Ровно бы неймется им отсчитывать грядущие хлопотливые деньки.

Нынешнее путешествие понеутомимой жары заставило старшину, многоведающего Фим Фимыча, поскорее завершить подготовку к назревшему банному случаю. Когда многопушечный состав загребал всеми своими звучными буферами, вслед за тем замер на полустанке, пропуская вперед какой-то шибко скорый поезд, и все солдаты в поспешности из теплушки направились к бетонной стенке, где из крана охотно лилась прохладная водичка, тогда... именно тогда, в строгой своевременности, послышался уверенный бас:

— Кто дозволил тут плескаться? Не было от меня разрешения! — целеустремленные словеса громкого старшины продолжали объяснительный разговор с той шибко намоченной частью экипажа, которая не очень бодро пошла грузиться назад в обжитую уютную теплушку: — Вам надобно знать, наше командование как раз в точности ведает, что придорожный поселок тут невеликий, и баня местная топится вовсе не каждый день.

Всем стало понятно — подполковнику резонно было пошагать к железнодорожному началству, чтобы, в случае захладевшего помывочного пункта, оно, которое местное, поспособствовало бы спору разжигу банно-печного устройства. Нагреются котел, помещение — пожалуйста, прибывшие военные, отправляйтесь на горячую санобработку. А на сей момент все, которые намочить не успевшие, и все, которые с мокрой форменной одеждой и с мокрыми сапогами, забирайтесь в помещение, которое свое, ответственно путешествующее! И чтобы там было по армейскому распорядку всё чисто-начисто, хоть с форменной одеждой, хоть с измазанными глиной дощатыми полами. Ясна диспозиция, которая теперешняя на все сто?

— Здорово Фим Фимыч торопыг отбрил, — сказал Мыкола младшему сержанту, а тот, свою группу внимательным быстрым взглядом окинув, деловито заметил, что неорганизованность также впредь ни в коем виде приветствоваться у разведчиков не станет.

Развиднелось над синью Байкала, над стремнинами Ангары и Енисея глубокое небо, и пошли в отчаянности под могучим ливнем солнечного света все сильней и сильней уноситься вверх по вертикалям парные исходы сибирских вод.

Лакунину знай утирай со лба щедрый пот: на сей час ему выпал проникновенный случай, когда человеку не миновать приметить природные континентальные особенности. А также — взаимосвязь исторических далей, где внезапно увидишь, как путешествует Пушкин из Петербурга в Москву, и где путнику встречается тишайше скромный, исключительно добрый станционный смотритель.

Не суть важно, что у знаменитого литератора герой был в годах и не при поездках обретался, а при лошадях. Обратишь ведь внимание, насколько русский служивый человек прошлых времен близок по характеру, обходительности, по сердечной отзывчивости нынешнему железнодорожнику, заправляющему делами полустанка. Также и то замечательно, что вдруг обнаружишь родственную душу у здешнего начальника, коль не так давно ходил тот в командах артиллерийской батарее.

По ранению, полученному в сорок первом году, его демобилизовали, и ныне Лакунину с ним беседовать не просто легко, ведь прямо-таки приятно: никаких проблем нет, что называется, даже на йоту. С полуслова понять друг друга — для путешествующего командира железного пушечного состава истинно что неожиданное подарение. При встрече на подробности касательно своей теперешней службы собеседник не скупился:

— Имеем у себя ответственных стрелочников, заботливых путевых обходчиков! Им нужна баня, как и прочим обитателям местного поселка, пускай невелик он. Так что горячую воду для помывки гостям обеспечим, соответствующее пошло уже банщикам указание.

Разговор был прерван огромно длинным воинским эшелонем, что — почти не сбавляя скорости — загрохотал мимо железнодорожного узла. На платформах угадывались крытые брезентовыми накидками танки, пушки, а также реактивные

минометы, которым на прошедшей войне российские воины дали прозвание «Катюши». Громкий состав продвигался в сторону Приморья, и бывшему артиллеристу захотелось высказаться в том смысле, что кому-то дан приказ торопиться на запад, кому-то, наоборот, на восток. Никакого нет желания тут знать об указаниях команде бронепоезда. Однако, думается, и подполковнику нельзя терять зазря ни единого дня.

— Что верно, то верно, — в свою очередь высказался Лакунин.

Деликатный он, пришло на ум гостю при погонах, и хорошо понимающий, этот станционный служитель. В смысле поддержания бдительного порядка пусть в путешествующей воинской части, пусть на ветках теперешнего транспорта, повдоль крайне хлопотливой Транссибирской магистрали.

Конечно, вдумчивый русский поэт не случайно навестил твою голову, озабоченно путешествующий подполковник. Есть ведь она, есть та историческая общность далекого прошлого века и нынешнего времени, когда что бы ни происходило — ты при деле, и значит, скромно, ан сполна, во всех тонкостях продолжай нести, свершать долю своей служебной ответственности. И если ты, кадровый офицер, видишь в демобилизованном командире батареи душу простого, но весьма честного соплеменника, то... не уйти, ни за что не отказаться от припоминания пушкинских строк о тихом станционном смотрителе.

Вон, гляди, воинский эшелон промчался рядом с притомившимся бронепоездом, машинист которого занят пристальным осмотром локомотива. Будет проверка разгоряченной машине, и получит она, как положено, дополнительную порцию неперемогенного водоснабжения. Не обращает паровозник никакого внимания на рельсовый путь, где оглушительно прогремели колеса встречного поезда с «Катюшами». А вот ему, Лакунину, — прямо вразрез с тишиной, в дорожно знакомой солдатской теплушке установившейся — внезапно припомнился тот грохот напряженного железа, когда загудел огромный Амурский мост, провожая на запад, в дальнюю дорогу, дальневосточный пушечный состав.

Сомневаться не приходится: полустанку всякому — воинский скорый будет навсегда явлением знаменательным, нисколько не свалившейся из-под небес какой веселенькой шутейностью. Поскольку под рельсами начинает зримо дрожать земля, победоносный вихрь напористо вздымает всё, что случайно между рельсами оказалось, а разгул металлического звучания так уж рьяно взлетает к ошеломленным тучам. Птицы, пусть они сильные большескрылые орланы, в панике уносятся прочь от неожиданно ураганного могучногласия. По сибирским размашистым лесам и бескрайним степям идут нынче поезда с непростыми грузами на Восток, и если где сурки, что любят обитать в просторных травянистых равнинах, сегодня копают прихотливые норы, то им не миновать того, чтобы потревоженно удирать подальше. Хоть в ту же огромную Даурию или, к примеру, широтно южнее.

Лакунин, приподняв брови, усмехнулся: оценил свои мысли как случайно приметливую реакцию на еще один эшелон с танками под брезентами, которому было велено промчатся в скоростном режиме туда — в месторасположение Уссури, в сторону привольно раскинувшегося на холмах Владивостока. На окраину той размашисто щедрой угольной шахты, где знали, высоко ценили своеобычного русского мужика по прозвищу Артем.

Бывший артиллерист уточнял по телефону какие-то действия работников местной водокачки, так как им полагалось наладить согласованный режим с контингентом поселковых банных истопников. Оттого случились неторопливые минуты у подполковника, чтобы сообразительно вернуть мысли к Амуру. Когда тут, за окном, с неуклонным громкозвучием отличают великолепно красивую Транссибирскую магистраль, то в неперемогенности вновь припомнишь железный мост у Хабаровска, разве не беретит голову недавняя оратория?

Ведь начини только сравнивать одного русича с другим... простого станционного смотрителя, обрисованного Пушкиным, с разговорчивым, по-простому отзывчивым здешним железнодорожником, получившим на войне офицерскую отставку по ранению... как только с упрямой попыткой рыпнешься нынешнюю жизнь осмысливать... лишь задумаешься над сим наглядным фактом... черт побери, вырастает перед тобой столь сильная, надежно укорененная фигура земляка-соплеменника... ну, прям-таки под облака поднимается уверенная стать душевно трудолюбивого русского мужика!

Сызнова припоминается в резонности та ночь, когда поразила тебя мощь железной музыки, величавая зычность мостового перехода через Амур.

Неуж догнало тебя оно, случившееся расчудесное видение? Могуче укрепились видение целеустремленного, в обязательности непреклонного, приморского проживателя, неперемогенного гражданина?

Сейчас, проморгавшись, возьми давай и догадайся: шумно гулкий симфонизм воинских эшелонов уж очень впечатляет, и ничуть не менее примечательна та полновластно звучная сила, когда недавно в притихшем темном вагоне ты внезапно чувствовать начал, что за явление возникло перед тобой.

Так что имеешь теперь право прийти к умозаключению какому? Это, если уважительно вникнуть в суть, именно что сам Дальний Восток, как великански огромный в своей извечной справедливости мужик, державно-чудесной силы россиянин, требовательно встал и стоит на страже безопасности, которую вынь да положи стране, утомленной кровавой недавней битвой.

Ты, бывший слушатель офицерских курсов, заимел возможность нынче оценить строчки Пушкина, который много лет назад поэтически рассказал о явлении, что сродни оглушительно-взрывному шуму разбуженного вулкана: о медном всаднике Петербурга поведал. В городе, как ни рассуждай, нечто похожее произошло с героем поэмы. Тот увидел великанскую фигуру ничуть не фальшивого труженика, громадной стати человека, озабоченного славой Родины, ее прирастающей законной мощью, и что при этом услышал вполне последовательно? «Как будто грома грохотанье — тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой».

Кабинетный хозяин той минутой закончил телефонную беседу, в свою очередь взгляделся в оконный проем: как там свершаются подчиненные хлопотливому наблюдению дела полустанка? Новизны, в особенности горько-некрасивой, не наблюдалось, и самому себе на сей час возможно вполне удовлетворенную выказать объяснительность. Разумеется, плановым ремонтом решеток шпальных, когда по зимней поре, заниматься не стоит у нас. Теперешняя хорошая погода больше подходит, чтобы на соседнем участке потребовали установить часовое окошечко, то бишь препон в движении поездов. Эти два эшелона потому спешают здесь, что радетельно торопятся проскочить поскорей к Байкалу и далее. По таковской причинности ему, нынешнему железнодорожнику, сразу же вспомнился фронтовой знакомец, что сопровождал воинский состав, чей локомотив тоже заправлялся водой на полустанке.

— Приключился тут у меня интересный момент. Ведь что рассказал вчера комбат, бывший однополчанин? — с командиром бронепоезда захотелось дружески сейчас же поделиться. — Ведаешь ты армейскую новость или нет, давай обсудим событие...

Подполковнику пришлось от неожиданности вздернуть головой, покрутить шеей, твердо заявить:

— К чему подобный разговор? О событиях такого порядка нет нужды распространяться...

— Ладно, всё понимаю, не беспокойся. И комбат понимал, он проявил инициативу отчего? Решил порадовать меня. Как человека сильно пострадавшего в бою с германцами. Дескать, упористому захватчику дали достойный отпор, и ныне победительный флаг, который наши бойцы водрузили над Рейхстагом, в Москву поехал. Дальше — больше, перед вашим утренним сюда прибытием я читаю в газете известие официальное: 24 июня состоится на Красной площади в столице парад, куда российские фронты пришлют своих отличившихся представителей. Вот такой момент с флагом. Символ справедливой армейской победы поехал в нашу столицу, чтобы там отметили событие всенародного значения, правильно рассуждаю?

24 июня, Красная площадь, праздничный парад — это замечательно, мысленно доложил сам себе Лакунин, однако бронепоезду предстоит выполнить неотложную задачу. «Разве можно хоть на миг позабыть о цели нашего продвижения повдоль Транссиба? Свершим свой марш успешно... тогда будем считать, что поучаствовали в параде... извини, станционный смотритель, не могу поведать тебе о нынешних наших делах».

— Молчишь? Думаешь о назначенной дороге? Можешь не отвечать. Горячая вода будет готова для солдат через час. Поедет туда ваш экипаж, куда ему надобно. С празднично чистой душой, с чистым телом, с напутственным добрым пожеланием от демобилизованного артиллериста, — собеседник промокнул платком заблестевшие от слез глаза. — Не удержался, вишь, контуженный. Час был тогда такой: под обстрелом один за другим падали, погибали все мои батареи.

Толочко в то время, когда команда драила пол теплушки, удаляла с досок мокрые глиняные ошметки, заодно также получала от деловитого старшины брусочки мыла для назревающе-солидной помывки, в тот час младший сержант ни одной минуты не терял. Включил радио, заявив Фим Фимычу:

— Нам велено технику осваивать досконально! Этим и займемся, тем более что моя группа не позволяла себе под краном у бетонной стенки зазря плескаться и в радости тут мусорить.

Тот резоны выслушал, возражать не стал, поскольку знал кое-что насчет мудреных электрических обстоятельств у Леонидовских подчиненных. Пусть какой невеликий момент, но если обучающиеся употребят его с пользой, то давайте двигайтесь своим порядком дальше, будущие особые разведчики.

Сергей, как истый мореман, не упустил случая пошутить. Ласково похлопал по зеленовато-железному боку приданного пограничниками новенького радио и, с хитрецей поглядев на товарища, доверительно доложил:

— Веришь, хлопотливый начальник, не избежать тебе той награды, когда на погонах окажутся майорские звезды! Всего несколько лет, и оно произойдет в точности. Ведь характер у тебя озабоченный... прямо ух!

Присутствующие поблизости громко в хохот вдаряться не кинулись, однако потихоньку заулыбались. Им, виновато старательным подметальщикам, разрядочка с этими мокрыми половыми досками временного местообитания оказалась не лишней.

Старшина, отходя, вздернул брови, кивнул вполне понимающе. Вроде бы кто-кто, а старослужащий здесь наблюдается, и он как исправный военный имеет мнение такое, что возражать известному любителю радиосвязи при нынешних сложностях нисколько не к спеху.

Башлыковские догадки, в заметности юморные, не требовали въедливых комментариев, другое дело — веники из тонких дубовых ветвей. О них перед уходом бронепоезда сообразил: пригодятся для поддержания порядка в пути. Но разве мог тогда подумать, что пол теплушки однажды покроется мокрой глиной чересчур обильно. Вон же — веники все уже в работе, и запас подходит к концу! Направить в придорожную изумрудность кустовищей надобно глазасто расторопных заготовителей: «Иначе некрасивость безответственную приобретет походное жилище молодцов-дальневосточников!» Фим Фимыч в озабоченности отошел осуществлять назревшее соображение о строгой житейско-солдатской санитарии, отсутствие которой стало бы причиной укора от Лакунина.

Что касается Толочко, ему шуточка Сергея не то чтобы не понравилась, просто понадобилось уточнение, оттого в достаточности серьезно порешил дать свое понимание ситуации:

— Если подучусь, займею право даже генералом стать. Была бы мотивировка.

Бойкий мореман, повывавший в своих путешествиях разные виды, ответно позволил себе не согласиться, пусть и вполне по-дружески:

— Э, нет, больно у нас командир исполнительный! Для майорского звания в самый раз, а вот генералом быть — инициативу проявлять! Именно это как раз полагаю, дорогой наш младший сержант.

Мимо ушей старшины веселое беседистое пересудство не могло пролететь. Он в большие начальники — говорите хоть так, хоть сяк — не метил, однако нужную долю инициативы на сию минуту выказал достаточно быстро. Нарядил пару артиллеристов отправиться в зеленую гущу сбочь железнодорожной полосы отчуждения: пришла пора обзавестись материалом кое-каким:

— Про китайские знаменито упористые, то бишь в меру жесткие, изготовленные из сорго веничного, просяные изделия вам, конечно, хорошо известно, поскольку приметливости приморцам не занимать стать. Так что берите в кустовищах веточки для веников не такие, чтоб чересчур облиственные, а такие, где будет наблюдаться особая стойкость к изломам.

От старшины приказание следовало исполнять споро, заготовители лихо наружу выпрыгнули, побежали по указанному адресу. Если претензии какие заимели к Фим Фимычу, то лишь мысленные: мог бы ты, справный хозяйственник, и чуток пораньше догадаться о маньчжурских великолепных просяных вещичках.

Проницательно соответственный — истинно что про себя — дал отпор мужик, тянувший армейскую лямку не одно десятилетие. «Ладно вам скепсис держать на лицах, новобранцы! Я, когда в нашеском Приморье очутился, ведь дошел сюда из Поволжья, сильно голодающего. Чуть не загнул, да хорошо попутчики нашлись. Сообща кое-как добрались до Владивостокского депо, где нашли работанье у железнодорожников и, значит, пропитание. Нынче вот служу старательно, а промашка моя — вовсе не обязательная, потому как случайности в деле военном нисколько не исключены. В этом вся теперешняя правильность. И еще то правда, что дорог старшине Дальний Восток российский. Он в свою пору дал жизнь оставшемуся целиком без родных пацану, но также...» Потекли мысли у молчаливо насупившегося Фим Фимыча: «Разве назревает факт малоинтересный? Есть нужда понять, что молодым солдатам станет полезным от меня разговор! Из века в новейший век укрепляет наша страна фланг южный, заодно и восточный. Идут, когда глянуть на землепроходцев, к берегу Тихого океана россияне упористо, а почему?» И — вплоть до похода в баню дружным строем — мысленно сочинял свою речь старшина, озаботившийся организацией

серьезной беседы со свежим пополнением личного состава бронепоезда: «Допустим, были путешественники, похожие на меня, сироту, и на прочих, бедствующих от голодухи. Но тогда надо ведать, что хватало также отчаянных отрядов, что шли по приказу воевод. Как раз именно с целью познавательной, тоже и с надеждой уверенно защитить восточный фланг той справедливой России, что во все времена страдала от воинственных соседей».

В солидную длину попарно выстроившись, экипаж продвигался по направлению к помывочному пункту. Сопровождая повеселевших грузчиков — истинно, что все тут крепко утруждались при заправке паровоза углем, — Фим Фимыч, как полагалось, шел сбоку сплоченной армейской процессии. Во лбу чередой вздымались, нисколько не охлаживая одна другую, убедительные мысли: «В конце концов, подчиненной молодежи полезно прочувствовать, как на дальних рубежах наши предки в ответственности держали государственный флаг. Москве тем самым обещали заведомую сохранность. Ответно, по мере надобности, помогала родная столица, и уже в нынешнее время Москва так сильно поучаствовала в защите Приморья на озере Хасан — нельзя даже на час позабыть. В сторону Кремлевской звезды нынче идет бронепоезд. Может, мы в город дорогой и не заглянем. Все равно подтянуто, бодро надобно нам выглядеть, дальневосточные воины, по дороге в западные пределы отчизны. Именно так я и скажу в беседе после бани».

Башлыков поглядывал на старшину, задавался вопросом: «С минуты на минуту не велит ли командир грянуть песню? Разве строй, по всей видимости, не продвигается и споро, и задорно? Пусть запевала у нас найдется, — в догадливости вывел Сергей сам себе, — однако фигурировать ему хорошо лишь тогда, когда артиллерийские молодцы идут на обед, чтобы активно употреблять щи да кашу».

Поход в баню, что ж, он также может быть оживленно невялым. Ровно таким, как сегодня. Когда славно поработали в районе Артемовской шахты. Когда локомотив обеспечили всем необходимым для энергичной дороги — чтобы команде знай себе день за днем свершать путешествие в соответствии с некоей хитрой военной задумкой, верно? Решив эту задачку, он в такт шагам позволял веселой ухмылке обозначаться на губах: все тип-топ, шагаем, сказать можно, правильным образом!

В Приангарье солнечная округа вовсе не в такт моремановским соображениям усиливала ветерок с прилежных сосновых делянок, где шли заготовки баланов: оттуда, не иначе с пышно-кудрявых тамошних просторов, летели к солдатам запахи смолистых великанов, ароматы кустистых рододендронов и духмяность лесной терпкой смородины, чьи листья вровень с Иван-чаем дальневосточники охотно использовали все годы прошедшей войны для наваристых горячих напитков.

Но если вдуматься, то ветер прилетал вроде бы на особицу ласковый, и природа старалась: провожала она экипаж все-таки не просто в банальную санобработку, но без сомнения в завидное предприятие. Вот вам в путь и телесная чистота, и помыслов душевных любезная громадность — только не погибайте вы, родненькие, в дальних краях по неосторожности какой. По недомыслию крови своей не проливайте, добывайте успешную справедливость со всей честной воинской обязательностью.

И сам себе не верил Сергей: «Неужели я способен понять эти вещи, столь обнаруженно милые, прямо-таки поклонистые? Одновременно в достоверности невысказанные вслух».

Печь досконально давала жара — как есть исправно. Леонид и Амба в самозабвенности шумно фыркали, посиживая на теплой кедровой лавке, зачерпывая горячую воду из оцинкованных шаек, при всем том использовали мыльные брусочки от Фим Фимыча, как говорится, до полного усердия. «Уж что-что, а насчет сегодняшней головомойки, — выдохнул ефрейтор, — ничего супротивного не имею. Отпишу домой, своей будущей супругнице: так, мол, и так, служба идет нормальным ходом, иногда случается курорт с великолепными омовениями!»

Объявив свое искреннее расположение к мылу, шайке, к банному жару, он вылил воду из оцинкованной посуды себе на голову, отправился к медному крану, чтобы набрать кипяточка. Раз и за другим разом поливал себя свежей порцией, разбавленной из другого медного — соседнего — крана холодной водичкой и от удовольствия неудержимо улыбался.

Возвращались опять дружным строем, и снова не помысливал старшина дать команду на армейскую громкую песенность, поскольку и в баню поход, и поход из бани все-таки предполагали скорее тихо-мирное вышагиванье, а голосисто боевитую солдатскую повадку лучше выказывать наперед регламентных щей да каши. При всем том настроение вырисовывалось на лицах бойцов приподнятое: известие о

предстоящем Параде Победы в столице уже дошло до экипажа, так что глаза у всех, что называется, удовлетворенно светились. Фим Фимыч радостно улыбаться не улыбался, но душа у старого служаки именно пела.

Пока суть да дело, не спеша, но тщательно проверили буксы платформ и теплушки, осмотрели ходовую часть локомотива. Близился час бронепоезду покидать просторы Приангарья, где по причине изобилия рек и речушек в жарком воздухе под изобильно солнечным приглядом пошло сильно парить. Наверное, ко всему вдобавок сюда приносило кое-что новенькое настойчивым ветровым навалом из огромных равнин западно-китайской пустыни Такла-Макан. Там, говорят, дюн всяческих видимо-невидимо и толщина наземных песчаных слоев иной раз в несколько сотен метров.

В малознакомых длинных параллелях проходила КВЖД, знаменитая китайско-восточная железная дорога, которую строила Россия в давние годы. Истинно что с целью сократить время своим путешествующим товарам, долгими неделями добирающимся до Японского моря. Ни старшина, ни Лакунин, ни разведчики младшего сержанта Толочко не знали пока: повоевав на Западной Украине, выполнив там свою задачу, они затем побывают на путях старинной южной магистрали и навелят столицу КВЖД, известную тем, что в Харбине пел свои тоскующие о родине песни Александр Вертинский.

Дальневосточники отметили, как могли, приближающийся Парад Победы. Сегодня — как раз перед минутой, когда паровоз получил полные пары — артиллеристы и пулеметчики под гармошку Фим Фимыча успели провожающему их станционному начальнику и его подчиненным исполнить «Амурские волны». И чего им было не спеть, когда у каждого накануне армейского праздника душа пела, ровно как у Фим Фимыча?

Радость напололам с деловитой озабоченностью... талантливый старшина... известна ли ему давняя история схваток бронепоезда с оккупантами-японцами начала века? Тайна ли для гармониста пожилого и все прошлое, и все будущее российской земли? Умело играет музыкант, однако на его лице — глубокая задумчивость, и по таковскому случаю... что видится в долгой смене времен, коль хлопотам не остановиться?

У старшины был верный друг-артиллерист Ладейнин Гавриил, и вспомнилось Фим Фимычу, как громил экипаж в начале века всех этих пришло-японских милитаристов. Бурные были времена на Дальнем Востоке. Сложил голову отважный приятель, но вот что нынче происходит: идет бронепоезд непреклонно — ровно могучая амурская волна вдруг загрохотала уверенной сталью, хлестнула победительной своей повадкой как раз повдоль суши: от края материка, от пролива Татарского — да на Запад, где европейские реки текут в туманной дали. Вроде бы отступили кровопролития, ан, вишь ты, не так чтобы очень.

Гавриил Ладейнин, Валерий Гаврилович Ладейнин, Валерий Валерьевич Ладейнин — все они предстанут армейцами, однако не ведал еще старшина, что его пронизательная, убедительно волнующая гармонь станет последовательным знаком семейной истории. Амурская волна глянется у него долговременно-вековой сагой Ладейниных.

Часть II. ЦВЕТЕНЬЕ ГИБИСКУСА ПО СРЕДНЕГОРЬЮ

С Атлантики на Париж волнами накатывали то удушающая жара, то урывисто шквальные дожди. При всем том погодные перипетии не могли развеять эйфорию недавно одержанной победы над гитлеровцами. У легких столиков, вынесенных из небольших ресторанов на улицу, сидели горожане в хорошем расположении духа, пили пряно пахнущий кофе. Им доставляло удовольствие гадать: каков будет урожай винограда в этом году? Тут каждый был знатоком привходящих климатических обстоятельств. За столиками радовались жизни, предвкушая дегустацию молодого, приятного на вкус вина.

Севернее парижской параллели Европа купалась в белом млеке бриза. На Лондон с Гольфстрима шли теплые туманы. Они — с парной всепроникающей настойчивостью — растекались по каменным джунглям, по куртинам зеленых парков. Позволяли себе надолго висеть над широкой гладью трудолюбивой Темзы. И уже потом, пропитанные паровыми и катерными дымами, не спеша катились к морю, за спину длинной островной гряды Великой Британии.

А вскоре незаметно, как-то украдкой, исподволь явилось и накрепко укоренилось в блеске лучистого солнца желанное, в надежных листовых одеждах, долговременное

лето. Повсюду в Европе установились погожие деньки, и в центральной ее части стало припекать сильнее с каждым днем.

1

В июле сорок шестого у майора Валерия Ладейнина обострилась болезнь желудка, заставлявшая крепкого на вид военного иногда сгибаться в три погибели. Он приобрел проклятую хворобу на войне, когда лейтенантом — выпускником академии, что располагалась в московском Лефортове — попал под ножи гигантской мясорубки возле Можайска. В те стылые дни столица всеми силами защищалась.

С ним же приключилось вот что именно — чуть не погиб под бомбами. Полк на марше был настигнут массированным ударом с воздуха. Затем новоиспеченный лейтенант едва не попал в окружение. Пришлось ему уходить от фашистского клина лесами. Пробирался к своим, питаясь сосновой хвоей и корой черных простуженных осин. Выбраться выбрался, но последующие события требовали не столько санаторного лечения желудка, сколько банальных бинтов — то пуля оказалась в ноге, то осколок саданул по голове. Потом воспалившаяся рана спины и вовсе чуть не отправила офицера на тот свет.

Что говорить, год за годом здоровья не прибавлялось. Война всё продолжалась и продолжалась, а он... что же... вместе со всеми рвался дойти до Берлина. Случилось то, что должно было случиться с полковым артиллеристом, — дошел, оставшись назло врагам бесспорно живым орденосцем, прибыл как раз туда, куда стремился. Радость победы наполовину с приступами телесных страданий... Там уж, куда с боями добрался, всего этого познал в полной мере, вовсе не в половину возможного.

После взятия германской столицы на него, очень толкового «академика», обратили особое внимание. Не в том смысле, чтобы отправить на больничную койку. В противоположном — пусть этот головастый артиллерист займется преподаванием на курсах начальствующего состава. Образование какое? Подходящее. Очень даже позволяет подучить иного командира полка или командира бригады из тех кадров, что быстро продвигались по служебной лестнице во время войны, когда не до теорий было — подавай практику! Подавай ее, родимую, для скорейшего овладения рубежами противника!

Опять же майор силен был в теориях. По особому, что называется, ранжиру. После революции семейная история сложилась таким образом, что не стало артиллериста Ладейнина Гавриила, который в начале века служил на бронепоезде: японцы решили похозяйничать на Дальнем Востоке, и в одной из схваток получил отец раны. Умер вскоре, однако успел присоветовать сыну поступить в учительское заведение. Так и вышло — до того, как приобрести весомое беремя военных знаний в Москве, он познавал приемы способной педагогики во Владивостоке. Даже работал какое-то время учителем на Чукотке, в той чуть ли не запредельной дали, где преподавательство требовало и деликатного умения, и особого терпения, подкрепляемого искренним желанием помочь человеку хоть молодому, хоть старому. Так что ныне двигай, Ладейнин, к высокой военной кафедре. Пошел без разговоров туда, куда был откомандирован. Пусть не мечтал о подобном назначении, а куда денешься, коль ты при погоне?

География его путешествий по Центральной Европе — статья вовсе непростая. Союзники, с трудом свалившие на удивление крепкий гитлеризм, нелегко решались на то, чтобы отводить свои войска поближе к домашним квартирам. Восстанавливали потихоньку руины по городам и весям, проводили денацификацию, с осторожностью поглядывая на тех, кто охотно когда-то шел следом за немецким вождем на запад и восток, на север и юг.

Свою лямку Ладейнин тянул исправно, через год обнаружил себя в Чехословакии. Всё в той же должности преподавателя курсов. Честно признаться, прошедшее после Берлина время — с сорок пятого по сорок шестой — не было для него ничем исключительно примечательным. Изюм дня в день следовали рассказы то одним, то другим слушателям об артиллерийских системах. Много в полках знали хорошо, а если о чем понятия имели мало — прежде всего о тех крупных калибрах, что использовали в своих ударах части из Резерва Главного командования. Там пушки порой очень сильно превосходили и «сорокапятки», и 76-миллиметровые дивизионные орудия. Фронтовикам, что и говорить, на передовой линии вряд ли доводилось частенько встречать дальнобойную артиллерию.

Случалось у майора такое, что после занятий с командирами, изрядно понюхавшими пороху и желавшими побольше узнать о военном деле, он навещал медсанчасть, по причине появившихся вдруг болей в ноге либо в спине. Однако внимание врачей помогло ранам утихомириться. Спина постепенно отпускала, нога перестала вызывать хромоту при быстрой походке. На голове остался лишь небольшой,

скромно-неглубокий шрам. Волноваться по службе особых причин не имел, а когда что и происходило... к несчастью, всё еще дрожал подбородок, но выглядел теперь офицер посвежевшим, подтянутым. В общем и целом — молодцом.

Вернувшись со столь солидных военно-педагогических курсов к себе, долгими вечерами готовился к очередным занятиям со слушателями, иногда читал из художественной литературы что-нибудь. И — писал, писал без конца письма, чтоб разослать их по разным адресам. Поскольку не оставлял мысли разыскать пропавшую без вести семью. О жене, Валентине Осиповне Ладейниной, о сыне — его звали Валерием, как и самого майора — сведений не имел никаких. Пропать без вести в тылу? Невероятно, не укладывалось в голове, что подобное могло произойти с ними, коль не участвовали в боевых действиях, не проживали на территориях, занятых врагом.

Надписывая на конвертах свой номер полевой почты, думал: жена и сын в начале сорок третьего отправились в Москву на поезде из городка, что находился много севернее столицы. Ему ли, фронтовому офицеру, неведомо, как оно бывает, когда едешь в вагоне и попадаешь внезапно под самолетный прицел противника! Тебя может настичь осколок бомбы. Любой твердый предмет, оказавшийся поблизости, способен стать смертоносным. Неужели произошло самое страшное? Возникла такая ситуация, что их, жену и сына, осколки достали? Внезапная смерть настигла на железной дороге на пути к их московскому дому?

Он безуспешно разыскивал семью уже два с лишним года. С тех пор, как перестали приходить письма от Валентины. Родных никого не наблюдалось в столице, знакомые... их было мало... они либо отмалчивались, либо старательно извинялись. Официальные лица отвечали по большей части невразумительно. Поди пойми, как оно там всё повернулось. Поскольку твердых известий не было, Ладейнин хотел верить: отыщутся жена и сын. Но угнетало отсутствие всяких подвижек в длительном розыске. Безнадежная переписка с разными инстанциями подрывала веру в успех двухлетнего долгого упорства.

У молодцеватого майора не заживала никому невидимая душевная рана. Она как раз не желала становиться меньше, увеличивалась, болела сильнее день ото дня. И вот — нервная система, что ли, поослабла? — резкое, до сильнейших болей, обострение давней болезни желудка, испорченного корой подмороженных черных осин. В медсанчасти заявили, что питание в столовой противопоказано. Строгая диета нужна безотлагательно.

— Где ее взять?! — усмехнулся Ладейнин на столь резонное предложение подлечиться.

— Санчасть похлопочет.

— На какой именно предмет?

Врач, осматривавший до странности непонятливого пациента, сделал строгое лицо:

— Майор! Вам дадут путевку. В бальнеологическую лечебницу. Тут, в Чехословакии, есть очень хорошая вода. Она знаменита на всю Европу.

— Знаменита? Чем это, если не военный секрет? — Валерий Ладейнин не скрывал скепсиса, поскольку ничуть не стремился отбывать «на воды».

Пожилой медик сообразил: этот молодой офицер был приучен войной полагаться в первую очередь на себя. На собственную силу воли, на выпестованную в боях личную стойкость к разнообразным невзгодам. Ответил мягко, стараясь по-отечески вразумить:

— Секрета насчет целебных свойств нет. И к тому же... зачем отказываться от возможности серьезно поправить здоровье? Не война, нет необходимости откладывать это дело на потом. Тем более что в занятиях на курсах намечается перерыв.

2

Блестя черными крыльями, отражая в чистых стеклах чугунные тумбы, обозначающие подъезд старинного дома, где проживали офицеры, она — «Симка» — терпеливо ждала майора, своего хозяина. Возле нее стоял ефрейтор Виктор Семаков, узковатый в плечах, но зато приметно высокий, что позволяло фигуре скрадывать вовсе не борцовскую конституцию, не сказать чтобы могучую статью. Он постукивал носками начищенных кирзачей по тугой шине, удовлетворенно вздергивая брови. Ай да шофер! До чего солидно подготовил машину к поездке! Похвалит ефрейтора майор, не иначе.

Достал пачку сигарет, щелкнул ногтем по лаковой картинке. Американское курево, душистое. Во рту от него никакая не самосадная горечь, а приятный окружающим одеколон. Угощайся, толковый водитель! Закурил, прищулив глаз, косясь на кончик сигареты. А что, разве не подсутился? Не раздобыл на черном рынке шикарную

заокеанскую пачку? Такой добычей незазорно поделиться хоть с каким здешним офицером.

Семаков поднял голову, поглядел на угловое окно второго этажа, где стекла были не очень большими, но зато лепнина чуть повыше — ого, какая примечательная! Сохранился тут прошлый век, хоть что скажи. Сейчас раму прикроют, поставят оконную красоту на железный шпингалет для сохранения. Потом Ладейнин вынесет свой большой чемодан из прохладного темноватого подъезда. А дальше — известное уже Виктору дело, отправится трофейная «Симка» с пассажиром на очень и очень, говорит солдатский телеграф, лечебный чешский курорт. Будет у шофера удовольствие длинной, обязательно приличной дороги, а хорошему человеку, преподавателю с курсов, достанется что ни есть нужное — летний отдых, поправка здоровья.

Вещей у пассажира было... почти никаких и не было. Разве ж это изрядная поклажа, когда она обтертая, выдавшая виды и размером с гулькин нос?! Здесь если что и держать, то самый тощий походный скарб. Майор, легко неся фибровый чемоданчик, сбегал по красноватым, кирпичного цвета ступенькам. Остановился у тумбы, покрытой чугуной вязью узоров, которые были наплавлены неизвестными умельцами в давние времена.

— Забыл!

— Что такое, товарищ майор? — поспешил на помощь водитель, бросив под колесо машины недокуренную дорожную сигарету.

— Забыл, понимаешь... плащ-палатку!

Застыл в раздумье, поскольку в ближайшие дни по прогнозу не ожидалось холодной мокрети. Ефрейтор деликатно кашлянул — будто напоминая, что хворости не радости, всегда готовы подвалить вопреки всем предположениям. Ладно, не мешает на тех восхитительных водах всё та же проверенная в боевых походах амуниция. Рывком открыл дверцу автомобиля, бросил легкую поклажу на заднее сиденье. Побежал, перепрыгивая с раз по две красновато-коричневые ступеньки, назад, на свой второй этаж. Через несколько быстрых минут вернулся с плащ-палаткой, свернутой и стянутой ремешками в аккуратный валик.

Семаков приметил: лицо у майора напряженное. Дорога была не так чтоб шибко дальняя, и вот вам — пожалуйста! — возле крыльев носа подозрительно заблестело. Ладейнин снял фуражку, вытер со лба мелкие, но обильные капельки пота. Понимая покаяв головой, Виктор подумал: что ж, и силен офицер, и ловок, а не иначе — дает себя знать та болячка, что гонит боевого командира в лечебное чешское заведение. Запрятав пачку сигарет поглубже в карман ушитых армейских шаровар, вытянулся:

— Разрешите отправляться?

— Куда?

— В горы. Туда, где с земли бьет вода.

— Ефрейтор, в чем дело? — спросил Ладейнин, усаживаясь за руль. Он знал, что перед ним шофер из хозяйственного звзда. Однако не понимал, почему тот, подогнав машину, собирается отправляться в горы.

— Товарищ майор! Начальник курсов отдал приказание. Тут такой предмет, что полагается Семакову быть вашим шофером. Поскольку больны и не след вам садиться за руль. Позвольте поведу «Симку».

Пожалуй, настало время поудивляться малость, и в соответствии с этой минутой «откровения» Ладейнин не удержался — покрутил головой, словно высвобождаясь от оков застегнутого наглухо ворота.

— Да вы что, ефрейтор?! Я вам не калека! Сам управлюсь... знаком с вождением... моего автомобиля.

Виктор гнул свое. Так как отменять приказания вышестоящего начальства не мог ни под каким видом

— Разрешите. У меня приказ... чтоб, значит, сопровождал и в непременно довел.

— Приказ меня сопровождать? Ладно, можете пассажиром ехать. Понятно? — другим тоном, более дружелюбным, добавил: — Садитесь рядом. Вот сюда, на правое переднее сиденье.

Видимо, над Чехословакией сияло сегодня особенное, очень яркое солнце. Это оно пронзало насквозь стекла старинных домов в квартале, где располагались армейские курсы. Высвечивало яркими бликами не только улицу, тенистые деревья, но заодно со всей окружающей послевоенной действительностью и уши дисциплинированного ефрейтора. Они вдруг вспыхнули, заалели, словно расцветшие тюльпаны. Следом за ними щеки, шея занялись солнечным обжигающим жаром.

Виктор раздосадованно думал: «Что такое, не сумею легковушку вести? Обычная консервная банка. Я давно с грузовиками на ты, здесь даже большущий американский вездеход доверили».

Отпустив тугой ручной тормоз, майор мягко включил сцепление, прижал к

полу педаль газа. Автомобиль отъехал от подъезда, выбрался на горбатую мостовую центральной улицы. Быстрый, юркий и, конечно же, нисколько не напоминавший громоздкий «Студебекер», он мчался вперед, подрагивая на гладких выпуклостях серых камней. Тот, кто сидел справа от руля, упилился в лобовое стекло, хмурился. Глядел на бульники, что были отполированы еще колесами средневековых повозок, размышлял на грустную тему: попал в переделку к любителю шоферить. Теперь — делать нечего — кимарь тут всю дорогу, не опробовав ни одного поворота. Не взяв на «газ» ни одного подъема! Это ж тоска — до чего невесело сидеть без привычного дела!

Маленькая речушка, вряд ли способная вынести на своих плечах даже веселый рыбачий баркас, пробиралась среди по-утреннему туманных холмистых склонов. Берега ее, невысокие и травянистые, извивались прихотливо, однако же неуклонно стремились в сизую гористую даль. Что журчащая вода, что холмы, поросшие поверху можжевельниковыми кустами, ощутимо подпирали асфальтированную дорогу, заставляя ее ужиматься и послушно повторять изгибы узкой долины.

Разве скажешь, что Чехословакия нарочь равнинная страна?! Кто-кто, а Ладейнин повидал и польские по-северному прохладные пущи, и венгерскую по-степному горячую «пусту», ему ли не оценить это обилие холмов в среднегорье Центральной Европы! Красиво тут, новые пейзажи за каждой горушкой не устают вырисовываться. Радуют глаз. Даром что приходится внимательно следить за убегающей то влево, то вправо двухполосной шоссейкой.

Валерий взглянул на пассажира — скучает? Тот время от времени вздыхал, почесывал нос. Когда «Симка» входила в очередной резкий поворот, пальцы, большой и безымянный, у ефрейтора вздрагивали, словно хватались за руль. Служивый хозяйственного взвода — это было заметно — так привык утруждаться в шоферах, что нынче было ему очень непривычно пребывать в пассажирском звании.

— Семаков, вам стоит учесть одно обстоятельство, — слова были произнесены тем деликатным тоном, когда способности преподавателя с курсов командного состава демонстрировались во всей полноте.

— Слушаю, товарищ майор!

— Фронтальная привычка. Сам предпочитаю водить машину. С тех пор, когда еще в Польше, в полку, гонял от батареи к батарее. Мы там уже наступали крепко. Двигались развернутым, очень широким порядком. Ну, и без транспорта....

— Понимаю.

— Люблю езду быструю.

Виктор приподнялся на кожаном сиденье. Глаза его заблестели, он воскликнул.

— Когда снаряды падают поблизости, хочешь не хочешь — помчишь, будто пришпоренный. Полетишь, одно слово.

— Ранен, наверное, был?

— Нет, — Виктор заулыбался, — ездил я sporo, и пролетало немецкое железо аккуратно мимо!

Ладейнин еле заметно кивнул. Он вроде как соглашался: когда так сбывается, что минует тебя град невзгод, — это не бывает лишним в бою. Особенно в наступательных сражениях, всегда под завязку «богатых» хоть на смертельные исходы, хоть на резко возрастающее количество раненых, покалеченных... Война, чтоб ее...

Вспомнив раны, что любили у него ныть в дождливую мокреть, Валерий поморщился. Непроизвольно поерзал, устраиваясь перед приборной доской поудобней. Виктор приметил: водитель «Симки» не просто сменил позицию за баранкой, здесь у него на сей момент что-то не заладилось. Отчего не прийти на помощь? Надо явить поскорей участливое слово. Глядишь, тебе не преминут уступить руль!

— От города отъехали порядочно. Если не возражаете, могу подменить. А вы отдохнете пока.

Заложив крутой вираж — так, что завизжали шины! — и направив машину в темную изумрудность горного распада, Ладейнин вздохнул, негромко сказал:

— Вижу, проинструктирован хорошо. Небось, присоветовали двигаться тихой сапой... чтоб не шатко и не валко...

— Не понял, товарищ майор. Должен шарашить больного на колдобинах?!

Валерий, искоса глянув на взволнованного пассажира, вырулил на середину дорожного полотна, цвета загустевшей каменноугольной смолы, добавил скорости. Легковушку пробила мелкая дрожь. Пол под ногами не сказать что поплыл, но сапоги Виктора вдруг ощутили крылатость — явственно пожелали воспарить.

— Больного, больного, — хмуро проговорил Валерий. — А у меня, между прочим, хромоты уже почти что и нет. Зачем взял плащ-палатку? Буду ходить по улицам при любой погоде. Смотреть во все глаза на дома, с этими их черепичными старыми крышами. Основательно стану знакомиться с местечком, где бывали знаменитые чешские композиторы.

— На курорте лечиться надо, — осторожно заметил шофер, не заполучивший баранки, но мысли к ней пристроиться не оставивший.

— Они лечились. Как им полагалось.

— Понятно. А еще сочиняли музыку. Как душа велела.

Водитель «Симки» не поторопился продолжать интересный разговор. Летела встречь быстрому автомобилю и оседала на малозаметных трещинках плодovitая нежно-зеленая пыльца с можжевельников, горных елей, долинных берез, что старательно сполняли закон размножения. Тут, в холмистых поднятиях, на прохладном ветру продолжались весенние свадьбы пышного растительного мира. Дорога упрямо шла по холмистому плато, на лесистые вершины при всем том не взбиралась — змеилась вдоль речушки. Была асфальтовая шоссейка вовсе не очень широка, однако по европейскому стандарту гладка, без выбоин и много хлопот не доставляла хозяину трофейного автомобиля.

Семаков начал задремывать, убаюканный поворотами, ставшими более спокойными и плавными. Потом вздрогнул, будто его кто изнутри толкнул изо всех сил в ребра. Вздернул голову, посмотрел по сторонам. С интонацией недоумения, от которого не смог избавиться за весь этот час поездки среди вершин европейского среднегорья, произнес:

— Товарищ майор! Мне с машиной остаться?

— Остаться? Где?

— Если на курорте я вам нужен, похожу в ординарцах.

Ладейнин поднял брови, поразмышлял. Причмокнув губами, недовольно поморщился. У него появилось ощущение: суют в рот кусок хлеба, толсто намазанный сливочным — очень дорогим в послевоенной действительности — маслом. Казалось бы, остается лишь быть благодарным. Но весь фокус в том, что угощение из разряда принудительных, не слишком желанных. Именно таким вот образом кормят обычно Демьяновой ухой — до невозможности сделать привычное глотательное движение... Как можно спокойнее ответил:

— Ординарец преподавателю курсов не положен. Вернешься с машиной туда, откуда выехали. Потом, если разрешат, приедешь за мной, доставишь в часть.

— Слушаюсь!

Эх, жизнь наша! Года сорок шестого. Израненная до чертиков, не шибко складная.

Новый вираж. Непроизвольно Валерий заложил его слишком круто. Машина мчалась вдоль реки, забираясь всё выше в горы. Водный поток неожиданно свернул в сторону и, вобрав череду ручьев, приобрел долинную медлительную статью.

3

Когда вспомнишь Чукотку, тот юг с порывистой холодной моряной и по-волжски беспорядочными печорами, выщербленными утесами побережья, поневоле хочется поехать. Поначалу Валерий никак не мог привыкнуть к тому, что летом там обычны всепроникающие ветры, постоянно дующие с океанских просторов на упрямые, никакому наступу не поддающиеся каменные громады Корякского нагорья. Потом потихоньку стал привыкать к мрачному дикому очарованию тамошней природной мощи.

Огромные скалы круто вздымались от воды вверх. Однако очень быстро проходило у камней стремление тянуться к небу, острые вершины сглаживались. И равнина аккуратно усредняла все холмы, далеко и неспешно уходившие на запад. Нагорье было столь большое, что из береговых поселений здесь редко знал кто, где конец равнине, лишь изредка поднимающейся выше полукилометра, и где в запредельной дали начинаются иные миры с иными обитателями рек, лесов, морей. Да и с какой стати уходить далеко, если поблизости от иссиня-зеленых океанских валов жить можно как раз неплохо, очень даже свободно и сытно? Всегда в достатке имела рыба, а повезет когда — прибрежное население могло заполучить добычу уж вовсе изобильную.

В тот день большой ветер поутих, на Корякское нагорье потихоньку напал туманный морок с подножия темных скал, с узкой полосы галечника. Вельбот чукчей, охотников на китов, постреливал мотором. Пускал дымки, округлые и теплые. То сизоватые, то синие с прозеленью — под цвет волн, величаво поднимавших нос крутобокой посуды, а потом ускользавших за корму и очень быстро исчезающих вдали.

Ладейнин почему оказался в уемистой лодке? Старший из охотников пообещал помочь, подбросить мимоходом на учительскую конференцию в большое поселение. Поскольку более короткой дороги придумать было невозможно, молодой преподаватель с благодарностью расположился на темно-коричневой носовой банке, сотворенной из кедровых плах, а проще говоря — на лодочной скамье, основательно

вытертой штанами нескольких охотничьих поколений.

Старая посудина, несмотря на солидный возраст, шла вполне уверенно. До поры до времени не доставляла беспокойства ни пассажиру, ни мотористу. Вдруг винт заполошно задергался. Бурун за кормой сник, затем вовсе пропал. Нос вельбота перестал разводиться усы. Банки начали раскачиваться в полном соответствии с капризной волей медленной океанской зыби.

Безмолвие беловатой мути над водным простором потихоньку уступало место голубым прогалам, сквозь которые лился свет более яркий, напомнивший Валерию майское утро на Владимирщине. Что есть, то есть — далековаты отсюда Золотые ворота областного града, тихие плесы извилистой синеструйной Клязьмы, где ему довелось побывать еще в школьные годы. Здесь иные дали, не вот тебе ржаные и овсяные. Ишь, ветер наладился дуть пронизывающе.

Горизонт раздвинулся, граница его ушла очень далеко. И там, на пределе видимости, обозначились высверкивающие фонтаны китов. В ушах посвистывало заметно сильней, весьма и весьма ощутимей. Разница температур — над морем и над сушей — была столь значительна, что движение взволнованной воздушной массы не уставало минута за минутой набирать силу. Обычное дело для чукотских ветров. Они принялись по заведенному природному распорядку наваливаться на прибрежные пещеры, и вскоре Валерий услышал, как взрывоподобно бьют волны о каменные складки утесов. Обеспокоенное море, казалось, готово было именно сегодня сдвинуть гранит нагорья. Однако суша встречала могучие удары с неколебимой стойкостью. Она разбивала соленые валы на обессиленные брызги и мягкую податливую пену.

Корякское нагорье неумолимо вырастало, тянуло иззубренные вершины обрывистых поднятий ввысь, будто радуясь голубым прогалам в распахнувшемся небе. От каменных громад на вельбот, что приобрел повадку бессмысленной щепки, снова и снова прыгало громоподобное эхо. С каждым мгновением брызги и пена взлетали выше, и шумный гул от столкновения воды и гранита становился всё более раскатистым.

В лодке не могли вновь запустить движок, пропахший солярой и еще чем-то непонятным. Каким-то застарело рыбьим духом. Вроде как чешуей морского окуня, что в изобилии водился вблизи морских островов. Сосредоточенно над мотором копошась, моторист то ли форсунку прочищал, то ли пытался выбить искру из стартера — не разглядеть было Валерию, сидящему поодаль на сильно раскачивающейся носовой банке. Бросит взгляд — как там движок, готов зафурычить? — и опять с любопытством и опаской смотрит на всё более близкую грохочущую феерию крупных брызг, кипучей пены, громовых раскатов могучего прибоя. Получалось по всем статьям одно: вскоре доведется испытать, каково оно — поплавать в круговерти холодных прибрежных волн и грохочущих каменных обломков.

Тут молодой учитель сообразил: кому-кому, а мотористу выходил несомненный каюк. В поселке никто из чукчей не умел держаться на воде. Для них оказаться в ледяных морских валах, даже в ста метрах от берега, всегда кончалось одним — смертью. Никогда не удавалось спастись. Никому! Понятно, почему хозяин движка на близкие громады утесов не засматривался, а всё свое внимание уделял мотору. Не станет он стрелять, не запыхтит дымами своей шибко ароматной солярки, не заведется — выгresti веслами при усиливающейся моряне было невозможно.

Валерий умел плавать, но и ему оставалось лишь неподвижно сидеть на банке, ждать гибели в гигантских водоворотах горько-соленой пены. На камни здесь не выберешься. Необъятные, страшно выщербленные пещеры, эти гранитные скалы, сплошь аспидно-черные и скользкие, были настолько отвесные — и не думай спастись, человек, даже если знаешь толк в волжских саженках!

Неостановимо вздымались фонтаны брызг, и крупные капли этого неистово гремучего дождя старались долететь до гребня вершин. До вельбота, медленно приближающегося к стене утесов, встающих прямо из воды.

Валерий учил в поселке и детей, и взрослых. Не раз доводилось ему быть свидетелем отчаянной храбрости морских добытчиков. Для них каждая удача — счастье победы в схватке с чудовищно сильным противником. Вместе со всеми здешними обитателями молодой учитель встречал охотников, когда те, чуть не падая от усталости, доставляли пропитание в поселение. У смелых китобоев, кто ходил по морю в лодке, по обыкновению выбора не было — либо убьют животное, старательно догоняя огромное существо, либо оно, разозлившись, разнесет в щепы лодку преследователей. Могучий удар хвостом, и никто из мужчин не возвращается домой. Разве такого не случалось? На памяти детей и стариков бывало подобное... бывало.

О смерти охотники говорили всегда с видимым хладнокровием. Чему быть, того не миновать — этой поговорки в словаре чукчей не было, однако имелись выражения, где присутствовала обязательная вера в успех. Если, конечно, глаз и рука храброго

добытчика не подкачают. Так что не бойся кита, ловкий охотник!

Моторист и думать не думал о близкой смерти. Не оборачивался к пассажиру, не разглядывал берег. Он продолжал свое неотложное дело. Протирал что-то ветошью в моторе, продувал, прочищал. Проверял, как поступает топливо в камеру сгорания. Снова и снова пускал в ход стартер.

А Валерий... Неужели надо было приставать с расспросами? Стоило ли кричать, звать бога на помощь? Их, разных богов, хватало у россиян, у прочих народов земли, и вряд ли какой разумный человек всерьез мог надеяться на милость подобной толпы. Всех этих «создателей» планеты, и солнечной системы, и множества галактик. Бесконечное пространство, бесконечное время не оказывают милостей. Значит, ждать благоволения бессмысленно. Верно? Надо — вслед за морскими охотниками с их верным глазом и рукой — надеяться лишь на себя. И если тут, в лодке, что готова подставить борт под сокрушительный удар, моторист старается без устали... ты не возникай, раз не можешь ему помочь. Молодой учитель сжал зубы так, что омертвели и стали непослушными губы.

4

Ладейнин заложил новый крутой вираж, и неожиданно для водителя «Симки» горные распадки отступили: по обе стороны дороги открылись пологие склоны широкой долины. Машину ощутимо качнуло, Пассажир, задремавший было на своем — правом крыле, не замедлил открыть глаза. Ого, куда кривая вывезла трофейную майорскую легковушку!

— Знакомые, честное слово, места.

— Наши тут вроде бы не вели боевых действий.

— Разрешите доложить, про другое толкую. Мои какие были действия? На грузовике ездил. Запасался провиантом. Поскольку продовольствие для офицерской столовой здесь недорогое. Завсегда свежее.

— Значит, ориентируешься.

Семаков с приметным удовлетворением произнес:

— А как же! Нельзя иначе нашему брату. На север поедешь — там древние Судеты, что Гитлер мечтал захватить. На юг двинешь — там, известное дело, старинная Шумава. Уж успел тут погонять. В полную моторную силу!

Ладейнин согласно покачал головой. Ефрейторы и сержанты из хозвзвода, видать, раньше многих армейцев прочувствовали здешние дороги со всеми их резкими поворотами, внезапными подъёмами и скоростными спусками. Война когда — транспортным службам твердые проселки не вот тебе неперменный подарок. В мирное время наоборот: асфальт — даже в глубинке — как раз и нравится, всемерно приветствуется шоферами.

Раньше Ладейнина солдату посчастливилось бывать в самом сердце Чехии. В тех местах, куда по преданию привел когда-то легендарный Чех свое племя. Места по-своему интересные... Заговорил Семаков про чешскую древность и старину случайно. Однако, словно по приказу какому, снова встала перед Валерием та чукотская давность, когда начались для него жмурки не жмурки, но достоверно... какие-то игры со смертью.

Помнится, за минуту до неминуемого удара о камни, движок чихнул, завел хладнокровно-усердную песню. Оттянув нос вельбота от ливня соленых брызг, он повел хрупкую посудину по дуге в море. Потом, как ни в чем не бывало, опять лодка пошла на север, повторяя в своем движении очертания мысов и бухточек. Моторист теперь старался держать вельбот под прикрытием того уступа, откуда начиналась плавная равнинность Корякского нагорья. Ведь в морской дали почали бурно вспениваться верхушки волн — усиливался разгул шторма, и лодке, окажись она среди высоченных валов, пришлось бы, ой, несладко! Страшны утесы, однако нельзя далеко уходить от них. Молодой учитель, ожидая конца, думал о том, что мало поработал в свои двадцать с небольшим. А затем, когда смерчи в океане смешали воду и небо, ему захотелось поблагодарить спасителя чукчу — тот, не удаляясь от берега, упрямо следовал заданным курсом. Доставлял человека, нужного детям и взрослым, на солидное мероприятие, которое собиралось осуществить много всякого. Очень нужного для жителей поселения. К Валерию пришла радость понимания: «Мы увернулись от каменных печор! Уйдем от урагана!» Это сбудется, он еще поработает. От души!

Сегодня, вспоминая давнее событие, Ладейнин, крутя рулем, подумал: «А ведь пожалел тогда, что есть шанс уйти из жизни, потерять Чукотку, ставшую близкой». Всё так, но самому себе надо признаться — то была улыбка фортуны. Вскоре последовала еще одна. Попав на конференцию учителей, он вдруг получил неожиданную рекомендацию. Поезжай в Москву, учись там на военного! Было сказано открытым

текстом: время такое, что нужны люди, которым не с руки бояться. Чукчи что говорят? Ладейнин, однако, сгодится. Потому что не так чтобы напрочь боязливый.

Третья улыбка фортуны. Добираясь до столицы, он, потомственный волгарь, припомнил, как еще в школьные годы познакомился в гостях на Владимирщине с ровесницей Валеи. Заехал к ней, позвал с собой в Москву. Не просто вам пригласил прокатиться, а увез девушку в качестве законной супруги будущего офицера.

Годы, прожитые в Лефортове... долгая история. Сразу не удалось поступить в академию: ведь был до того учителем начальных классов, никаким не дотошным любителем математики и законов физики. Провалившись, воспользовался разрешением остаться в академии, служить рядовым. Был зачислен в комендантскую роту. И служил по всем правилам предвоенного времени, и ходил во все наряды, что полагались солдатам, и старался в свободные часы поглубже влезать в математические премудрости.

Куда ж будущему артиллеристу без умения производить точные вычисления?! Валентина родила сына, пошла работать на мелькомбинат, где заволжская твердая пшеничка превращалась в белоснежную муку. Не сразу, но пробился на артиллерийский факультет. Прошел усердный курс обучения, и... стали кривыми улыбки фортуны. Вспомнишь тут Коряжское нагорье, океанские валы, бьющие о береговую твердь.

Каменные печоры беды, кажется, взяли за правило с начала войны рубать под корень офицера. Затем — его семью. Нынешние жмурки, как ни суди, продолжение фронтовых невзгод. Фортуна последние годы поворачивалась то одним ликом, то другим. И остается теперь по прихоти угрюмой неизвестности ждать, ждать, ждать...

5

Виктору уже не хотелось пребывать, что называется, в присутствии всякого отсутствия. Надоело кимарить — крутил головой, мысленно отмечая знакомые ориентиры. Спрашивал себя: а будет за тем поворотом, за той рощицей — водонапорная башня с деревянной будкой наверху? Увидев, радовался, что не подкачала память. Таким вот порядком доставляли ему удовольствие то солидный дом с нижним этажом, сложенным из бульников ближней горушки, а то коровник с подслеповатыми окошками и открытыми настежь воротами, где некогда удалось заполучить оковалок сыра.

— Пошли бычки с телочками на обед!

Ладейнин словно встряхнулся. Уйдя благодаря пассажиру от дней минувших, шумно выдохнул. Набрал полную грудь воздуха, вливавшегося в кабину через приоткрытое окно, склонил приободрившуюся голову к седоку правого крыла, поинтересовался:

— Касательно бычков, ефрейтор. Есть желание отведать мясного блюда? С картофельными кнедиками? Попытаться можно. Остановимся в деревне...

— Да я не очень...

Майор явно желал развеселить себя и Виктора. Потому что постарался высказаться громко и тоном гораздо более живым:

— Гуся жареного со сладкими черными сливами, нет, обещать не могу. Но копченые сосиски, их еще называют «парками», встречаются в придорожных трактирах. Говорят, правда, что много реже, чем раньше.

— Товарищ майор! Разве прошусь пировать? Я про что? Про живность, которая сей момент пошла из распахнутого коровника на травку. На полонины.

Преподаватель, по мнению Виктора, никак не желал задремывать за рулем и потому не прочь был поговорить. На этот раз его внимание привлекли не бычки и не телочки, а трава на полях.

— Вижу, закарпатские полонины хорошо знакомы. Путь сюда, в сердце Чехии, лежал через Словакию, верно? Приходилось слышать про Дукельский перевал. Сильные там были бои. У наших оказались большие потери. И вот передо мной ефрейтор, которого на перевале не задело. Вообще раны миновали на войне. Бывает же!

— Сам не знаю, почему уцелел. Воевал как все. А боевых друзей не осталось в живых никого. Насчет войны вы очень даже в курсе. Значит, понимаете, что мне быть у фронтовика в ординарцах не зазорно. Даже — наоборот.

Водитель «Симки» читать нотаций не стал. Высказался кратко:

— Что поделаешь! Не положено.

К дороге выбежали две девчушки, которых послали, видимо, по каким-то делам в соседнюю деревню. Та, что была поменьше — в белых кожаных очень открытых туфельках, похожих на босоножки, в длинных белых гетрах, в красочном сарафане с кружевными оборками понизу — сорвала несколько полевых цветов, радостно

замахала проезжавшему автомобилю. Старшая одернула ее, приказала чинно идти рядом. И они, две малышки, подражая серьезным взрослым женщинам, пошли по тропе сбоку шоссе, не глядя на посторонних мужчин в легковушке, неизвестно откуда появившейся тут, вблизи поселения, и неизвестно куда устремляющейся.

Высунув руку в окно, Виктор ответно помахал приветливой девчужке, наряженной в праздничный деревенский костюм. Не иначе, где-то на семейном торжестве отмечали важное событие. Отчего не поприветствовать маленьких участников торжества? Пусть продолжают радоваться.

Ладейнин тоже увидел детей. Их настроение было ему понятно. Вспомнил своего сына, который любил получать в подарок новые ботинки или рубашку и лишь на несколько лет был старше большой девочки. Подумал, что вряд ли у Валерки сегодня столь же хорошее настроение. Наверное, сын и жена поделились бы с близким человеком своим счастьем. А тут... идет после войны один длинный месяц за другим, и никто не собирается делиться с отцом семейства ни заметно большим счастьем, ни горем. До чего тяжелым было чувство постоянной отстраненности! Той неизвестности, что подразумевает прежде всего...

Ефрейтор приметил и посеревшее лицо шофера «Симки», и нервно дрогнувший кадык под опущенным подбородком. Что-то не так с майором. Мучает его — это без сомнения — внутренняя, не стихающая боль. Семакову стало неловко. С невысказанным вопросом глазеть на больного человека — лицом к лицу — не каждый сможет. Очнувшись и застеснявшись, отвернулся. Скоро, скоро будет курортное лечение. Потом Ладейнина ждет иная дорога.

Ходят слухи, что курсы вообще должны прекратить свое существование. Говорит солдатский телеграф именно это — преподавателей аж с весны поджидает новая служба. В хоззвезде насчет продовольственного снабжения ситуация четкая. Затишье наблюдается. Да и штабной писарь врать не станет заполошно. Ближе к осени поедут офицеры кто куда. Будет у каждого своя судьба, отдельная от военных теорий и нераздельно близкая к службе в каком-нибудь полку. Кому она как неожиданная планида, а Виктору не хочется покидать горную Чехию.

Стоит, к примеру, нынешнее лето. Так ведь оно какое? Насквозь солнечное и напроць, без дождей, жаркое. Небо, если смотреть вверх, чаще всего такое, что до чертиков оно полное прозрачности, несказанной высоты, а по вечерам тонкого пряного аромата вечнозеленых елей и можжевельника. То-то и оно, горные небеса кругом. Хоть поезжай в аккуратные Судеты, хоть в зеленую лесистую Шумау. Интересная повсюду жизнь — в долинах, где скворцы обжили фруктовые сады, а также среди холмов, где черные вороны издавна чувствовали себя полными хозяевами. В родной деревне, если тебя отправят домой, все дороги, все тропинки кругом давным-давно еще в детстве исхожены. Разве не так?

— Ефрейтор! О чём мечтания? — подал голос водитель легковушки. — Посадки хмеля пошли. Здесь, в долине реки, растениям, очевидно, живется неплохо. Высоченные шесты, и все сплошь увиты густой листвой. Эти шпалеры навевают, небось, мечтания. Кстати, где едем? Знаешь?

Со всей возможной солидной степенностью окинув взглядом чашу долины, волнистую окружность обнимающих ее вершин среднегорья, ефрейтор не шибко торопливо, однако же весомо и очень уверенно произнес:

— Так точно. Река Огрже. Тут в поселениях многие занимаются хмелем.

— Любишь здешнее пиво?.. Едучи пассажиром, не так чтобы очень против?

Тюльпаны Семакова и щеки пониже них полыхнули, голову будто обдало малиновым жаром расплавленного металла. Отведать холодного пивка сейчас, в самый разгар дня, в нагретой солнцем кабине — уж чего лучше! Пришла горяче-жгучая мысль: «Эх, майор! Хорошо ты меня понимаешь. Только слишком крепок насчет помощников. А ведь я бы в ординарцы пошел враз и навсегда. Как есть с дорогой душой!»

6

Встречный воздух потерял прохладную свежесть, стал суше. Его взвихренные легковушкой волны уже не были столь желанными, мягко поглаживающими, освежающими. В кабине ощутимо пахло бензином, дорожной пылью. Не добавляли приятно-ароматных запахов горячая кожа сидений и застарело-серая матерчатая обивка автомобильных внутренностей. Путешественникам, как ни суди, самое время было — размять ноги на воле. Подышать травяными настоями в перелеске. Полюбоваться излучиной реки, с листовым противоположным берегом, с темновато изумрудными пещерами поднимающегося к небу крутого лесистого холмогорья.

Водитель трофейной, выдавшей вида «Симки» и пассажир вышли из остановившейся на отдых машины. Прошли вдоль долинного водотока, не очень-

то спешащего навевать прохладу в эти жаркие послеобеденные часы. Увидев ниже по течению красные, коричневые, испятнанные зеленой высокими деревьями и поблескивающие на солнце крыши какого-то поселения, Ладейнин сказал спутнику:

— Вот что, сопровождающий. Нечего нам тут без толку пребывать. Пойдем лучше посидим.

Семаков проследил его взгляд, мигом сообразил:

— Посидим? Как люди? В дорожном трактире? Разрешите немножко туда порулить. А то прям руки чешутся. Поскольку сильно отученные от пассажирского безделья.

— Ну, давай. Раз уж немого стало.

Миновали прозрачную рощицу, где редкий дубовый подрост возвышался над лесной подстилкой с обилием мелких камней. Затем проследовали вдоль череды высоких деревянных тычков, увитых плетями хмеля, чьи листья пусть не отличались лопушистыми калибрами, особой величиной, но зато привлекали внимание пружинисто упругими толстыми жилками, что просвечивали сквозь сочную, густого замеса темную зелень.

Въехали в местечко с аккуратными улочками, уютными домами. Некоторые из усадебных построек походили на празднично роскошные матрасы — были раскрашены желтыми, коричневыми полосами, проходившими по всему внешнему периметру оштукатуренных стен. Виктор ехал медленно. Он искал харчевню такую, чтоб выглядела достаточно прилично и не стала бы наводить большого майора на мысль поголодать. Дорога на курорт, в конце концов, оказалась длинной; нужно было не только посидеть, отдохнуть, но и заправиться.

Молча глядя вперед, преподаватель не вмешивался в манипуляции ефрейтора с рулем. Что ж, можно тогда крутить баранку, что называется, с умом. Удастся когда стать ординарцем, не удастся, а лучше продвигаться ответственно, с намерением выбрать наилучший вариант.

Лавки — даже если они зазывно распахивали на улицу двери — водителя не заинтересовали. И хлебные, и мясные готовы были предложить одну лишь сухомятку. Для желудка майора подобная еда пошла бы во вред. Что уж тогда говорить про магазинчики, где на полках стояли звонкие стаканы, толстобокие кружки и кувшины! Посудное изобилие — это вовсе не то изобилие качественных кулинарных предложений, которых жаждал дотошный армеец, сопровождающий офицера бойкий солдат Семаков.

Увидев трактир, чье название было выведено очень крупными буквами и к тому же яркой масляной краской на хорошо загрунтованных, чистых досках, ефрейтор дал отставку сомнениям, нажал на тормоз. Внешний вид заведения внушал надежду: хорошего человека, преподавателя с курсов начальствующего состава, тут не разочаруют угощениями.

Встретил посетителя низенький, довольно объемистый в талии хозяин, бывший в этом изрядном, пусть и провинциальном заведении одновременно официантом и барменом. Он сразу же пригласил офицера к бочонку с пивом, что располагался на массивной подставке в углу помещения. Еще не полюбопытствовав, будет ли пан предаваться обильным возлияниям, почал одна за другой наполнять кружки и пододвигать их поближе к гостю. Дескать, невозможно поверить, что здесь кто-то позволит себе отказаться от солидного угощения. Неужели с принимающей стороны не будет проявлено должного уважения?! Оно очень высокое — вон сколько наполнено кружек! И, позвольте заметить, разве замечательный пан не разрешит хозяину бочонка немножко заработать в середине жаркой недели? В прискорбно безлюдный час?

Ладейнин, не ожидавший столь гостеприимного напора, был не то чтобы ошарашен, но — из песни слова не выкинешь — почувствовал себя неловко. Непроизвольно замотал головой в смущенном отрицании обильного пиршества. Объяснения — что и как — не прояснили бы ситуацию. Если только не начать с коры мерзлой осины. Поэтому в них вступать не поспешил. Просто позвал ефрейтора и, отступив на шаг от всех этих кружек с пышными шапками пены, негромко сообщил:

— Мне, как известно, всё оно ни к чему. Сопровождающему тоже вроде бы не нужно. Впрочем, стоит ли обижать хозяина? Можно порционно угоститься... Или как?

— Сопровождающему?.. Если только одну порцию, — у шофера ховзвода было такое умное выражение лица, повернутого к пивному бармену, и таким оно высветилось лукавством, когда оказалось повернутым к офицеру, что Ладейнин чуть не рассмеялся.

Отвернувшись от бочонка, пошел к окну, сел за дубовый стол, чья массивность позволяла предполагать: здесь наверняка дозволялось даже стучать кружками по столешнице. Во всяком случае, трактирная мебель выглядела убедительной.

Позволив Семакову завладеть порцией, хозяин поспешил к Валерию. Зачем же сидеть просто так? Это скучно — сидеть без рогаиков. Без превосходных колбасок, которые называются шпикачками и которые очень вкусны со сладкой горчицей. Что мог хозяину ответить нынешний пан офицер, коль желудок сильно сжался и заныл? Пусть местные вкусности употребляет в свое удовольствие проголодавшийся ефрейтор.

— Есть у вас каша? Манная. На молоке.

Если б трактирщик умел делать глаза квадратными, уж смастерил бы на своем лице что-нибудь этакое. Но, видать, нечасто доводилось тут, в окружении добротно крепких мебели, сотворять фантастически необыкновенные квадраты. Он широко растворил... овалы. Да, пусть поразились манке на молоке именно что реальные, пусть и не очень ординарные, геометрические фигуры. Они были столь крупные, что засияли сразу же выпуклой белизной и не затерялись в мясном изобилии щек. С этими своими овалами, в этой своей шерстяной — несмотря на полуденную теплынь — бархатисто малахитовой жилетке он стоял объемистым столбом. Помолчав, поизумлявшись на бравого армейца с восточных краев, постарался согнуться в пояснично вежливом наклоне:

— Должна тут быть каша?

— Пожалуйста... Или никак невозможно?

— Почему нельзя для пана офицера? Десять минут. Не больше.

Потихоньку отступая, не отводя глаз от человека, у которого висело на ремне личное оружие, хозяин приличного заведения старался не совершить ошибку — не сотворить какого-нибудь такого движения, чтобы владельцу пистолета захотелось положить оружие на стол. Ладейнин хмыкнул, кивком указал Семакову на пятившегося трактирщика — видал, что делает здесь каша? Ефрейтор согласно кивнул в ответ. Конечно, пугать никто никого не намеревался, а если каких-то пару лет назад в пивной буянили германцы, то это их дела, арийские.

Вздохнув, Валерий положил локти на деревянную, местами потемневшую столешницу, подпер голову ладонями. Вроде бы не очень долго пришлось вести машину, а вот устал всё-таки. За окном блестел на солнце мир поселения — с разноцветными крышами, фруктовыми деревьями в садочках, парусами облаков, неспешно возникающими вдали и в безмолвной синеве наплывающими на тихое чешское местечко. Здесь в стекла домов гляделись ветки яблонь со зреющими стаканообразными плодами: старинные розмарины обещали неплохой урожай. Вишни — с ягодками более светлыми, нежели известные Валерию до черноты красные плоды кустистых «владимирок» — податливо гнулись к земле. На них стаями сидели воробьи, повсюду, как водится, охочие до вишневого спелого угощения.

Не было ни детонирующих — от встречи с землей — самолетных бомб, ни фонтанов от снарядных разрывов. Даже трескотни автоматных очередей не доносилось оттуда, с законного пространства. А в ушах внезапно зазвенело, будто Ладейнина настигла, накрыла волна адского грохота. Словно контузия порешила справлять свой праздник. Он принялся тереть виски, чтобы ушла та музыка звонких и очень частых стеклянных капель, что по обыкновению сопровождала это страдание — эту боль от проснувшейся раны.

Дело было в том, что майору вдруг пришло на ум: семьи больше нет. Он больше не увидит ни жену, ни сына Валерку. Никогда. Понимание пришло — как тротильный удар огромной мощи. Потом звон в голове стих. Послевоенный мир донес через тонкое оконное стекло ленивый брёх дворовых псов, петушиное пенье. Ладейнин глядел, как Семаков расправляется со шпикачками, щедро употребляя темно-коричневую приправу. Почему-то крутилось в мозгах слово: «Горчица!» Частая болезненная капель перестала вливаться в уши. Но под ложечкой болело всё сильнее.

7

Наступал вечер. Звезды в горном небе, где свет их всегда четче и ярче, пока еще не появились. Вливалась в неширокие ущелья, в озерные котловины белесая влажная муть, предвещая холодную ночь. «Надо бы фары включить», — подумалось Ладейнину. Потянул было руку, ан дорога вывернула к долгожданному городку. Автомобиль промчался мимо крайних домов, тесно прижавшихся к скалам. Выехал к набережной, снова поднялся к стене каменных громад.

У входа в небольшой военный санаторий горели фонари под козырьками, защищавшими лампы от дождей. Дверь была закрыта. Из-за угла выглянул кот, фыркнул, недовольно ощерясь. Боком, боком пошел — исчез. Черные массивные петли двери даже и не думали поворачиваться.

— Не рановато ли улеглись тут спать? — удивлялся ефрейтор, пытаясь то поднять,

то опустить неподдающуюся ручку.

— Справа там шнур звонка. Подергай, — предложил водитель «Симки». Он достал с заднего сиденья фибровый чемоданчик, проверил багажник. Захлопнув его, с удовлетворением сам себе доложил: — Дело сделано. Прибыли без происшествий.

Незадолго до прибытия Ладейнин старательно уверял себя, что не стоит отчаиваться, надо ждать и продолжать поиски семьи. Успокоилась немного душевная рана. Во всяком случае, поджидая того момента, когда откроют дверь, он стоял прямо. Не сгибался от приступа телесных страданий, всегда готовых добавить новых мук.

— Значит, вам я больше ненужный? — с видимой горечью произнес шофер хоззвода, мечтавший задержаться в городке.

Появилась девушка в длинном платье с буфами. В цветастом коротком переднике. На нем — по голубому полотну — оранжевые квадратики усердно чередовались с белыми, а на миловидном лице встречающей высветилась приветливость, проявилась усердная готовность быть полезной.

— До свидания. Надеюсь, ефрейтор, еще увидимся, — дипломатично попрощался Валерий с прилежным армейцем, своим сопровождающим.

В холле санатория воздух был теплей, нежели на улице. Пахло здесь не туманной горной сыростью, где вовсю благоухали вечнозеленые красавицы ели. Почему-то из коридора тянуло камфорой. Или — точнее! — смесью резкой валерьянки и мягко возбуждающей камфоры. У преподавателя с курсов начальствующего состава вдаваться в детали недавно здесь происходившего не представляло интереса. И так было понятно — около часа назад привезли пожилого, нуждающегося в уходе офицера, и у того после долгой дороги, с ее подъемами и крутыми виражами, приключились сердечные сбои.

— Документы пана майора оформят утром, — подошла, закрыв на задвижку дверь, невысокая девушка, чей голос Валерию сразу понравился. Он был нежно певучим, негромким, успокаивающим и приглашал повнимательней взглянуть в миловидное лицо встречающей.

— Мне понятно, что у вас имеются заблаговременные сведения о прибывающих, — усмехнулся. Добавил спокойно: — Если можно оформить завтра, пусть будет завтра.

В ответ — никакого чтоб очень заметного и хорошо видного в глазах смущения или волнения. Слова, где имелся намек на некоторые важные обстоятельства, не произвели особого впечатления. Валерию ничего не оставалось, как признать себе самому: просто молодую особу проинструктировали, а до некоторых приводящих моментов сурового послевоенного быта ей не приходилось еще доходить.

Та принялась обстоятельно объяснять: с постоянной палатой всё определится, когда утром объявится врач, когда придет на работу сестра-хозяйка, или как там офицеры называют ее — комендант? Вот когда окажутся на местах все, от кого зависит расселение прибывающих в санаторий, тогда станет хорошо.

— Сейчас провожу вас в комнату временного проживания... пребывания...

«О чём разговор? — думал Валерий. Мне всё равно. Сейчас лягу и буду спать без задних ног. Давно такого не было у меня, чтоб полдня за рулем. Голова опять что-то разболелась. Как есть вся чугунная».

Размеренная преподавательская жизнь отучила без последствий впитывать вал разнообразных впечатлений, что хочешь не хочешь, а предлагает любое долгое автомобильное путешествие. Ранам ведь не прикажешь, они свое талдычат — а не слишком ли ты утруждаешься, добрый молодец, при нашем обязательном присутствии?

«Надо поскорей лечь. Факт усталости не проигнорируешь. Семаков — тому продолжение горной дороги в охотку, раз не очутился в ординарцах — погнал "Симку" на удивление резво. Ему еще ехать и ехать. Всю ночь. А он лихо жмет на газ. Почему? Повезло молодцу, немецкое железо, как говорится, обошло стороной. Меня, кажется, шатает. Что еще за черт?»

Ладейнин шел по коридору, чувствуя, что не в силах отвлечься от навязчивых тягучих мыслей. Он не прочь был постоять, опереться рукой о стену, но девушка уходила от него, уходила в неизвестное продолжение коридора... куда-то вдаль... Он старался не отстать. Не хотелось выказывать свою слабость. Сдвинув брови, наклонившись вперед, он шел следом за ней. Будто ему надо было как раз двигаться, двигаться... идти в атаку... опять...

Полыхали комнатные стекла жаром брусничного цвета. Солнечные лучи, преломляясь в разные цвета, дугами висели на стенах. В углу над дверью они почему-то вздымались фонтаном к потолку. «Окна старые. Наверное, стекла были выплавлены еще в прошлом веке. Из-за неравномерности слоев, из-за всяких минеральных примесей играет наверху радуга, — догадался Валерий. — Красиво. Однако она может

кое-кому навевать мысли о чертовщине. Ладно, вставать пора».

Поднявшись и с хрустом потянувшись, он подошел к форточке. Из окна не видать было крыш городка, но зато давай, новоиспеченный обитатель санатория, любуйся замшелой стеной у соседней постройки времен императора Франца-Иосифа! Было подобное соображение у тех, кто организовал тут военный санаторий, или не было — какая разница? У майора наблюдалось настроение такое, что можно было вновь усаживаться и писать письма. Потому что хотелось верить в лучшее.

Не зря всё-таки утверждает народная мудрость: утро вечера мудренее. Война, как ни суди, закончилась, и верх остался за теми, кто был истинно достоин победы. Майор тоже расписался на поверженном Рейхстаге... когда это случилось? Год назад? Не остыла душа, и желается ей, чтобы продолжался праздник. Так что давнишний император не в счет! Пусть он здесь царствовал, доложил сам себе Ладейнин, но brave солдат Швейк уважал тогдашнюю армию не очень. Не станет и наш брат шибко восхищаться имперской замшелостью. А лучше мы откроем форточку и подышим целебным воздухом Рудных гор.

По-армейски аккуратно заправил кровать, снова подошел к окну. Дотронувшись до стекла, обнаружил — оно холодное, как лед. Стало понятно, что здесь ветры-утренники и порывисты, и по-мартовски свежи. С близких вершин даже летом спускается бодрящий воздух высокого неба с его льдистыми, стратосферно серебристыми облаками.

— Хорошо! — Валерий не смог удержаться от восхищения. — Освежает!

Он с удовольствием ополоснул лицо из кувшина, стоявшего на столике возле умывальника. В кране что-то слабосильно пошумливал, ничуть не желая хоть чуть-чуть окропить ладони. Поэтому воспользоваться водопроводом по программе более полной, нежели простое бульканье, не удалось. Городок вряд ли представлял интерес для воюющих сторон. Если падали бомбы на его улицы, то, скорее всего, лишь изредка. Больших разрушений не наблюдалось. И значит, водопровод, коль случайно досталось ему на орехи, здесь должны починить в скором времени.

— Будем надеяться, — высказался Валерий, ни к кому конкретно не обращаясь, демонстрируя самому себе бодрое самочувствие.

Постучавшись, осторожно выглянула из дверного проема девушка, встречавшая гостей вечером и обещавшая, что всё будет с утра пораньше. Будет — как полагается. На лице у нее ни следа от дежурства. Ночное бдение, если оно последовало вслед за расселением гостей, не смогло наложить печать присущими ему атрибутами на молодость. Измятость и бледность кожи, от недосыпа круги под глазами и тусклый от усталости взор — всё отсутствовало напрочь. Юность цветущая торжествовала. Увидев эту свежесть бархатно спелого персика, Ладейнин поразился молодой силе и, не найдя слов для приветствия, лишь молча кивнул в ответ на радостное «здравствуйте».

Появился мужчина в белом халате — молодежавый, с выраженными рубцами ранений на лбу и щеках.

— Томаш Фаиала. Если позволите, ваш врач.

У Валерия возникло предчувствие, что майору слишком многое решили позволить. Здесь тебе и Семаков, и чешский лекарь. Вслед за тем пришло запоздалое соображение: со своими догадками куда торопишься, майор? Если от ординарца удалось отбояриться, то с медиками картина получается иная. Вряд ли преподавателю с курсов начальствующего состава разрешат самолично назначать себе доктора, выбирать лекарства... Вот тебе, майор, славянский товарищ по оружию, и дозволается тебе верить, что фронтовая косточка не оставит в покое больного, пока всерьез не поставит офицера на ноги. Насчет боевого прошлого Фиалы ошибки не случилось.

— Санбат был под обстрелом, — пояснил Томаш, заметив, куда нацелены глаза майора. — Чехословацкая часть проходила Дукельский перевал. Немцы сопротивлялись изо всех сил. Мне, как и многим другим, попало сильно. Как говорят русские, попортило шкуру.

Значит, тут некоторые спрашивают позволения лечить? Простая вежливость или... пусть не так чтобы очень простая... Ладейнину не захотелось вдаваться в детали. Нынешние послевоенные дела сложны. В Европе хватает военных повсюду. Открыто стоят части союзников. Свободней вздохнули противники нацистов. Стараются скрыть свое прошлое некоторые личности из числа фашистских карателей. А чех... Что ж, армейскому лекарю проще понять, с какой стати ноют раны у солдат. Пусть продолжает свою службу чехословацкий корпус и лично врач Фиала, чьи рубцы на лице стали враз симпатичны Ладейнину. Хотел было Валерий пошутить: позволяю быть моим врачом. Однако поняв, что шутка может показаться неудачной, решил рта не раскрывать.

— Разрешите представить Мартину Блажекову, — сказал вежливый Томаш. — Она проводит вас в палату старших офицеров на втором этаже. Санаторий у нас

небольшой. Комнат пока что немного. Если покажется тесновато, приносим свои извинения.

— Какие извинения? — удивился Валерий. — Спасибо, что приютили на ваших замечательных водах. Столь известных по всей Европе.

Краем глаза он видел, как за окном разгоралось пламя солнечного пожара, прогонявшего с улиц городка утреннюю влажноватую сырость. Убиравшего мокрые пятна на мостовой. Этот по-летнему старательный дворник с небес — ишь, какие горячие лучи! — с усердием наступал на прохладу, льющуюся на городскую речку с высот Рудных гор. Скоро набережная приобретет вид какого-нибудь теплого южного курорта.

Сейчас бы выйти на улицу! Чтобы прогуляться по булыжным мостовым. Среди старинных построек, предлагавших вспоминать всё, что знаешь о давних временах. В Центральной Европе, известно, с избытком случалось всякое. Достойно интересное. А здесь тебе — чистый заповедник исторических реалий, если не впрямую повествующих о прошлых событиях, то уж в обязательности напоминающих об очень многом.

А что говорит Фиала? Тот, представив девушку, — которая если и радовалась, то исключительно лишь солнечному утру, — продолжал свою вежливую речь:

— Сопроводительные документы прошу оставить Мартине. Она всё оформит в лучшем виде. Покажет, где находится помещение столовой. Потом, после завтрака, жду вас у себя в кабинете. Введу майора в курс лечения. Оно специфическое у нас.

9

Деревянная лестница, ведущая на второй этаж, узка и длинна. Ступеньки прочные, чистые, но от времени потемневшие, словно по дубовым доскам прошлись едкой морилкой и покрыли тотчас лаком, чтобы цвет уважаемой крепкой старины сохранился в неприкосновенности. Под яловыми дорожными сапогами Валерия дерево поскрипывало. Желая, чтоб звук был не слишком громким, не заглушал разговорчивую девушку, Ладейнин ставил твердые каблуки осторожно. Придерживался за перила, круто уходящие с первого этажа на второй, помогал сапогам не греметь и вслушивался в голос, льющийся сверху. Мартина весело объясняла:

— Кот, что стоит наверху, он почему надувает щеки? Мошенник. И чувствует себя важной персоной. Хозяин самый главный. Понимаете?

— С жуликами дела не имел. Затрудняюсь их понимать. Но... хотелось бы знать, что сотворила персона.

Девушка замедлила шаги. Полуобернувшись, лукаво посмотрела на офицера, столь серьезно озаботившегося вопросом кошачьего присутствия. Продолжила продвижение по крутой восходящей. Прибывший майор с ее точки зрения оказался человеком достаточно образительным, чтобы увидеть в веселом щебетанье не только желание безответственно поболтать. Одновременно приметил нечто такое... такое... которое представляло познавательный интерес. Он далеко не был равнодушным гостем, этот офицер, недавно помогавший соотечественникам прогнать фашистов. И, видимо, не собирался очень сильно важничать здесь. Если, не теряя чувства собственного достоинства, он довольно искренно, с вопросом вовсе не наигранным, обратил взор к коту, чересчур много о себе возмнившему.

Что касается Ладейнина... исключительный интерес пушистая персона вряд ли представляла. Уши как уши, стоят торчком и притом кое-где рваные. Усы как усы, хоть шикарно длинные. Есть лохматые вислоухие дворняги среди собак, почему не наблюдаться обыкновенным персонам среди кошачьего племени с его богатым подшерстком? Не исключались, правда, в поведении некоторых котов какие-то аномалии.

Остановившись, Мартина посмотрела вниз, на гранитные плиты вестибюля. Перила, стремившиеся вверх, опирались на резные деревянные столбики, не сказать чтобы слишком толстые на вид. Они выглядели, скорее, изящно тонкими побегами тропических пальм, нежели основательно могучими подпорками, сотворенными из шумавских дубов. Валерию никак не могло прийти в голову, что они чрезмерно крепкие, сверх меры надежные. Поэтому он заволновался, когда девушка всей грудью налегла на перила и принялась что-то рассматривать на первом этаже. Непроизвольно ухватив балясину возле себя, скосил глаза вниз: что там приключилось?

Вестибюль — пол, стены, конторка у входа — был погружен в утреннюю тишину. В неяркость сонного полумрака, поскольку ночное освещение уже выключили. Откуда-то проникал, тянулся в дальнюю часть помещения тонкий солнечный луч. Он ничуть не старался разогнать лиловатую сумеречность, а, скорее, выявлял, подчеркивал гранитную мрачность этих грузных темных плит недавно вымытого пола. Снизу

ощутимо тянуло тщательной приборкой — сыроватой прохладой и химически духовитой чистотой, свойственной европейским аптекам. С ними Ладейнину довелось иметь дела в Германии, Польше, Венгрии. Хочешь не хочешь, а приходилось на скорую руку попользоваться лекарствами, коль неожиданно сдавало здоровье. Перехватишь где-нибудь в дороге таблетку, оно и...

— Всё в порядке. Не видно тётки. Не будет мне выговора! — отлепившись от перил, Марина снова зашагала по лестнице к наблюдавшему за визитерами коту. Но тут же, словно вспомнив нечто неотложное и очень важное, вновь остановилась, обернулась, направила на майора заблестевшие непонятым оживлением глаза: — Тетя могла бы возражать. А раз ее пока что нет, мы с вами сейчас возьмем и обсудим это.

Сапоги Валерия в следующую минуту начали проверять прочность дощечек, что выстилали коридор второго этажа. Плотно пригнанные одна к другой, блестевшие, наподобие паркета в Екатерининском дворце, где когда-то молодой артиллерист постигал академическую науку, они стойко воспринимали удары кованых каблучков. Не скрипели, не поддавались нажиму, не заставляли тебя качаться, ровно они были здесь идущим — летающие качели. В этом смысле дубово-прочная, однако беззаботно фривольная лестница давала здешнему паркету определенную фору. Нельзя было не заметить, шумавские ступеньки превосходили музыкальностью коридор, благопристойный и уныло пустынный в этот тихий час.

Вздернув брови и покачав головой, Ладейнин сам себе отдал мысленный приказ: правила проживания станем в дальнейшем неукоснительно соблюдать, поскольку в чужой монастырь не ходят со своим уставом и коваными каблучками дорожных сапог не тревожат поутру сон отдыхающих. Раз тут предполагается соблюдение паркетной тишины, Валерий будет продвигаться без лишнего шума-грохота. Не танк всё-таки.

Но, кажется, у сопровождения до сих пор не спешит исчезнуть предмет разговора. Кое-какие пожилые женщины способны внезапно объявиться и поставить препоны всяческим обсуждениям?

— Возражения со стороны тети? Если она здесь большой командир... Не знаю, что мы должны обсуждать, но лучше, наверное...

Вид у майора был вполне серьезный. Но в его словах прозвучала та легкая веселость, что позволяла предполагать: офицер не очень-то предрасположен дожидаться появления большого начальства. В лице неведомой родственницы со стороны Мартины. Однако девушка не могла не понять — не надо говорить загадками, суесться на скрипучих дубовых ступеньках, бросаться грудью на перила и навязывать новым жильцам свои страхи. Лучше сразу приступить к делу, раз есть нужда кое-что доложить спутнику.

Разговор, конечно же, свелся к поведению толстощекого кота. Родственница юной особы по фамилии Блажекова имела прочную любовь к театрам. Некогда, пребывая в Праге, она частенько ходила на столичные спектакли, и ей, завзятой театралке...

— Она мне сама рассказывала, — объясняла Марина. — Увидев однажды кота в своей ложе, пошла к директору. Что еще такое?! А если тут чересчур самостоятельные персоны начнут прогуливаться по сцене во время представления?

Ладейнин не выдержал, подсказал:

— Ничего хорошего для старательных актеров не получится.

Оказалось, тетя была неотступно решительной, имела непростой характер. Она потребовала от дирекции театра очень серьезных действий. Кота отловили, отвезли далеко за город. Некоторое время спектакли шли в благоприятной атмосфере, потом трудности возобновились. Усатая особа, что была себе на уме, вернулась в свой дом. Ее отвезли подальше, но она снова объявилась по месту проживания. Театралка-тетя не успокаивалась, ставила перед дирекцией новые задачи. Нескоро это случилось, и всё-таки с незаконным вселением удалось справиться.

— У кошачьей породы характер, выходит, не сахар, — вздохнул Ладейнин. — Слишком он... боевой, что ли. Ишь как тётю допекал!

Мартина счастливо улыбалась:

— Ой, как мне это нравится. Вы всё понимаете!

— Чего здесь трудного? Коса нашла на камень. У самостоятельной персоны, легко догадаться, решимости отстоять свой дом выше головы. А родственница ваша имела железную волю, и тётке нипочем были все персоны.

Чуть не подпрыгнув от радости, девушка принялась воодушевленно объяснять: да, характер у пожилой женщины не очень-то покладистый и приятный. Иногда тебя так отчитают, хоть плачь, словно ты недостаточно разумная школьница. Приходится побаиваться тётю, пусть с гимназическими науками сегодня покончено. Без ее разрешения, может, и не стоило рассказывать о прошлой жизни. Но офицер, который очень умен и всё понимает, будто какой генерал, имеет право знать, что кот наверху...

Девушка во все глаза смотрела на Валерия, и в ее порывистых движениях скользила

нескрываемая радость, неожиданно обнаруженное счастье взаимопонимания, доверия. Она прям-таки светилась восхищением. «Что за черт!? — подумал он. — Она со своей радостью с луны свалилась? Не давал я поводов восхищаться собой! Делать мне больше нечего, что ли?» Надо было что-то сказать. Чтобы поумерить все эти восторги, не имеющие под собой никакой реальной почвы. Он решительно прервал поток слов Мартины:

— Здешний котофей считает санаторий своим законным жилищем. Прогнать самовольного вселенца не удастся. К сожалению, вам я не помощник. Куда его нести? В горы? Не понесу, не просите!

Спутница ждала другой реакции. Ей хотелось бы услышать нечто шутовское, легкое, чтобы продолжать беседу, а тут прозвучал суровый приговор. Она замолчала, оживленная праздничность ушла из глаз, и Валерию осталось лишь лицемерить быстро удаляющуюся, чуть поникшую спину. Ладейнин шел следом, в голове крутилось: «Тут никто не собирался отправлять майора к горным вершинам поближе. Хотели просто поговорить, разве не так?»

10

У Мартины вдруг появилось желание повидать свою родственницу, которая могла воспользоваться другим входом, чтобы пройти в кладовую, где хранилось санаторное имущество — простыни, пододеяльники, наволочки. Направилась ко второй лестнице. К той, что находилась в конце коридора и позволяла спуститься не только на первый этаж, но даже в подвальное помещение. Блажекова, убыстряя шаги, спешила вниз, пока не увидела запертую дверь. Распахиваться та не расстаралась. Удар сжатым кулачком по филенке. Толчок плечом. Старайся не старайся, никого тут не было, и Валерию со смущением объяснили:

— Тёти нет. Но лучше меня говорит она по-русски. Ей проще, чем мне. Она бы сказала так, чтоб вы не волновались. И не ходили в горы.

— Не стоит беспокоиться, — он произнес эти слова как можно спокойней, с вежливостью, где неявно присутствовали заморозки раннего чукотского лета. — Решение уже принято. А что касается моей сопровождающей, ее знание русского языка меня вполне удовлетворяет.

Вторая лестница. Новый подъем на второй этаж. Восхождение по узким ступенькам, напоминавшим о шумавском происхождении. Перила без тех изящных подпорок, что призывали бы полюбоваться мастерством краснодеревщиков, не сказать: тут наблюдалась слабина — это было бы неверно. Пусть не увидишь искусства деревообработки, а всё-таки заметишь толстую массивность дубовых стоек, без шикарного лакового блеска, грубо вытесанных. Притом демонстративно крепких, надежно поддерживающих круто вздымающуюся перильную балясину.

Кирпичная красно-коричневая стена по правую руку. В каплях старой известки, что применялась лет сто назад, — старинной и от несомненной своей древности посеревшей, местами даже ставшей мглисто темной. Далеко не парадная лестница. Черный ход, как говорится. Валерий опять шел следом за девушкой. На сей раз ее спина не выказывала уныния. Выглядела попрямее. Если не веселей, то уж отчетливо поуверенней.

Вторичное шествие по коридору — в обратном направлении — было бы скучным, если б Валерий, проходя небольшой зал, не приметил: стену, где находились оконные проемы, кто-то догадался украсить интересными полотнами. Они висели, аккуратно вышитые красными крестиками, меж стеклянных листов коричневых рам. И если не отсвечивали солнечным блеском в простенках, то уж определенно добавляли праздничности в атмосферу пустынного зала, куда уже начали со внутреннего дворика проникать лучи огненного горного светила.

От Мартины не ускользнуло — майор крутит головой, не то восхищаясь, не то удивляясь увиденному. Она шагнула к окнам, обвела рукой стену с ее выставочно-полотняными экспонатами:

— Раньше тут не было санатория для военных. Тетя задолго до войны видела, что в некоторых русских домах украшали стены вышивками. Предложила: пусть приезжающие чувствуют себя здесь хорошо. Вот ей и разрешили повесить...

— Чтоб офицерам было... как дома? — уточнил Валерий.

— Плохо разве?

— Почему? Спасибо, — пошел было дальше, но тут же встал, как вкопанный.

Приглашающий жест рукой. Полупоклон. Пропустил вперед девушку. При этом подумал: «Можно, конечно, украшать стены. Однако, по давнишнему этикету, преимущественно “красный угол” облачался таким образом. Родственница Блажековой некогда побывала в России? Интересная выходит история».

Заморозки чукотского лета растаяли, словно пришедшее с Тихого океана

тепло начало наступать на пещоры побережья и пробудило в душе приезжего учителя воспоминания о недавнем Владивостоке. О знакомой веселой школьнице и владимирском доме, где в углу ее старая бабушка повесила много лет назад красивые полотенчики.

В палате старших офицеров при закрытой форточке было очень тепло. Явственно ощущался бодрящий аромат одеколона, недавно употребленного после бритья. Окна здесь тянулись не столько в высоту, сколько в ширину — чуть не во всю стену с шиком распахнулись. Оттого для всякого сюда входящего наполнялась комната ощущением неожиданно большого пространства и тем изобилием проникновенного света, что обычно ожидается где-нибудь на улице. Под бездонным куполом открытого неба.

Подойдя к подоконнику, Валерий прищурился, чтоб поуменьшить напор солнечного ливня, обрушившегося на глаза. Открывшаяся панорама звала, что называется, на волю, предлагая промерить нетерпеливыми шагами городок с его радужным разноцветьем где оштукатуренных, где замшелых стен. С чередой парадных, над которыми пузырями висели фонари на железных кронштейнах.

Отсюда хорошо просматривались тесно стоящие дома, гребенка не столь далеких вершин, мощенная гранитом набережная. И узкая река — тот стремительный горный поток, которому удалось разделить поселение напополам. Видимо, речка была очень быстрой: по ней плыли шапки белой пены, покачиваясь на завихрениях водоворотных струй.

Здешние горы с их лесистыми ущельями и уютными городками не отличались той мрачной суровой красотой, которая в свое время поразила Валерия на Чукотке. Открывающиеся картины нисколько тебя не тревожили — скорее, согревали сердце, являя взору бодрую новизну, пробуждая свежесть помолодевших чувств.

11

— Вот ваше место. Располагайтесь, — Мартина, вставшая было рядом с майором, двинулась по параболе в угол, вправо от двери.

Ладейнин в ответ согласно покивал, внимательней оглядел палату. Три высокие тумбочки, накрытые белыми накрахмаленными скатерками с роскошно лохматыми нитяными кисточками. Три кровати вовсе не армейского образца, то есть — приметно широкие, полутораспальные, блестящие гладким хромом узорчатых спинок. Пусть это не выглядело умопомрачительной роскошью, но апартаменты не избалованному бытом Ладейнину показались на диво богатыми.

Особенно поразило то, что лежало на кроватях. Разве же в офицерских общежитиях он видел пододеяльники с прямоугольным вырезом, где пыжились очень толстые, махрово шерстистые одеяла сочного вишневого цвета? Простынками в своих временных жилищах укрывались хоть капитаны, хоть майоры — простынками, а сверху солдатской байкой, обычно невразумительно серого коленкора.

— Куда пропали мои соседи? — обратился Валерий к своей сопровождающей, полагая, что вспоминать весь прошедший год вовсе необязательно. Не к спеху, коль новая обстановка вызывает вопросы, которые требуют разъяснений.

Четкий армеец, он всегда есть строгий к порядку человек. Сие говаривал замкомвзвода в годы рядового, потом ефрейторского пребывания молодого учителя в Лефортово. И нынешнему солидному преподавателю эту науку не резон забывать. Верно, артиллерист? «Так точно, — усмешливо доложил сам себе майор. — Не мешает оценить ситуацию».

Девушка подняла лучистые глаза на офицера, сказала смущенно:

— Все ушли на завтрак. Мы с вами задержались возле кладовой. Простите. Я не хотела...

— Не надо извиняться, — у Валерия дернулись уголки губ в полуулыбке. — Готов повторить, что Мартина Блажекова хорошо знает русский язык. Наверняка не хуже своей родственницы.

Юная особа увидела в простых словах, вероятно, что-то необычное. Глаза вспыхнули с новой силой, буквально обдав офицера глянцеви́то-ярким светом праздника с новогодней открытки. Какие там красочные календарные или весенне-майские картины сопровождающей привиделись, поди и сообрази. Но что касается майора, он помыслил на сей счет вполне приземленно:

«Разулыбался тут кое-кто. Удивил Мартину своими чистыми белыми зубами. И что сейчас? Начнет нынче гость вдаваться в подробности чукотской жизни, где не было места обильным меда́м? Не стоит, пожалуй. И о войне, которая была вовсе не сахар, тоже не время распространяться. Сберег, как говорится, зубы, да вот что другое съест, кроме каши...»

Повернуться и отправиться по своим делам, что было бы вполне естественно,

Блажекова не поторопилась. Вместо этого принялась поправлять вишневый четырехугольник на кровати, одновременно искося поглядывая на гостя и выкладывая факты непростой жизни. Нет, не собственной, примечательно короткой, а тётиной, довольно-таки длинной и на удивление извилистой.

— Моя родственница Маржена Плицкова была в России, когда случился октябрь. Царя не стало, и захотелось увидеть страну с ее новыми порядками. Через несколько лет вернулась домой. Перед войной, вы знаете, были тревожные годы. Она решила принять участие в работе общества чехословацко-советской дружбы.

«Где тогда пребывал молодой учитель? — подумалось Валерию. — Познавал пещоры Корякского нагорья. Занимался с детьми арифметикой и письмом. Посещал стойбища, где оставались проблемы с неграмотностью. Однажды летом наблюдал, как чукчи добывали кита. Что тут скажешь, неуютно в холодном океане. Даже на большом корабле не отпускает тебя, никакого не морехода, чувство озноба. А уж когда посреди студеных волн окажешься на вельботе, да еще ближе к ночи, — это... Твоя крошечная жизнь колышется в громадном просторе, словно микроскопическая пылинка в немыслимо глубоком небе, в бездонно черном космосе, где нисколько не тесно миллиардам огромных светил. Пусть нет в тебе смертельного ужаса, но определенно есть оно — потрясение, которое невозможно выразить словами».

Блажекова повела глазами, оглядывая углы просторной палаты. Видимо, пожелала убедиться, что сегодня нет необходимости заниматься тут уборкой. Направилась было к двери. Поколебавшись, остановилась:

— Мои родители погибли в сорок втором году.

Слез не было. Однако по лбу скользнула, исчезла и, объявившись вновь, укрепились над переносицей грустная морщинка. Сообразив, что Мартине явно не хотелось развивать в разговоре печальную тему, Ладейнин среагировал быстро:

— У ваших здешних постояльцев, у большинства из них, схожие душевные раны. Примите искренние соболезнования.

Девушка, опустив голову, неуверенно продолжила историю семейных мучений:

— Тетя увезла меня из Праги. Подальше из города, где были облавы. Мы осели тут. Плицкова по старости лет уже не работает в лечебнице. А я пристроилась. Маржена приходит чуть не каждый день, помогает принимать приезжающих. А также оказывает помощь в кладовой. Ну, и мне — тоже. У нас ведь небольшой персонал. Вы еще увидите ее, мою родственницу. Она строгая, оттого что добрая. Переживает за меня.

— Пани Плицкова спасла племяннице жизнь. Пани Блажекова не забывает добро, — Ладейнин открывал свой чемоданчик, и слова были произнесены не то чтобы равнодушно, однако же несколько отстраненно. Догадавшись, что неуместен тон, Валерий поспешил добавить: — Нетрудно понять, что пережитое связывает вас очень крепко. А вот у меня близкие...

— Погибли? Все?

— Может быть... Никаких сведений... — голова поникла над раскрытым чемоданчиком, — все последние годы...

Руки опустились на темную фибровую крышку. Зазвенел в висках гостя стеклянный перезвон, никому неслышный и при этом громкий, вполне реальный. Пальцы двинулись туда, где лежал походный скарб. Начали перебирать весь нехитрый набор вещей, словно хозяин их внезапно забыл, что и для какой цели положил сюда. Больше от майора не последовало слов. Даже отстраненно задумчивых.

Увидев реакцию офицера на свой вопрос, в безапелляционной краткости своей прозвучавший довольно жестко, девушка, полуотвернувшись и зарумянившись, произнесла то, что в полной мере обнаружило и ее скромность, и ее по-настоящему сочувствующую душевность:

— Хочу сказать... не надо называть меня пани Блажекова. Лучше просто — Мартина. Раз мы с вами познакомились... к чему эта официальность?

— Правильно, — согласился Валерий, мельком взглянув на молодую сопровождающую, и продолжил выкладывать из походной ёмкости свои вещи.

Давай, майор, трудись! Сосредоточенно и старательно опустошай нутро своего обтрепанного фибрового саквояжика, давно уже похожего на мятый вещмешок. Когда вот так — с непреклонной серьезностью — возьмешься за дело, глядишь, и поутихнет стекло в голове.

Действия должны совершаться поочередно. Появляется на свет лиловая пластмассовая мыльница с вензелем на крышке. Аббревиатура исполнена темно-синей замысловатой латиницей. Теперь наступила очередь опасной бритвы, некогда сотворенной фирмой «Золинген». В гладкой, продуманно изогнутой, очень удобной ручке проявилось желание мастеров прославить не только записных брадобреев, но и в равной степени знатоков твердосплавного металлопроизводства. Вслед за приспособлением для изничтожения щетины, постоянно возобновляющейся на щеках,

следуют, конечно же, две тяжелые чашечки из нержавеющей стали. Они прекрасно способствуют тому, чтобы ополаскивать лезвие, острое и тонкое, словно лист бумаги. Вот зубная щетка в твердом футляре, надежно оберегающим длинную гребенку жестких волосинок от соприкосновения с посторонними предметами. Напоследок достать надо непременно томик рассказов Короленко в коленкоровом переплете. С картонной заплаткой на корешке. Время не пощадило букв, составляющих — бордовой лесенкой по акварельно голубому фону — название книги. Подкачал и колонтитул на первой странице, но интерес к старой литературе у Ладейнина оставался. Тем более что одинокие вечера оказывались довольно иногда длинными.

Валерий поднял глаза на безмолвно стоящую сопровождающую. Попытался извиняюще улыбнуться. Почувствовал — губы предприняли попытку перекосяться. Упрыгнуть куда-то в сторону. Если начнет дрожать подбородок, девушка может испугаться. Вдаваться в объяснения насчет давнего ранения не входило в расчеты офицера. Ладейнин поскорей отвернулся. Решительная отмашка ребром ладони. В сторону стены с распахнутым простором широких окон. Глаза упираются в прибрежье заречных холмов, в это скалистое многообразие, обнимающее по раннему времени вовсе не очень людный городок. Там редкие прохожие фланировали вдоль набережной, совершая утренний моцион — курортно ленивый, но, по всей видимости, вмененный здешними лекарями в суровую обязанность приезжим, имеющим желание непременно выздороветь.

— Насчет многозначительного словечка «пани»... Когда есть знакомство с теми, кто разбил фашистских бестий, действительно забыть о заковыристом «панстве» неплохо. Лучше нам, обычным людям, дружить на равных.

Мартина вдруг покраснелась. Отчаянно, чуть не до слез. Поспешно, словно вспомнив о неотложных делах, пошла прочь из комнаты. У выхода пересилила себя, замедлила шаги. Лукавый, исподлобья, быстрый взгляд на Валерия. Ничего не значащее резюме:

— Спасибо.

— За что? — вот уж действительно не осилить загадку, почему, с какой стати заслужил вдруг благодарность.

— Вы погуляли со мной по коридору, — сопровождающая скользнула за дверь, и та мгновенно захлопнулась.

То не было прозрением: голову от уха до уха, со лба и вплоть скончания затылка заполнило недоумение, обжигающее в своей неподсудной искренности. Оно оказалось настолько горячим, что растопило, напрочь удалило стеклярусный спазм. Пришли в обеспокоенное шевеление, просветленно двинулись вперед мысли, и одна из них закончилась вопросом: «Странно всё-таки. Что произошло с Блажековой?» И как раз тут возникло то, что можно было определить как намек на запоздалое прозрение: «Я понравился девушке?»

Он достал небольшое карманное зеркальце, которым обычно пользовался при бритье. В нем лицо виделось... просто лицом. Ничего особенного. Что называется, не первый парень на деревне. Вряд ли подобная физиономия способна ошеломлять неопытных девиц сногшибательной внешностью. Другое дело, когда брови погуще, нос повывразительней, губы завлекательней — чтобы рельеф обозначился в той пейзажной красе, которая именно что захватывает дух. Мужичку зачем глядеть орлом? Природа шанс дает. Она помогает женскому полу не отворачивать в поспешности взора.

Среднегорье, наблюдаемое в твоём зеркальце, Ладейнин, способно лишь вызывать тоску по горной гряде с Казбеками, с глубокими глазами озер, с жарким солнцем, сияющим до самозабвенности близко. Очень близко. И коль ты гордому соколиному роду не совсем свой... Нет, не стоило говорить Блажековой про дружбу. Юная особа, умеющая легко смущаться, в полном соответствии со своим требовательным возрастом, смогла понять слова офицера в более рельефном смысле. И теперь майору предстоит объяснить ей: он имел в виду прежде всего неравенство среди людей, нежели какие-то особые отношения с медперсоналом.

ТЕПЛО ИЮЛЬСКОГО ПОЛДНЯ

1

Квадратный стол накрыт белоснежной скатертью. Края этого до странности чистого льняного покрывала без длинноволосых кисточек. Если чем приметны, то лишь красновато-малиновой нитяной вышивкой. Кайма гляделась достаточно празднично, чтобы гостю задаться вопросом. Родство с коридорными полотенчиками? Допустить сей факт можно, хотя мало верилось, что пожилая женщина занималась многотрудным

украшательством и в столовой тоже. Скорее всего, пример оказался заразительным, и теперь вкушающие пищу получили возможность иметь продолжение навеваемого обстановкой хорошего настроения.

После общения с Блажековой оно у Ладейнина было озадаченным. Сказать, что плохим или превосходным... зачем обманывать самого себя? Именно что прежним — с грузом забот, не имеющих финала. Не надо тешиться какими-то иллюзиями. И позволять мыслям улетать в туманные дали, где захотелось бы пребывать в дальнейшем. Пусть там могли быть райские кущи. Грёзы не для майора.

В конце концов, разумные правила поведения предлагает жизнь. Кое-кто не мечтал о роскошном столованье, проживая на Чукотке. Долгие годы пребывая на фронте, где поначалу имел солдатский котелок лишь... и ложку. Миска и вилка появились позже. В конце войны, когда звезды на погонах стали заметно весомее. Особо стильных скатертей не было в жизни Валерия никогда. Насчет фантазий там тоже было негусто. «Если сейчас пометчать, — он устроился на стуле поудобней, — не отказался бы от волжской ухи. От вареного, например, судачка. В нем нет мелких ершистых костей, а вкус такой... Впрочем, волгарь будет сидеть спокойно. Как сказал Семаков, на курорте полагается лечиться. Что означает — питаться по норме и есть то, что дают».

Дежурный стол оказался не только элегантно миловидным, но и достаточно мудрым. Точнее — предусмотрительным. Врач еще не осмотрел приезжего офицера, не успел назначить ему скрупулезно выверенную диету. Поэтому и поставили поверх льняной красоты вначале аккуратную порцию картофельного пюре с паровой котлетой на просторном фарфоре, затем — бледно окрашенный клубничный кисель, вовсе не до краев наполнявший узкий стаканчик с радужными разводами на тонком стекле.

После вчерашней манной каши аппетит не пострадал, и еда была уничтожена в два приема. Стесняться какая нужда? Наметанный глаз враз определил наличие щадящих признаков и в тщательно протертой картошке, и в мягком мясе, где напрочь отсутствовали даже намеки на волокна каких-нибудь сухожилий, столь трудно перевариваемых больным желудком.

Пора подниматься, освободить помещение. Коль сделал свое дело. И не помешал врачебным предусмотрительным усилиям. И положительно заморил червячка. Но если самому себе честно признаться, нет желания покидать насиженное местечко, где скатерки неплохо сочетаются с цветовой игрой жизнерадостных стаканов.

«Богемская мануфактура. Восстановлено производство или нет? Кто его знает. Всё же таковые изделия не так дешевы, чтобы запросто сиять в лечебном заведении. И вот пожалуйста — они присутствуют вполне рентабельно. Чтобы поднимать тонус товарищам по оружию. Кто здесь не способен прочувствовать застольную фактуру? Тем более что не болит под ложечкой. В животе — что есть, то есть — ощутимая легкость. Которая наводит на мысль еще чего-нибудь отведать».

Валерий неохотно поднялся со стула. Тебе, майор, не резон нагружаться. Свободно можешь совершить ошибку. А ты нынче одинок перед картошкой и говядиной, доказательно лишен здоровья и должен быть сам себе заботливым помощником. Не мешает вспомнить Семакова, который собирался стать ординарцем и не хотел шарашить больного по колдобинам. Всё верно. Никто не двигал тут горы, чтобы просить дополнительный паёк. И у всех одна потребность — навестить врачебный кабинет в соответствии с указанием доктора.

2

Старый знакомый? Нет, Фиала не был довоенным приятелем Ладейнина. Хотя в Екатерининском дворце хватало слушателей и многие из них познавали военную премудрость на артиллерийском потоке совместно с Валерием.

Давнишние друзья... Кто из молодых лейтенантов погиб под Москвой, кто попал в плен и сгинул там. Об одном сокурснике с полгода назад интересовались в особом порядке. Он побывал в немецких лагерях, выжил. Теперь проходил проверку где-то в дальних краях. Честным парнем слыл. Авось, доказал, что не имел удовольствия служить фашистам.

Дошла до Валерия также и такая новость — выпуск сорок первого года отличился. Кое-кто ходит нынче в полковниках и служит в Генштабе по артиллерийскому ведомству. Так что можно одним довоенным приятелям посочувствовать, а кое-кого по старой памяти полагается и поздравить с повышением по службе.

С врачами до войны разговор был короткий. Поскольку не жаловался на здоровье курсант Ладейнин. Не имел привычки старательно общаться хоть с многомудрыми терапевтами, хоть с бальнеологическими знатоками. Однако Томаш встречает тебя, майор, как старого приятеля. Радушно, добросердечно, будто когда-то рядышком стояли на поверках в Лефортово.

Прежние довоенные времена общими не были, а с фашистской чумой сражались офицеры плечом к плечу. И такое положение вещей позволяет военному врачу Фиале встречать тебя как однополчанина. Почему не ответить улыбкой на добрую улыбку? Валерий приветствует Томаша, принимает предложение присесть в кресло сбоку массивного стола с двумя тумбами, где наблюдается обилие выдвижных ящиков и вязь резных деревянных завитушек.

Мебель в кабинете явно доставленная из какого-то чешского особняка, не имевшего отношения к аскетизму лечебных учреждений. Бальнеологам, видимо, не по душе была обстановка курортных заведений, что осталась после ухода немецких оккупантов из города. Вот они и расстарались насчет колорита. Национального. Славянского.

Беседа началась с общих фраз. И поскольку время от времени участник Дукельского сражения вставлял вопросы касательно самочувствия гостя, было видно: идет прощупывание обстановки. Доктору хотелось уяснить, насколько прочны оборонительные редуты болезни. И — каковы особенности той жестокой схватки, что ведет организм майора с коварным врагом.

Скрывать сечу с какой стати? Тут ведь имеется настильный шрапнельный огонь, когда сообща страдают ноги, спина, голова. Четкая лавина бед. Заметно также продвижение противной стороны с ее умельством применять непредсказуемые фугасные взрывы. Пламя сокрытого свойства. Зачастую оно возникает внезапно, вызывая лютость, так сказать, внутреннего характера. Глубоко внутреннего.

«Мы с Фиалой не одного взвода солдаты, — размышлял Валерий. — У него раны другого порядка. Их следы глубокие, они легко читаются на лице, и стереть их невозможно. Здесь не однополчане мы, но определенно соратники. Оба пострадали. В дозе весьма ощутимой. Позволяющей нам понимать друг друга без слов. Мне, к примеру, ясно, о чем Томаш может думать, глядя на себя в зеркало... Был он до войны женат или нет? Это ведь имеет сейчас значение, верно?»

Наступал тот момент, когда заканчивается врачебное обследование с его элементами деликатного допроса. Картина заболевания проясняется. Докторская беседа с пациентом начинает плавно перетекать в русло... уговоров? Не совсем так. Ведь важно объяснить ту систему лечения, которая должна приняться за дело и в короткий срок привести к успеху.

— Дорогой мой боевой товарищ! — для вящей убедительности подняв палец, Фиала неотлагательно приступил к изложению курортных принципов. — В шестнадцатом веке здешний лекарь Чаер... кажется, его звали Мацек... впрочем, это неважно. Он обнаружил удивительную закономерность... Как же его по имени-то? — Томаш на мгновение задумался. Весело подмигнул Валерию: — Я ведь не из местных эскулапов. Недавно сюда прибыл. В соответствии с указанием Праги. Значит, имею право некоторые детали пропустить. Поскольку не в них суть. Прощаете военврача генерала Свободы?

Ладейнин серьезно ответил:

— Согласен на Мацека.

— Благодарю. Поскольку взаимопонимание нам не помешает.

Майор на той же ноте довел до сведения доктора:

— Я мешать не собираюсь.

— Очень хорошо. Мы должны победить. Итак, о сути процесса. При лечении больных лучше всего чередовать прием ванн с приемом воды внутрь.

— Не отказываюсь купаться. Готов пить вашу минералку сколько нужно. Война кончилась, а служба продолжается, и надо подлечить тело. Вот моя позиция.

— Что ж, если закрепить на такой позиции, то результат будет быстрым. Восстановится функция желудка. Уйдут симптомы воспаления. Вы почувствуете, что иммунные, то есть защитные, свойства организма заметно повышаются.

— Рад слышать, — Ладейнин решительно хлопнул ладонью по колену. — Не лучший вариант быть постоянным пациентом санчасти. Хоть сейчас иду чередовать. Приказывайте!

Фиала засмеялся, блеснув плоскими лопаточками зубов из-под рыжеватых пышных усов. Щеки сразу округлились, на них появились добродушные, жизнерадостные до невозможности ямочки, и от глаз прыснули, побежали во все стороны суетливые, однако ничуть не старящие доктора морщинки. Мысль Томаша отобразилась на лице во всей полноте. Ишь, каков молодец, этот кадровый воин! Показывает себя косточка армейская.

Шутка прозвучала или не совсем шутка, но ведь нравится настроение майора. Куда хуже, когда тебе с охотой предъявляют немощную слабость, недостаточную волю к выздоровлению. Готовность пациента изничтожить хворобу обещала бальнеологам отсутствие лишних хлопот. Офицер станет педантично следить за расписанием процедур. Это ж будет никакой не больной — часовой на посту! Такого нет нужды

воодушевлять на подвиги самоограничения. Что называется, не побежит на танцульки. А тут ведь хватает этого — всяческого общения в старинных залах, где чуть не каждый день звучит прелестная музыка.

Пребывание на водах имеет особенность, не всем знакомую всё же. Кое-что ощутимо давит на психику. Поднявшись из-за своего обширного стола и переместившись поближе к приоткрытому окну, Томаш собрался было дать справку — указать на красивую анфиладу разновозрастных зданий, поведать в подробностях о предлагаемых курортом развлечениях, которые могут помешать ускоренному процессу выздоровления. Одно дело, когда гость посещает лишь источники, а другое — когда ему во благо всяческие пляски, сопутствующие им спиртные напитки, азартные игры и прочее, прочее... Хорошо, если ему не нужны излишества. А всё же столько здесь соблазнов, что можно ознакомить человека с перечнем обольщений, от которых следует сразу же отказаться.

Поглядев на постепенно заполнявшуюся людьми набережную, Томаш вернулся на рабочее место. Сейчас говорить на щекотливую тему — дразнить гусей, разве не так? Всею свое время. Будет сбой — случится разговор. В конце концов, достаточно ясно офицер дал понять: для него имеют важность отнюдь не удовольствия летнего отдыха.

— Вот что я вам скажу, — произнес Томаш, вновь усаживаясь и поднимая на безмятежно сидевшего пациента глаза, нагруженные всепонимающей врачебной мудростью. — Шутки ваши мне нравятся. Как и серьезность. Поэтому продолжаю. Метод нашего доброго Мацека дополнил не менее добрый доктор Бартушек, который выяснил: пить лечебную воду лучше вовсе не у себя в палате. И не в столовой.

— А где же?

— Прогуливаясь к источнику. Будете ходить пешком. Это улучшает целебное воздействие ванн.

Фиала начал перебирать белые плотные листки, которые были у него сложены стопочкой на краю столешницы. Валерий ожидал, что ему сразу же выдадут направление для приема ванн. Однако Томаш со своими принципами, поддерживающими систему оздоровления, еще не выдохся. Перестал копаться в бумагах. Вновь поднял вверх указующий перст:

— Теперь у нас по всему курорту проложены пешеходные дорожки. Длина их — от трех до пяти километров. Гуляйте, набирайтесь сил, гоните прочь неприятные симптомы заболевания. Даю гарантию: мы вас подремонтируем, — и он, заглядывая в лицо гостя щелочками сузившихся глаз, поинтересовался: — Как вам перспектива?

— Нормальная, — ответил Валерий. — В самый раз.

3

День третий. Перед приездом еще не раскрылись полностью тайны Рудных гор. А ему уже понятно, что где-то в штольнях, в древних пещерах скал, продолжается вековая работа гномов-копателей. Недаром при свете звезд — до того, как проснулись обитатели палат — начало погромохивать вдали. Словно покатались с гребня на гранитный гребень по каменным поднятиям Центральной Европы тяжелые тележки рудокопов. Заполненные разноцветным щебнем, добытым в недрах среднегорья.

Если не доехало изумрудное и сапфировое богатство до городка, то долетел с прохладных вершин дождик, сбрызнул черепичные крыши, прошумел по листьям уличных деревьев. И куда нелегкая унесла его? Поди, русак, и догадайся. Однако — точнее точного, что за холмы и доли. На восток, куда европейские тучи, когда они объявляются, имеют обыкновение плыть без устали день за днем. Волгарю не в диковинку мокрый наступ облаков. Вот только среднее течение реки, знакомое Валерию еще с детства, соседствовало с жаркими степями. Само собой, июльские погоды там были всё же посуше. И когда тебя донимают хворости...

Выйдя после завтрака на урез набережной, Ладейнин пожалел, что не взял плащ-палатку. Под рубашку задувало весьма ощутимо. Ветер, унесший горную мокреть, продолжал свое развеселое гуляние вдоль по ущелью, где расположилось поселение с журчащим изобилием источников. На высоких склонах качались кудрявые кроны. Поспешно обсыхали обвисло-мокрые листья. А много выше с горных поднятий снимались, уходили прочь серые в белых яблоках табуны облаков. Вот и солнце проглянуло, обещая докучливо раскалять те крыши, где тонкое железо сменило древнюю черепицу.

Городок оживал после ночного гула и грома, извилистые улочки наполнялись людьми — многоцветьем платьев и шляпок, пиджаков и жилеток. Двухэтажные по преимуществу постройки, взбирающиеся к небесам лесенкой. Есть и трехэтажные, вида вполне башенного, с металлическими шпилями и флюгерами. У реки тесно сдвинулись — неяркого, однако же теплого, каштаново-карминного колера — стены,

обращенные к центру поселения. Глубокие арки старых зданий. Новые подъезды в стиле европейского модерна, распахнутые с шиком и демонстративной зазывностью. Дома, дома...

Через неширокую речку — узкий мостовой переход. Если по дощатому настилу беспрепятственно разойтись, то лишь двум не шибко торопким пешеходам. Ну, и какой открывается вид с другого берега? Более крутой подъем в гущу островерхих построек, защищенных от сползания в быстрый поток каменными стенками? Или всё же законные тридцать градусов булыжных мостовых, преодолеть которые сможет не каждая легковушка?

Валерий стоял, смотрел. Вспоминал свою «Симку», удачливого Семакова, которому ни один придорожный трактир своими толстыми сардельками и горчицей не способен испортить настроение. Вдруг появилось ощущение — несмотря на то что завтрак опять прошел нормально — немилосердного дискомфорта, душевного неуютя. Тревога подступала, и вот она уже стоит в горле комком неожиданной судороги. Даже мускулы шеи вдруг заболели. «Прошло три дня. Что до сих пор не сделано? Я не написал письмо, — мысль возникла внезапно, и она была обжигающей, словно пролитый кипяток. — А ведь они ждут!»

Ладейнин не смог бы объяснить, почему пришло к нему, прочно утвердилось это соображение — будто именно сегодня они должны быть непременно рядом. Жена Валентина и сын Валерка. Да он ничего и не растолковывал сам себе, а просто пошagal назад. Сочинял письмо, и когда он обращался к очередному адресату, сердце наполнилось обнадеживающим предчувствием. Еще немного подождать, и тогда они, жена и сын, обязательно будут рядом. Снова и навсегда.

Затем разноголосое пение охотно проводило тебя, Валерий. Со всем своим звучным удовольствием сопровождало, с тем неперменным оркестровым инструментарием ступенек, который аккомпанировал каждому, кто со второго этажа спускался к плитам вестибюля и выходил на улицу, чтобы двигаться от сквера к скверу по заветам доброго доктора Баргушека. Миновав музыку, уже хорошо знакомую, и отправив с почты просительное послание в Москву, Ладейнин сызнова принялся осуществлять предписанный променад. И вряд ли Фиала сказал бы, что поднадзорная армейская косточка напрочь обленилась.

Чтобы вдругорядь не возвращаться с намеченного пути следования, Валерий захватил с собой плащ-палатку, свернутую в аккуратный валик на ремешке. Помимо простых вышагиваний от мосточка да к другому дощатому переходу и затем к третьему, он позволял себе переходить с берега на берег, рассматривая склоны гор. На сей раз было иное ощущение — отступило недовольство самим собой, пришло то спокойствие исполненного долга, что позволяло иметь надежду на лучшие времена.

С этой верой в будущую счастливую жизнь можно было тут ходить офицеру. Вперед и назад. По заведомой спирали, по любой кривой. Хоть беглым шагом передвигайся, хоть тихой сапой — со скоростью улитки, когда есть возможность лучше видеть борта ущелья. Оно — с природными красотами, особенностями здешнего зодчества, перемещением облаков над скальными вершинами — гостям достойный объект для рассматривания.

Ладейнин решил идти вниз, вдоль изгибов бурного потока, к площади, где располагался общественный центр города. Пусть полного умиротворения сейчас не было, а всё же дышалось посвободней. В такой же точно степени полегче, когда тебе открытую рану очистят от пыли, продезинфицируют гжучей настойкой йода, перебинтуют по мере возможности и... Психология не психология, а кое-что известно Ладейнину про то, как надо держаться, получив зазубренный осколок в качестве подарка судьбы. Коль попал в санбат — скрипи зубами, но своей дожидайся очереди. Не раз такое случалось. Так что... когда-никогда, доберется до тебя целительный нож тойлевой хирургии, что исправно старалась ставить на ноги солдат прошедшей войны.

«Фортуне образумиться не мешало бы, — шли гуськом супротивные относительно рокового наступя соображения. — А если не к спеху сударыне, надо что сделать? Посматривай, Валерий, по сторонам, словно ты ничего, кроме пустынных песков Заволжья, не видал никогда. Глазей основательно, с неуступчивым интересом и назойливым любопытством хоть на колдовские горы, хоть на лопающиеся пузыри в реке. Гони прочь приступы тоски».

Ох, какая здесь присутствовала насущная правда! Преподавательство всегда на том стояло, что учитывало нюансы. Раз ты спец в этом деле еще со времен Чукотки, возьми и сам себе объясни: размеренный образ жизни хандре — или еще говорят, сплину — вовсе не препон. Смена впечатлений как раз взбодрит, уведет от настроя, вошедшего уже в обыденную привычку. Как звенящая головная боль. Как острый желудочный спазм. Не грех от всех этих зазубренностей уйти... ходя вдоль впечатлений... ходя

поперек... Так оно и происходит. Во всяком случае, пребывание в бальнеологической лечебнице пока что не стало в тягость майору с курсов начальствующего состава. Всё правильно. Тебе, Ладейнин, есть смысл продолжать интенсивное ознакомление с местными примечательностями.

4

Слишком много ручьев вливается в горный поток, чтобы ему на выходе из поселения не расползтись, не вздуться. И не наполнить берега, что называется, всклень. Верхняя часть города заметно прохладнее той, что находится у речного расширения. Великолепное понизовье. Обилие воды сопровождается здесь по закону среднегорья роскошным богатством теплолюбивой зелени. Царственное изобилие затейливых построек. Привлекающих равнодушный взор. Удивляющих неординарностью. Обещающих повышенный комфорт. Сегодня Ладейнин тут — в нижней части курорта, где красиво и тепло. А также очень светло, потому что борта ущелья далеко отпрыгнули друг от друга.

Что было вчера? Майор поднимался ближе к вершинам скалистой гряды. И хвалил себя за то, что с недавних пор не забывает брать в дорогу плащ-палатку. Он имел возможность, завернувшись в нее, спокойно стоять, смотреть на клубы сгущающиеся туманной взвеси, наблюдать, как бессильно скользят по непромокаемой ткани капли холодного конденсата. Похваливал себя за предусмотрительность и был доволен тем обстоятельством, что ежедневные прогулки по свежему воздуху прибавили бодрой силы.

Маловато любителей сюда подниматься, чтобы с ловкостью прыгать по камням. Ладейнину удалось в числе немногих проявить молодую сноровку. Когда Томаш узнал об этом, он посоветовал не увлекаться трудными путешествиями. При этом не скрыл смешка:

— Ишь, помчался выздоравливать! Не стоит покидать нас раньше времени.

— Почему — раньше?

— Потому что бабушка надвое сказала.

— Как это — надвое?

— Можно уехать в родную воинскую часть. Можно уехать напрямик на больничную койку.

— Согласен куда пока что не покидать.

— Так оно будет лучше. Не забывайте про наши скромные, более пологие, но очень полезные пешеходные дорожки, — Томаш протянул Валерию листочек с новым направлением на процедуры.

Добравшись сегодня до нижней части городка, Ладейнин дальше не пошел. Вспомнив наставления доктора, повернул назад — иначе слишком длинным могло получиться путешествие. Шагал по набережной, размышлял, глядя на дышащие теплом струи: «Из недр планеты поднимается этот поток, не иначе. Откуда взяться талым сходам с ледников, коль в среднегорье нет Монбланов? Оттого и температурит река, что под камнями кочегарка — век за веком жарит, подбрасывает парку наверх. Матушка земля держит людей на поверхности хоть твердью, а хоть и всей целебной мощью своей. Нам, ее детям, побольше бы разума...»

Навстречу Валерию двигались по набережной... кто? Все больше недужные, слабые, в боях покатеченные, и не думать об этом больном послевоенном потоке — попробуй не думать.

По мере того, как солнце поднималось выше, парок исчезал. Его интенсивный исход уменьшался, и когда тепло июльского полдня восторжествовало над влажноватой прохладой, река в ложбине каменных складок под лучами горячего светила просияла внезапным аквамарином. Какая странная перемена декораций!

Валерий приблизился к парпету, глянул вниз, в глубину того прекрасного облака, что спустилось — упало из небесной пронзительной синевы! — в щель чешского среднегорья. Нет, полностью следы планетной кочегарки не исчезли. Там, на дне потока, перекрещивались беловатые струи минерального настоя, которому было неуютно в жарком магматическом подземелье. Которому вынь да положь вырваться мощным родником в придонье быстрой воды.

А что если сменить декорацию более кардинально? Нет нужды постоянно двигаться в строгом соответствии с проворными поворотами набережной. Можно дать себе волю и ушагать... куда? В сторону сада, обозначенного кованой декоративной решеткой. Тутюшняя раковина оркестра, тщательно выкрашенная внутри масляными белилами, празднично блестит в надежде ближе к вечеру приютить дирижера и его музыкальных соратников. Пусть себе торжественно и важно сверкает, дожидаясь звона литавр, мелодичности флейт и скрипок, но сейчас ее зазывная праздничность не представляет особого интереса.

Пешеход может бестрепетно миновать сад, выйти на параллельную улочку и, поднимаясь по ней, совершить восхождение к тем солидным зданиям, где кое-кто именно эти полуденные часы ожидает посетителей. Судя повсему, то был уже торговый пригород. Просторно, в окружении вековых дубов, стоят каменные постройки времен Франца-Иосифа. Той империи давно уже нет. Чешский писатель вместе со своими персонажами прошелся по ее просторам, посмеялся вдоволь над несуразностями правления. Кому как, а Ладейнину после знакомства с бравым солдатом Гашека стала видней имперская слабость, проявленная еще в битвах с Бонапартом, как и понятней стал неминуемый развал государства. Зато Чехия не пропала. Жива, несмотря на две мировые войны. Жизнестойкость нации сильнее искусственно созданных границ между странами, разве не так?

Наполеон, этот революционный генерал, старавшийся монархическими способами раздвинуть границы Франции, не преуспел в своих попытках. А вот республиканское устройство его страны держится крепко. Почему? Наверное, потому, что французы склонны к выгодам именно такого существования. И в меньшей степени ценят агрессивное имперское величие, порождающее лишь беспокойство соседей. Чехам тоже по душе республиканские порядки. Ныне — хоть в больших городах, хоть в здешних уютных двориках — не встретишь персоны вроде фельдкурата Отто Каца. Другие люди берут в руки оружие, когда надо защищать страну. Им удалось избавиться от всех этих величеств — государей либо феодальной, либо фюрерской закваски. И сегодня что хочется? Поприветствовать человека, не похожего на выходца из малопривлекательного прошлого.

Валерию приветливо кивают. Он и не спрашивает ни о чем, но ему раз, и снова, и за другим разом подсказывают: если надо пройти к торговой улице, то в двориках запутаешься, лучше идти по асфальтированной тропке, поднимающейся прямо к магазинам. А вообще-то направление выбрано правильно. Тут ведь все дешевле, чем в дорогом на покупки центре. Можно приобрести почти любой сувенир за полцены.

Тропка привела к началу того уличного оживления, что именуется если не площадью, то протяженной площадкой местных лавочек. Вот из-за холма вырос, встал размашисто-ширококрылый дом, вонзая в дорожную брусчатку арки нижнего этажа. Верх неприметно серый, не отличающийся ни высотой, ни архитектурными украшениями. Состоял он, видимо, сплошь из не очень взыскательных жилых помещений. Но арки — нет, были достойно выложены белым кирпичом, призванным привлечь внимание прохожих и убедить их в устойчивой основательности здешней торговли.

Они тянулись от края до края здания, и каждая была изрядно массивной, тенисто глубокой, и каждая имела в конце каменного углубления неизменную дубовую дверь с широкими медными полосами упрочнения. Дескать, есть что оберегать, поскольку имеется изобилие всяческого товара. А если кому взбредет на ум безденежно, воровски здесь попользоваться, то нечего и пытаться — фирма достопамятно крепкая, надежная во всех отношениях, включая продуманную охрану ассортимента, что необходим для удовлетворения спроса.

Валерий постоял, помозговал, решил: эти медные толстые полосы, укрепляющие подбор дубовых плах, всё же намекают, что хозяева могут и поскинуться насчет снижения цен. Есть резон продолжить движение вдоль серпантина торговых заведений, поскольку закон рынка что говорит? Дальше в лес — больше дров, и пусть там вырастают березовые полешки, зато по мере продвижения вдаль будет возможность заполучить щедрые скидки на сувениры.

Вот тебе, майор, и новое широко размахнувшееся — не сказать, что нисколько не эклектичное — строение. Разнокалиберность стилей выдает определенную стеснительность в средствах у торговцев окраины. Сие обстоятельство обещает удовлетворение взаимного интереса. Требовательные покупатели получают желанное снижение стоимостных показателей, хозяева лавок с охотой избавляются от залежей в кладовках. Эклектичность в чем выражается? На втором этаже окна разной высоты. Вначале это вызывает недоумение, потом приходит понимание: жизнь сложна, и сложность людских отношений может иллюстрироваться даже вот такой неординарностью пропорций.

С каким шибко мерительным инструментом тут подходить, не враз догадаешься. Разностильность очевидна, и первая причина — теснота, скалы ужимали строителей, когда те лепили вплотную пристройку за пристройкой. Когда дружно теснились хозяева четырех частей дома, желая при всем том сохранить свои архитектурные привязанности и цветовые предпочтения. Не иначе, денежные средства также диктовали свои условия.

Теперь одна часть длинного дома кошенильно-розовая, словно сотворенная из древнего туфа армянского нагорья. Для другой почему-то больше подошел

аристократический беломраморный оттенок, многословно говорящий о каррарских каменоломнях Италии. Третья будто в назидание кому предпочла прочную, не поддающуюся никаким дождям, густейшую охру. Какова четвертая? Естественно соседское предпочтение отвергла и с жарким пылом украсила деревянный верх каким-то блестящим лаком шоколадного отлива.

Ишь ты, а ведь тут не только фасады, но и крыши на отличку особые! Та, которая с левого края, настолько замысловатая, что и на ум не приходит дать ей однозначное определение. Если только приметить многозначительные детали во всех подробностях. Середина вызывающе острая, однако же не похожа на игольчатый шпиль, которому подавай непременно флюгер. Боковые спуски широки и настолько отодвинуты отлогие — будто склоны объемистой горы. Пряма-таки не крыша, а неимоверно большая наполеоновская треуголка. Здесь увидишь намек на некую величавость, на бонапартистскую победительность. Недаром не так далеко отсюда, за горными вершинами, найдешь тот Аустерлиц, где знаменитый полководец в свое время выиграл сражение.

Если же неравнодушному наблюдателю пройти с десятков метров по направлению к той части дома, что завершает весь пристроечно прихотливый порядок, ему представится возможность оценить иные удивительности. Белый мрамор укрывается так привольно — словно птица распахнула крылья, готовясь улететь. Но отойди чуть далее, и уже это — будто огромная буква, называемая англичанами «дабл ю», размахнулась невозбранно.

Кошениль оказывается под плоским скатом темно-зеленой масти с большими часами на пилоне. Небось, они еще и музыку играют?! Что ни говори, крыши одна другой интересней. Все они вместе... возьми и сравни... с чем? Хотя бы с чешской народной песней. Ладейнину доводилось не единожды слушать исполнение, когда мажорная мелодия и сдержанно строгая, и радостно игровая одновременно, а песенники по ходу своего яркого действия не забывают приплясывать в такт.

Дойдя почти до конца торговой площадки, послушно изгибающейся по воле близких каменных склонов, он очнулся, вспомнил о памятной покупке. Зашел в лавочку, где на полках стояли изделия из художественного стекла. Поделки манили разноцветной выразительностью форм, причудливой неповторимостью, и были они притом не очень дорогими. Не ошибся Валерий, заглянув на окраинный торжок.

Мартину встретить не ожидал. Но раз свиделся — здравствуй, недавняя сопровождающая! Имено честь доложить: сюда нашел дорожку самолитно. И кажется, не приходится жалеть, что забрел в магазинные ряды. Блажекова представила ему пожилую женщину с аккуратной прической седых волос.

— Моя тетя... Маржена.

— Для пана майора пани Плицкова, — уточнила та.

Ее медальон, как ни суди, несколько великоват, а золотой блеск цепочки слишком обилен, чтобы Валерию не обратить на него внимание. Заметив настороженность во взгляде офицера, юная особа с деланным любопытством уставилась на полки с их радужным спектром. Однако в лице мелькнула усмешливость, и Ладейнин ее заметил. Поведение девушки позволяло сделать вывод: висевшая на шее родственницы и бывшая довольно длинной цепочка представляла собой разновидность дешевого золота. Что ж, хочется пожилым женщинам украшать себя подобным образом, ну и ладно. Хотя обычному преподавателю с курсов начальствующего состава острый золотой блеск, говорящий о каких-то особых претензиях, способен лишь резать глаза — не более того.

Если проявилась в разговоре неловкость, не время ли пошутить? Майор вежливо улыбнулся:

— Валерий Ладейнин старательно поправляется на вашем курорте.

— Правильно делает. Усердному офицеру позволено теперь звать меня пани Маржена.

— Слушаюсь.

Плицкова усмехнулась было, но тут же пристально — даже с укоризной — посмотрела на племянницу. Потом перевела внимательный взгляд на майора. Ее маленький сухонький носик важно приподнялся:

— Да-да. У нас принято называть женщин «пани». Прошу учесть. И пожалуйста, не делайте из этого обстоятельства далеко идущих выводов. Тем более что я достаточно стара.

Валерий сообразил, что наступил тот деликатный момент, когда не мешало бы поддержать пожилую женщину в ее возрастных печалях. Он с выражением несогласия на лице покачал головой, раскрыл рот, чтобы закатить речь по всем правилам дипломатического этикета... Пани Маржена не стала выслушивать его из уст рвущиеся вежливости:

— Не спорьте. Я стара как раз настолько, чтобы не менять своих привычек. Хочу заметить, эта противная девчонка целиком на вашей стороне. Требую не обращать на нее внимания. Она в вас... как это говорится?... втюрилась.

Ладейнину вспомнилось, как пламенели тюльпаны Семакова. «Неужели у меня сейчас уши ровно такие, что были у ефрейтора?!» Плицкова оставила в стороне свои суровости, засмеялась:

— Однако можете погулять с ней по городу. Пусть серьезный пан офицер получит хорошего — без всяких недоразумений — гида.

5

После ужина обитатели санаторной палаты ушли, чтобы внизу поиграть в домино либо во что еще — там в помещении рядом со столовой был клуб не клуб, но точно находилась комната для отдыха. С радиоприемником, настольными играми и прочими аксессуарами непьющего времяпрепровождения. Составить компанию соседям с их каждодневными шахматами и шашками Валерий не пожелал. Перебрал вещички в тумбочке, разложив их по ящикам, что называется, поосновательней, с прицелом на долговременное здесь пребывание. Потом расположился возле окна, за которым неотступно истощался, мерк дневной свет и сгущались быстро наступающие в среднегорье сумерки.

Раскрыл томик Короленко на закладке в форме очень плоского, податливо-гибкого деревянного кинжалчика, некогда купленного в заведении канцтоваров неподалеку от общежития офицеров. Начал перелистывать мягкие, довольно иногда истрепанные страницы. Они были тронуты желтизной, какой-то сероватой патиной, имелись, помимо прочего, следы проливных дождей и копоты. Книга, судя по всему, знала многое о лихолетье. Неизвестно только, по каким дорогам шла на запад и сколько хозяев сменила за годы войны.

Глаза неспешно скользили по строчкам. Этот рассказ? Недавно читал. И второй, и третий... Скоро прервется знакомство с писателем. Поскольку закончится долгая череда страниц, знавших о жизни то, что говорили ровные строчки, а также то, что имелось на рваных кое-где полях. Тебе, Ладейнин, не годится бесечно перелистывать все эти давние истории, есть о чем подумать... Нет, что-то сегодня читательскому пристальному вниманию мешает, трудно сосредоточиться. Рассеянно сунул фигурную кинжальную пластинку в середину томика. Пусть полежит книга в верхнем ящике тумбочки.

Вернулся на прежнее место, стал смотреть на уличные фонари, на быстро пустеющую набережную с мостками, над которыми в вышине постепенно проступали карнавальные блески звезд. Весело было ходить по городу с Мартиной? Скорее скучно, потому что не представлял совершенно, о чем с ней разговаривать. И уж тем более не имел желания нравиться ей, развлекаая рассказами о своем прошлом.

Она тоже не навязывалась с оживленной беседой, непрестанные обязанности гида с его профессиональным всезнайством, вероятно, были ей в тягость. Скромно поглядывая себе под ноги, Блажекова шла рядом, помалкивала, и ее почему-то вполне устраивало подобное тихое шествие. Во всяком случае, не просилась домой, поближе к тете Маржене, а Ладейнину было неудобно отсылать юную особу восвояси. Это могло выглядеть так, будто он банально, ворчливо, с неудовлетворенной спесью прогоняет сопровождающую.

Карнавальная атмосфера если и наблюдалась, то скорее в городском саду, куда майор заглядывать не хотел и где время от времени взрывались литавры, заглушая мелодию скрипок и валторн, этих не очень громких французских рожков. Очутился Валерий в обществе Мартины целиком и полностью для себя — если можно выразиться — по обстоятельствам оглушительным. «Ведь не собирался расхаживать по улицам в чьем-либо сопровождении. И тогда выходит... по существу, прогуливал племянницу Плицковой. Пряма-таки новое коридорное приключение. Как же дело случилось?»

Пока тетушка выдавала на-гора свою безапелляционную речь, получал именно такое удовольствие — то краснел, то бледнел. Сие факт, от которого не убежать. Потом он решил представить всё как не очень серьезный обмен репликами, принялся смеяться:

— Пани Маржена! Вы удивительная женщина. Позвольте немедленно в том признаться.

— Мне известно, в чем знаю толк.

— Полагаю, что...

— Знаю, что полагает пан майор и что — Мартина. Не увлекайтесь прогулкой. Ясно? И до свидания, молодые люди, — строгая родственница девушки повернулась,

вышла из лавки.

Надо честно признаться, последующее неспешное продвижение туда-сюда не впечатлило Валерия, и вряд ли оно стало запоминающимся для гида Блажековой. Но перед тем как сопровождающей оставить офицера в покое, был обмен репликами. Не отличались они оживленной веселостью, а если чем запомнились, то пробуждением тревоги, которая принялась по-тихому скрестить сердце. Она, кажется, потихоньку увеличивается. Да, теперь уже совершенно ясно — она растет, обещая свой погибельный, проклятый стеклянный перезвон. Не остановить ее. Ничего не поделать с невидимым, неуловимым наступом, которому нет конца, хотя уже и день кончается, и в коридоре слышны шаги возвращающихся от всех этих здешних шахмат и домино.

Помнится, разговор случился в центре города. Валерий и Мартина шли вдоль реки. Той самой, что стремительно, пенисто неслась вниз. В более просторную зеленую долину, к более широкому потоку по имени Огрже, который нес свои бодрые воды в Лабу, чтобы дойти до Балтийского моря уже немецкой Эльбой. Полдень с его жарким солнцем клонился, уходил в сторону горных вершин — становилось прохладней возле целебных источников. Однако это небо... Оно всё еще ярко голубело, небо Центральной Европы, тянулось ввысь и было чистое, словно глаза ребенка.

— Можете узнать точно, что случилось с вашей семьей? — спросила Мартина. — Скажите честно.

— Узнать? Если сказать, что усердно стараюсь, — не сказать ничего. Все пропали без вести. Догадываюсь: жена и сын погибли при бомбежке поезда несколько лет назад.

...Не было известно Ладейнину, что приключилось на железной дороге. А подошли события безвыходно отчаянные. Валентина Осиповна Ладейнина сидела в пыльном и темном вагоне, построенном еще при царском режиме, если судить по императорскому вензелю. Горделивое в своей золотой значимости хозяйское указание когда-то пытались закрасить, но очертания угадывались. Стелились по земле рваные клочки паровозного дыма. Сильно трясло на рельсовых стыках. Неумолчно скрипело под полом и внутри стен, что разошлись по давности лет. Этот ветхий дом на колесах не устал раскачиваться.

Лучи предзакатного солнца плохо, с видимой натугой проходили внутрь, к пассажирам, в проход между лавками для сиденья. В рамные щели разболтанного — в разводах липучей гари — окна сифонило. Встречный ветер задувал весьма настойчиво, хотя поезд продвигался вовсе не очень быстро. Машинист не пытался поспешать, поскольку ведал: чиненный-перечиненный перед ним стальной путь. Кочегар с тоской глядел на придорожный, еледвигающийся пейзаж. Не то чтобы опоздания боялся, однако энергичному молодому человеку на быстром транспорте как раз любя скорость. Тащиться, ровно ты улитка с рожками — всегда в укор, пусть он тебе и дельный. Не выдержал, поинтересовался:

— А может, нам?..

— Тогда как бы не было нам... — хмуро ответил старший паровозник.

О чем тут спорить, коль всё движение под угрозой? Не о чем. Оба замолчали.

Локомотив, приобретенный страной почти полвека назад в Швеции и ныне явно просивший отдыха в депо, дышал на ладан, надсадно пытел. Он тащил цепочку разнокалиберных вагонов, что не раз видали налеты самолетов с фашистскими крестами. Продвигался неторопко? Так, пожалуй, и к лучшему. Ямы, оставшиеся после бомбежек, регулярно получали подсыпку, а всё ж таки шпалы, познакомившись с неоднократным авральным ремонтом, исправно проседали. Здесь, паровозники, гляди в оба.

Редкие макушки елок, увешанных седыми космами ползучих мхов, то подходили к полотну, то отскакивали от него. Сухие веретя, сосновые холмистые поднятия, чередовались с влажными низинами, с мокрыми ольхово-осиновыми логами. Нет конца зазаконному движению бугров, деревьев, обширных луж. Нескончаемо длинна дорога. Протянулась она от сизых облачных северов к малиновой дымной дали российского юга.

Валерка, младший Ладейнин, дремал в полном соответствии с теми нечеткими, загадочно расплывчатыми сновидениями, что навевались негромким перестуком колес. Иногда что-то мычал, на секунду вскидывая голову и дергал плечами. Потом вновь проваливался в потусторонний мир, где наблюдались беспокоящие парнишку моменты, не вполне мирного характера.

Валентина — вздох за вздохом — слепо, отрешенно провожала взглядом лесистые холмы, клубы пролетающего совсем рядом дыма, стараясь уйти от навязчиво бесконечных дум. Те, жутко настойчивые, снова и снова подплывали взволнованным скопом: «Пройдет полдня, и подъедем к Москве. Никто нас не встречает. Остался ли в

городе кто-нибудь из прежних знакомых? Найду ли работу на мельничном комбинате, где в завком должны помнить меня по довоенным временам?» Было о чем подумать, раз ей и Валерке нужно жилье, а комнаты она лишилась, уехав на Север, когда немцы подошли к столице.

В паровых цилиндрах локомотива с насадой, гулом и содроганием ходили старенькие поршни. Колеса, послушные мощным железным шатунам, упрямо подминали проседающие, неустойчивые рельсовые километры. Пока всё было относительно спокойно, однако машиниста беспокоили буксы ветхих вагонов. Кто сказал, что в каждой из них достаточно смазки? Насчет этого знай не зевай!

По нынешним временам север не главное, вишь, направление. Если на больших магистралях не хватает составителей, стрелочников, обходчиков, то боковые ветки в смысле толковых кадров на таком тощем пайке, что... Прямо беда! Того и жди машинисту, загорится по недосмотру войлок в какой-нибудь буксе.

Высунулся из будки паровоза, чтобы просмотреть всю дугу тяжелого состава. На изгибе железной дороги не помешает удостовериться насчет поездного порядка. Далеко на западе, над черным у далекого горизонта лесом заметил несколько темных точек, не похожих на тучи. То могла быть одна-другая стайка горластых серых ворон, известных в северных российских краях. Но и вражеские самолеты не исключались.

— Вот что, — обернулся к кочегару. — Пошуруй в топке. Когда чего, нам нужен сильный жар. Чтоб скорость быстро набрать. Мало ли, какие там летят гости, — тот с готовностью добавил угля в топку. Котел задышал сильней. Его стенки, а также дымогарные и жаровые трубы раскалились. Давление пара подскочило слишком резко. — Стравливай теперь, — был обеспокоенный крик старшему паровознику, — а то как бы...

— Сам знаю, — с мрачным видом ответил машинист. — Держу максимум.

Дыму за окошком было не больше, чем прежде, вагон раскачивался не сильнее, чем обычно, и Валентина без помех дозволялось предаваться своим неотвязным размышлениям: «В последнем письме с передовой муж писал о Рокоссовском. Тот уже не одному офицеру помог с устройством семьи, потерявшей жилье. Хорошо, что командующий всегда готов организовать послание с фронта в райсовет. Чтобы там позаботились о женах и детях фронтовиков».

Резон имелся — понадеяться на поддержку больших командиров. Однако же беспокойство не утишивалось, а возбужденно взвинчивалось, росло, будто воспаленная боль: «О тех, кто возвращался из эвакуации, могут подумать в Москве. И как долго ждать помощи, в случае чего? Пока офицер Ладейнин обратится к Рокоссовскому, пока дойдет просьба до столицы, немало пролетит дней. Где тогда жить? Может, зря поехали в Москву, не списавшись предварительно с дирекцией мелькомбината?»

Думы шли взбудораженной чередой. Они были невоспрещенно близкие к взволнованному сердцу, от них можно было сойти с ума, если б не успокаивающий стук колес и размеренный скрип рассохшихся от времени вагонных переборок, гворящий... Скрип этот напоминал пение запечных сверчков. Если о чем и говорил, то лишь о домашнем уюте, нешумном и очень теплом. Ни о чем более.

«Надо успокоиться, — твердила себе Валентина. — Пусть будет, что будет. Несколько дней поначалу проведем на вокзале. А там видно станет. С чего сейчас-то паниковать?»

Невидяще глядела на придорожные бугры. Не заметила, как выскочили из-за высоких сосен на холме самолеты, подсвеченные предзакатным шафраном. Они пролетели так низко, что задребезжала стекла в слабых рамах. Пассажиры в испуге отшатнулись поближе к проходу между лавками. Хищная стая удостоверилась: отсутствовали платформы с пушками и танками. Эшелон был непривлекательным в военном отношении — мирным и скучным. Бомбить беззащитный малоскоростной состав неинтересно. Но других — более достойных для асов Геринга — поблизости не наблюдалось, и поэтому... Почему бы не поразвлечься?

Стая заложила обратный вираж. У паровозников появление нагруженных боезапасом гостей не вызвало удивления. Линия фронта, пусть отодвинутая на запад, была фактором скорее близким, чем приверженно далеким и до странности незнакомым. Машинист, приподняв нижнюю губу, пожевал усы, сильно приспущенные вниз. Задумчиво поспе. Повернул к кочегару лицо в оспинах угольной крошки. Вдохнул:

— Значится, так. Что бы сейчас ни происходило, твое дело давать жар. Когда тут прицельное бомбометание, нет времени указания тебе давать. Понял?

Дернувшись, локомотив запыхтел громче, стал чаще выпускать клубы дыма. Убыстрил ход, ровно обрел вдруг молодую резвую силу. Самолеты, идущие в атаку после боевого разворота, сбрасывать свой груз не стали, поскольку летчики не ожидали столь большой прыти от паровозников. Состав споро убегал, хотя прежде

телепался еле-еле. Да и немного толку налетать на поезд сбоку. Солидная часть бомб окажется по обоим сторонам железки, а вагоны могут и не получить подарка. Если уж атаковать, то — вдогон составу. Это куда выгоднее. Полотну умчаться никуда нельзя, и остается ему вместе с локомотивом принимать удары беспрекословно.

Валентина с удивлением обнаружила: вагон мотало из стороны в сторону, словно тряпочку на ветру. Под сиденьем заелозил, застучал по фанерной переборке ее каргопольский, приличных размеров чемодан. Она всмотрелась в небо, увидела, как немецкие самолеты пошли на север. То, конечно, к лучшему. Пусть они улетают, но ведь им ничего не стоит потом развернуться и зайти со своими бомбами в хвост поезду, верно?

Локомотив резко, будто по неосторожности споткнувшись на ровном месте, сбросил ход. Теперь вагоны двигались полусонно, теряя даром время, с черепашьей скоростью. Им ехать до Москвы таким макаром — за неделю не добраться. Колеса уже не стучали на стыках. Они крутились тихо, с нелогичной деликатностью и пощелкивали, будто возле черных смоляных шпал кто-то колот сахар. Щипчиками. Длая чая вприкуску.

Кочегар у паровозного котла в сердцах отшвырнул лопату, закричал машинисту:

— Мишенью станем!

— Неподвижной? — усмехнулся тот. — Зачем лопату бросил? Делай свое дело, стрелок по мишеням.

6

В палате было сумеречно, ночь подошла к перевалу — к тому позднему часу, когда небу пристало наливать мягкой серой поволокой предрассветного утра. Соседи майора, возбужденные доминошным азартом, долго обсуждали, после того как пришли, свои дела. Война кончилась, армия начала ужиматься, пожилым офицерам, служившим еще со времен гражданской и не имевшим полноценного академического образования, светила демобилизация. Они понимали, что процесс обновления кадров набирает силу. Будет уход в запас или кардинальная отставка по причине болезни, враз не догадаться. Вопрос вопросов — куда ехать в случае чего.

Потом их сморил сон, а к Ладейнину дрема никак не могла пристроиться. Он уж и так, и сяк ворочался под теплым шерстяным одеялом, подманивая задичавшее целительное забытие, однако же строптиво отскакивало оно, моргай тут или не моргай. Три зудящие веки, не три — пугливым оленем шарахалось желанное забвение куда подале. Ладейнину оставалось опять и опять глядеть из своего угла, как ночные знаки проступали над городком по мере сгущения закатного амаранта. Как черный цвет неба — поистине вороньего глаза цвет — в замедленной поспешности проявлял одно мерцающее созвездие за другим. Когда рассыпь далеких блесков стала тускнеть, он встал, потихоньку оделся. Вышел в коридор, где был замечательный зал с целенаправленно цветистыми полотенчиками. Он стоял возле них, реально ощущая их добрую лекарскую силу.

Владимирские воспоминания: калитка с планками, вытесанными хозяином дома, небось, в начале века; раскидистые вишни, выросшие по обе стороны дорожки, что вела к крылечку; полутемный мост, а по-простому помещение без окон, из которого был ход в большую комнату; широкая, присадистая русская печь, где поутру всегда трещали березовые полешки, хоть тебе зима на дворе, хоть лето; горница с тремя светлыми окнами в ряд, и возле срединного оконного проема — зеленый фикус в кадке, этажерка с книгами, просторный стол, где Валя по обыкновению выполняла школьные задания; надо тебе увидеть будущую жену — открывай калитку, шагай мимо вишен, поднимайся на мост, входи в большую комнату, не задерживайся возле печи, пахнувшей всяческими угощениями, не усаживайся под полотенчиками в красном углу, а поспешай в горницу, чтобы обрадовать своим приездом девушку — все они, радостные моменты, не тускнели, не спешили покинуть память, неотступно вставали перед майором. Если не въявь, то будто реальные, только что сотворенные жизнью.

Из горницы открывался вид не в улицу с ее невысокими деревянными постройками, а — в окраинный лог с пологими склонами, где срединно вилась тропка и паслись поодаль, на сосновой гриве, коровы тех жителей города, что по деревенской привычке держали в хозяйстве всяческую живность. Благо автобусный городской шум присутствовал за два квартала от непритязательного пастбища и не мешал буренкам поедать луговую овсяницу посреди сквозной рощицы.

Жена в родительском доме была поздним ребенком, ныне отец и мать покойно лежали на окраинном кладбище, уйдя из жизни вскоре после отъезда Валентины в столицу. Казалось бы, нет причины вспоминать пологие луговины с медлительными животными, тропку, по которой возвращались от кормилиц одна за другой хозяйки с молочными ведерками. Но ведь там были также и просвеченная солнцем горница,

и фотографии на стене, где маленькая девочка потихоньку подрастала в спокойном семейном кругу. И счастливые глаза Валентины, увидевшей гостя, который добрался до города раньше, чем пришло чукотское извещение о скором приезде.

Не пора ли уходить из вишенника? Закрыть за собой калитку, шагать по окраинной улочке с ее кудрявой травой-муравой?

Где-то неподалеку железная дорога раз и другой раз лязгает по милости усердных сцепщиков. То внезапно оглушительно гроыхнет магистральный локомотив, то сиплым подголоском ответит поодаль маневровый паровозик. Открыты движенческие направления хоть в какую дальнюю сторонку, но зовет дорога именно что в Москву. И вот уже разматываются километры долгого на запад путешествия — перемещения во времени и пространстве непростого, наполненного пороховой гарью, и дано тебе, Ладейнин, очнуться от перипетий жизни с ее удачами и фатальным невезением как раз возле полотенчиков, вышитых Марженой Плицковой.

Решительный поворот через левое плечо. Марш, марш вперед! К своей комнате! Мимо закрытых, напроць сонных дверей, под которыми при всем желании не разглядеть ни единой светлой щелочки. Идти, не останавливаться, не отвлекаться. Потому что не все еще сегодняшние дела сделаны.

Матовые плафоны потолка в перспективе заметно тускнеют. Электрические лампочки светят, кажется, вполне. Стены пониже видятся сдвинутыми. Паркет — особенно в углах — потерял свой нарядный блеск, наполнившись безразличной тишиной и дремотными серыми тенями. Полутемный коридор насыщен теплой влажностью. Запах вымытых с вечера гранитных плит первого этажа неспешными волнами распространяется от первой лестницы с ее лакированным совершенством ко второй, черной, соседствующей с древней известкой подвальных помещений.

Ночная прогулка закончена. Вот и палата, где ждет Ладейнина кровать отдохновения. Под одеяло! И провалиться в усталый сон. Важное дело — поспать хотя бы пару часов до всеобщего утреннего подъема. Потому что ходить потом весь день квелым — это не дело.

Лишь закрыл глаза, как распахнулась, открылась бездна с мутными пятнами мерцающих созвездий, и там, вдали, бешеная колесница Фазтона помчалась наискосок по Млечному пути. Потом галактическая протяженность начала укрупняться, словно очутилась вдруг в фокусе полевого артиллерийского бинокля. Среди колючих веток держи-дерева пролегла булыжная мостовая, и пришло понимание, что сфокусирован не просто каменный проселок — как раз хорошо продуманная, наполненная целесообразными гранитными валунами Аппиева дорога, ведущая из Великого Рима в примечательно верхние широты.

А что на севере? У верхнего края горизонта, разбрасывая искры, отчаянно рвет пространство уже не колесница Фазтона — гудит, пускает пар, дымогарит, всюю работает паровоз. Он мощно, сосредоточенно грохочет своим железным кривошипно-шатунным механизмом. Локомотив из дальних северов пытается увести вагонный состав на спасительный юг. Туда, где крепко стоит Москва. Надежный город сплоченного народа.

...Валентина глядела в небо неотрывно. Гадала: появятся вновь самолеты, уйдут в поисках более подходящей добычи? Когда поезд чуть повернул перед полустанком, увидела преследователей возле облака и маленькие капельки, что черным бисером посыпались из-под крыльев.

— Бомбы! — ахнула она. Вскочила, заметалась, закричала сыну: — Валерка! Просыпайся! Вставай!

7

Расписание лечебных процедур было таково, что большая их часть приходилась на дообеденное время. Во второй половине дня, если кому и назначались, то лишь физиотерапевтические, от которых Томаш освободил майора.

— Вам достаточно прогулок.

Ладейнину оставалось без лишних разговоров согласиться, взять под козырек. И продолжать свои хождения. Сегодня отправился было на улицу, однако, постояв у входной двери, понаблюдав за котом, который крутился поблизости, решил вернуться. Накопилась за последние дни усталость в ногах. Пусть она была скорее приятной, чем болезненной, всё же захотелось отдохнуть, коль город уже исхожен вдоль и поперек.

Посидеть в уютном кресле? Полистать недочитанную книгу? Неплохой вариант. Только вот вникать в переживания литературных героев... Со своими бы разобраться. Ясное дело, организм приободрился, аппетит вырос, и трактирная горчица стала приходить на ум вовсе не для того, чтобы от нее шарахаться. Давай, Семаков, действуй! Скоро и майор будет рад составить тебе компанию за столом с горячими шпикачками.

А если придет с Родины ответ: нашлись Валентина и сын... Скорей бы! Вдохнул, прикрыл за собой тяжелую дверь.

Как войдешь в лечебницу — слева конторка дежурного. Немного подале за углом, справа на стене — большая карта Европы, изображающая мягкими возвышенностями папье-маше что? Бархатисто шоколадные горные поднятия. По соседству увидишь нагорья цвета золотистого кофе. Впрочем, хватает интенсивного оттенка красного дерева и холмистых понижений, залитых густым настоем бежевой краски, словно мастер вдохновился какао-напитком с изрядной долей молока.

После обеда, где горьким черным шоколадом тебя не балуют, а продолжают лечение кисловатым витаминным настоем, почему бы не посидеть на диванчике возле шикарного изображения? Поводишь глазами по тропической палитре настенного сооружения — припомнишь не только сладкую горчицу. Авось, вновь приятней станет аромат растертых какао-бобов. Жареных зерен кофе. На Чукотке тропиками не пахло. В Москве — иной коленкор. Да хоть и в некоторых городах не до конца разбомбленной Европы тоже...

Нынче Валерию знаком даже тончайший запах твердой, будто вольфрамовый сплав, тропической древесины. Мебель, сотворенную из красного дерева, приходилось встречать, когда войска изгоняли гитлеровцев из старинных замков. Но вот подобной — впечатляюще объемной и в подробностях роскошной — карты до сих пор не доводилось видеть нигде. Не похоже, что она осталась тут после фашистов: надписей немного, однако все они выведены с использованием орфографии чешского языка, о котором вряд ли заботились солдаты вермахта.

— Нравится карта? — спросила Маржена Плицкова, вставая из-за конторки. Тетя Мартины здесь кого-то с утра подменяла, поскольку ходила в заслуженных, исполненно честных ветеранах.

— Впечатляет, — ответил Ладейнин хлопотливой пожилой женщине.

— Говорят, она осталась после мастеров, которые оформляли интерьер здания еще до войны. В гостиницах и заведениях курорта любили подчеркнуть европейскую значимость городка.

— Международный центр бальнеологии?

— Пусть не центр. Просто особая слава, — Плицкова, подойдя к майору, постояла, поглядела вместе с ним на каштановую — с небольшой прозеленью — Чехословакию, где четко выделялись Татры, Хебские и Рудные горы. Вернулась на свое прежнее место и, делая какую-то запись в журнале дежурств, вдруг поинтересовалась: — Пан майор, наверное, приехал вначале в Прагу? Из своих храбрых войск. А потом уже появился в нашем городке? Да, везде знают: у нас можно хорошо подлечиться.

— Вам нужны мои маршруты передвижения по стране? — Ладейнин не скрыл, что ему не понравилась высказанная только что дотошливость. В голосе прозвучала нотка подозрительности. Заслуженный человек Плицкова, а вот почему-то не понимает послевоенную ситуацию, ставит гостя в позицию неудовольствия и сопротивления, когда на вопрос приходится отвечать вопросом. Та прекратила свои записи. Засмеялась, собрав двумя лукавыми веерами неглубокие, своевольные морщинки чуть ниже беловатых висков:

— Понимаю дисциплинированного пана офицера. Но ведь у меня что имелось в виду? Сколько железных дорог подходит к Праге! Здесь на карте они все отмечены. Множество гостей снова поехало к нам со всех сторон. Когда подлечиться, как не в наши дни, в мирное время? Вот что имела в виду болтливая старуха.

— Вы не слышали моих слов насчет... — Валерий нахмурился, подыскивая такие выражения, чтобы тетка Блажековой прекратила свои домыслы. У него и мысли не было о болтливых особах. Чрезмерно преклонного возраста.

— Договорились. Сейчас я уйду. Придет Мартина. Если пожелаете узнать побольше о наших железных дорогах, у нее спрашивайте. Не стесняйтесь, секретов нет, — Плицкова склонила голову над записью в журнале. Голос прозвучал строго, однако слишком медленно сходила улыбка с губ, по-старчески тонких, давно уже лишенных цветущей яркости.

«Нет, она вряд ли рассержена. Ясны ей резоны военнослужащего, — подумалось Ладейнину. — Однако не будет у меня желания беседовать с Мартиной о чешских железных дорогах». Он удрученно молчал. Эх, кто б сказал о том, что случилось с поездом!

...Локомотив по-прежнему не старался выявлять всю свою тяговую силу. Размерно, не проявляя усердия, без нарастания толкательной ретивости, крутились мощные обода колес. Кочегар глянул в небо, с обремененной тоской произнес:

— Вернулись фашисты. Два самолета.

— Высоко идут? — спросил машинист.

— Под облаками они. Мы для них удобная цель. Одно удовольствие, не снижаясь, неспешно, с прохладцей кидать бомбы. Коль почти на месте стоим, — у парня даже губы задрожали от обиды.

— Правильно соображаешь. Пусть себе спокойно сбрасывают груз. С высоты.

— Гляжу, почали сбрасывать. С-под облака.

— Даем полный ход!

Разгоняясь, с грохотом и визгом быстрого железа по железу, колеса в облаках пара потащили вагоны мимо полустанка, все скорей и скорей. Пар и дым смешались в жуткой круговерти. Отчаянный порыв вперед, в полевую спрямленную рельсовую даль, если что и показал вражеским летчикам, то удачливость маневра. Опытный машинист вовсе не полагал, что состав напрочь беззащитен. Можно действовать на разных скоростях. Можно!

Смертоносный груз самолеты положили на рельсы. Как раз позади последнего вагона. Он сумел уйти от прямого попадания, хотя осколки все же сильно посекали убегающий тамбур. Кочегар повеселел, почтительно известил старшего паровозника:

— Ловко вышло. Мастерски! Не мешает запомнить. Веришь, стану когда на твое место, в случае чего, тоже...

— Нормально получилось, — отмахнулся машинист, которому пиетет младшего товарища душу не грел. Никким образом. Поскольку неясно было, что самолеты предпримут в следующую минуту.

Он хотел понаблюдать, как ведут себя прилипчиво упористые бомбовозы. Следил за ответным маневром летчиков. Если они сбросили весь груз, то пойдут восвояси, за линию фронта, на свой аэродром, чтобы пополнить боезапас. Иная картина обозначится, когда пожелают сделать круг, вернуться и завершить атаку более удачно. Тогда — держись тут!

Победное возбуждение кочегара не проходило. Он позабыл о своей лопате, о топке, об антраците, призванном давать обильный жар. Побывать на волосок от взрывной беды, от возможной смерти, и проворно ускользнуть от курносой бестии — такого он в своей молодой жизни еще не испытывал. Твердил взахлеб:

— Мне поначалу было невдомек, куда клонишь. Учинить так, чтоб летчики не сумели к нам приноровиться... Одним словом, уважаю. Всем расскажу...

— Всем, — проворчал машинист, недовольно покрутив головой. — Расскажет он. А здесь, вишь, новый круг свершают. Тебе говорили, чтоб шуровал способней. Вот и давай...

8

Поздний, тихий вечер, пахнущий рано созревающими сливами. Портьеры, тяжело свисающие до самого пола, старательно задернуты. Сбоку торчит половинка открытой фрамуги. Сдвоенный занавес — похожий на театральный — кармазинно роскошен, чин по чину плотен. Не видать ни глобусно-круглых фонарей на улице, ни остро-серебристых рогов месяца. Время от времени моргает грушевидная лампа на потолке, где все — даже мельчайшие — трещинки замазаны густым алебастром.

Не сказать, что в клубе лечебницы людно. Но соседи Ладейнина, пожилые танкисты в полковничьих званиях, они — здесь. И по всей видимости, им отправляться на боковую, как всегда, не к спеху. Ладейнин расположился в кожаном кресле комнаты отдыха. Задумчиво поглядывает вверх. Уже около часа где-то в переулках квартала идет ремонт электрический сети. Как бы сегодня без света не остаться. Уютному городку прошедшая война саркастически подарила не один лишь раненый водопровод. Хватает также неизменно отяжеляющих забот по причине изношенного оборудования энергоподстанции.

Ладно, пока всеохватно не пропало освещение, можно посидеть, полистать книгу. Жизнь слепого музыканта, которую описывает Короленко, далека от реалий курортной действительности. Если только... человеческие несчастья... они тут присутствуют въяве, поэтому... острее восприятие читателя. Разве не так?

Клубные завсегдатаи играют в шашки, не обращая внимания на потолочную игру теней. Все же им приходится прерваться — неверный свет, словно рассердившись на обесточенные шины трансформатора, исчез кардинально, с каким-то яростным треском патрона в лампе. Тьма стусилась настолько основательно, что кое-кому стало невтерпёж выразиться:

— Отправляют под звездное светлое небо! — усмешливо сообщает прокуренный басок.

— Можно и там продолжить сражение! — отвечает, хохотнув, баритон. — Коль давно не брали в руки шашек!

Гремят ножки стульев — отодвигаются прочь от настольных игр, и вскоре комната пустеет. Валерия жаль, что подошло к концу погружение в живописно подробный

мир повести. Трудно отойти от зачарованности гибким, богатым на оттенки словом литератора. Не торопится он поскорей встать со своего утретого кресла. На коленях — книга. В его прикрытых глазах вовсе не вконец темная тьма, он замечает движение человеческих сил у истоков интерьера какого-то старого здания, следом — в переплетениях ветвистой растительности. Затем образный ряд бледнеет, размывается. И уже видна лишь страница с типографской лесенкой строк. Постепенно всё заливается молочной облачной взвесью, которой всегда готовы поделиться Рудные горы. К Валерию приходит... не успокоение — тревожная дрема в зыбкости седых туманных кос.

Очнулся он, когда появилась Мартина с блюдечком в руке. На нем по краю орнамент: малиновый фон пестрит белыми пятнышками, голубыми квадратиками, черными запятыми, а посередине фарфоровой красоты — низкая, очень широкая свеча, сотворенная из пчелиного, в темных крапинках, воска. Ее толстый фитиль горит сильным высоким пламенем, понизу непроницаемо темно-красным, упрямо выпуклым в жарких боках. Вверху пирамидальная истонченность приобретает фонтанчиком окраску неспелой вишни, а завершие исходит колеблющимся фонтанчиком желтоватого дыма. Свеча бросает блики на блузку девушки, открытую шею, на подбородок и нос, а под бровями темнота, и глаза кажутся угольно черными, невероятно огромными.

— Я принесла свет.

— Благодарю, — отвечает Валерий, пораженный ее внезапным возникновением в дверном проеме.

Блажекова ставит блюдечко на стол возле складной доски для игры в шахматы и шашки. Не уходит — ожидает, видимо, еще каких-то слов от офицера. Одергивает край блузки. Раз и другой. В движениях нет суетливости, однако ощущается идущая от девушки волна свежее испеченного необычного беспокойства. Ему причина... гостю не дано этого знать, сегодня ходил по городу один, не встречал в коридорах лечебницы ни Блажекову, ни ее тетюшку. «Загадка. Если нужен доклад о моих семейных обстоятельствах... Не имею понятия, почему должен давать отчет. Думается, можно помолчать. Если же здесь нечто новое, информация последует, и не мне ее подталкивать. То, что нужно, майор, будет обнаружено».

Валерий начал перелистывать страницы книги. Уважаемый Владимир Галактионович, нам с вами есть чем заняться, не правда ли?

Нет, никто не вызывал юную особу на откровенность, она сама решила поведать о всех этих делах. Вначале вместе с Марженой ловила толстошею кота, избравшего лечебницу в качестве своего законного дома. Потом тетюшка повезла длинноусого проживателя в другое поселение, за хребет не таких уж близких Хебских гор. К своей знакомой, которая могла бы неутомимого ходока приласкать, уговорить.

— Уговорить? — майор позволил себе улыбнуться.

— Переубедить. Чтоб утихомирился и не сбежал. Не вернулся назад.

Маржену сильно беспокоила кошачья привязанность к прежнему «домашнему» проживанию: для самостоятельных существ подобная привычка... она всегда слишком серьезная. Тетюшка постаралась найти убедительные доводы в пользу неотложного путешествия. Пребывание в столице расширяет кругозор, дает возможность обогатиться разнообразными познаниями, тому есть примеры, и родственница Мартины о них не забыла. У племянницы не должно быть предвзятости, несогласия, удивления.

Можно считать Маржену хоть столичной штучкой, хоть деревенской бабкой, но... Еще с тех давних дней, когда в Праге... Впрочем, дело не столько в театре, сколько в неожиданной встрече. Однажды на Староместской площади, возле ратуши, она видела возвращающегося в свой дом упрямого театрального проживателя. А потом ратуша сгорела. Блажекова виновато развела руками:

— Пришлось отпустить мою родственницу в дорогу.

— Случайная встреча, пожар. Тут разве есть взаимосвязь? — поверить Ладейнину в пражское последствие было никак невозможно. Пожилая женщина явно переоценивала влияние кошачьих умонастроений на благополучие Староместской площади. — Насколько мне известно ратуша горела во время войны. При чем тут всякие животные?

— Маржена уверена: если прогонять котов, то лучше сделать так, чтоб им нельзя было вернуться. Она вспомнила старые времена, деревенские сказки о проделках ведьмаков. Боятся, что несчастные животные, бесконечно возвращаясь, приносят с собой не просто собственное ощущение беды.

— Тогда что же именно?

— Беду настоящую. Для всех обитателей.

— А здешний кот...

— Его столько раз прогоняли...

— Сколько?

— Много. Однако он снова и снова тут.

— Извините, Мартина. Кажется, вашей тетушке всё же не стоило доставлять упряма в кошелке. За доли и горы. Ведь его повезли в кошелке? Или на руках?

— Пусть в кошелке. Только вижу, вы не верите. Я понимаю вас. Но Маржена боится. И может быть, не совсем уж неправа. В тот вечер, когда вы сюда приехали, был привезен один офицер. Ему стало плохо у нас. Сегодня утром, как сказали врачи, он скоропостижно скончался. Вам я могу об этом рассказать, но приказано больных не тревожить. Поэтому... вы понимаете. В чем наш проступок? У него были раны, и не выдержало сердце.

«Если вести речь о чьей-то безответственности, то вряд ли необходимо смотреть в сторону местных докторов, — Валерий опустил голову, стал машинально листать книгу. — И уж совсем не стоит воспринимать дальнюю дорогу Плицковой как неразумный поступок». Но какой ответ дать юной особе? Раз она стоит рядом, не уходит, ждет слов далеко не дежурных? Сразу ведь их не отыщешь. Новость ошеломительная, и надо, сбросив оцепенение, отреагировать так, чтобы все переживания были под контролем. Ладейнин молчал несколько не отрешенно — старался привести мысли в состояние более подходящее для дальнейшей беседы о превратностях сегодняшней жизни.

Глаза скользили по строчкам Короленко. Вдруг — будто ножевой удар тока, и Валерий, незащищенно вздрогнув, прочитал: «...Не видно ни свободного вдохновения, ни творческого художественного полета; это не произведение искусства, а плод некоего аскетического молитвенного подвига». Вот оно, слово самое нужное! О подвиге следует сказать! О солдатском подвиге! Сразу всё встанет на свое место.

Медленно, с трудом подыскивая доходчиво мотивированные слова, он заговорил:

— Смерть на войне не очень уж редкое событие. Если попало крепко, но выжил, то может быть и такое, что стойкому солдату, пусть он и победитель, всё равно потом аукнется каким-нибудь лихом. Так что я не подвержен паническим настроениям. Виноватых не ищу. Будьте уверены. И мне совершенно ясно, что ваша пожилая тетя не жертва предрассудков. Она просто решила помочь. Со своим пониманием строгости и доброты внесла посильную лепту. В дело наведения порядка в нашу с вами послевоенную действительность.

Мартина отступила на шаг. Внимательно посмотрев на офицера, тихо произнесла:

— Спасибо. Мне легче стало. Я очень вам...

Повернулась и быстро ушла, оставив майору чешский орнамент на блюдечке, красноватый свет оплывающей свечи, вновь возобновившееся потрескивание электрической груши над головой.

«Ей облегчил душу. Себе помочь не в силах. Сколько лет у меня в мыслях: северный лес, через мохнатые гущи елей к Москве идет поезд, однако вместе с ним теряется след Валентины и Валерки. Если они остались живы, то все годы семья стремится добраться до города, и почему-то не получается. Выходит, это стремление имеет конечную природу. Тогда вина разума в том, что отказывается понимать происшедшее... Сейчас появится она, жуткая головная боль».

Поднявшись, Ладейнин сунул книгу подмышку, взял было блюдечко, чтобы возвратить Блажековой, но раздумал нести — дунул на свечу. Лучше всего теперь оказаться поближе к своей палате. Есть такая — ничуть не мистическая, вполне материальная — суровая нужда, чтобы побыстрей опустить голову на подушку.

9

К несчастью, немецкие пилоты дальней авиации были хорошо обеспеченными в смысле тротиловой нагрузки и предусмотрительными — поостереглись израсходовать весь свой бомбовый запас. Самолеты пошли на очередной заход, и уж тут Валентине и Валерке ничего не оставалось, как броситься на пол. Может, пронесет? Пролетят мимо осколки?

— Сбрасывать нужно скорость, — возбужденное лицо кочегара с расширившимися, багровыми от напряжения глазами, возникло рядом с машинистом. — Я насчет угля напахался. Теперь тебе стараться. Чтоб, значит, опять промахнулись фашисты.

— Ишь, какой ловкий! Летчики тоже не лыком шиты. Сообразят, чего именно сызнава нам захотелось.

— Так ведь накроют бомбами.

— Авось, обмишурятся. Паши давай дальше.

Колесные пары под вагонами принялись бить по рельсовым стыкам в нарастающем темпе. Шпальные решетки, не знающие регулярной подсыпки гравием уже около двух лет, сотрясаемые свирепым напором паровоза, не имеющие надежной опоры в

раскисшем глинистом грунте, дрожали, ходили эпилептическими волнами. Поезд, на всех парах убегавший от воздушного налета, качался, исходил дымом, и локомотив, в грохоте своем превосходя все децибелы, то вдруг свистел фистулой, то разом захлебывался в реве, будто очумелый от непонятной внутренней боли медведь-шатун.

Кочегар с ужасом смотрел на машиниста. Куда его несет?! Что он делает, бродяга?!

— Сейчас сверзнемся! — закричал. Ему захотелось прыгнуть, выброситься из паровозной будки. Чтобы очутиться подальше и от проклятой своей лопаты, и от потерявшего разум старшего товарища, и от самолетов с их неистощимым запасом бомб.

Там, наверху, наблюдали за хаотично дергающимися вагонами, что с неистовым ускорением неслись прочь от полустанка. Низкое деревянное здание, где железнодорожным служащим и пассажирам доводилось укрываться от непогоды, было разметано на куски. Это успех, но всё же не слишком большой. Поезд спешно уходил. Позади, кажется, не оставалось ни единого уцелевшего человека, и лишь остатки строения — измочаленные, изрубленные осколками — горели по обе стороны полотна.

Груз на состав сбросили с учетом вдруг захромавшего локомотива. Но если он оказался чересчур прытким, придется учесть эту его способность. Самолетные прицелы работали исправно. Поправка была внесена. И тротильный груз аккуратно пошел вниз.

— Летят бомбы! — кочегар сделал движение, готовясь к отчаянному прыжку наружу.

— Торможу! Держись! — яростный крик остановил его.

Застонала сталь, завизжали раскаленные рельсы. Кочегара впечатало в спину машиниста. Тот рухнул вместе с напарником на пол, где угольная пыль и пролитая смазка приняли два тела, словно скользкий лед, чтобы, помотав по углам, безжалостно вышвырнуть из будки.

Однако и на этот раз паровозникам удалось перехитрить врагов. Бомбы шли прицельно к голове состава, но улетели приметно вперед. Фонтаны земли поднялись там, где мог бы находиться локомотив и где взлетели на воздух одни лишь шпальные щепы.

— Выходит, скорость была нужна, — бормотал кочегар, пытаясь привести в чувство машиниста. — Я всем скажу.

Старший паровозник закашлял, начал подниматься, в тревоге поглядывая по сторонам:

— Делай ноги. Подальше от полотна. Понял? Ловушка обозначилась.

Фашистский налет имел тенденцию к продолжению. В явной усмешке воздушные аппараты покачали крыльями, поприветствовав окончательно вставшую дымогарную машину, и заложили новый — на этот раз неискоренимо победный — вираж.

Когда рвануло позади сцепки вагонов, а затем ударило там, куда мчался паровоз и где он встал намертво, каждому пассажиру стало ясно: следующий заход бомбардировщиков будет для них успешным. Люди открыли тамбуры, кинулись выпрыгивать — надеялись спрятаться в ямах, канавах, в ближнем ельнике.

Что было делать Валентине, если ветхий домишко на колесах по странной причине высоко подпрыгнул, вздыбился, стекла в окнах со звоном лопнули, сумки и баулы полетели, высыпая содержимое куда попало, и она вместе с Валеркой очутилась в куче упавших соседей? Вскочила, схватила сына за плечо и, бросив на произвол судьбы объемистый каргопольский чемодан с одеждой и продуктами, рванулась вместе с родной кровинушкой туда, где был тамбур.

Валерка позволял себя толкать, не сопротивлялся. Он понимал суть происходящего, твердил про себя: «Машинист — молодец. И летчикам нас не взять!» В круговерти кричащей и плачущей толпы то мать тянула его, то он проталкивал мать вперед. Ни минуты нельзя было терять: чем дальше убежишь в лес, тем незначительней окажется победа немецких асов над массой железнодорожно путешествующих и конкретно над семьей боевого офицера, который, не сдаваясь, год за годом бьет и бьет из своих орудий по фашистам. Так полагал младший Ладейнин и, конечно, был прав.

Кто-то крикнул, что самолеты возвращаются. Да, их поведение не назовешь непословательным. Вряд ли нападавших привлекали дряхлые разнокалиберные бараки на колесах. Косить людей — вот что представляло интерес.

Люди стали быстрее выпрыгивать из вагона. Валентина с сыном тоже удвоили усилия, пробираясь через мешки, узлы, короба. Если чья-то поклажа мешала, пассажиры отбрасывали ее в сторону, освобождая проход. Вот-вот посыплются вновь подарки с неба, и они слишком немилосердны, чтобы мягкая человеческая плоть смогла сопротивляться острому железу.

Некоторые порешили спасти свое добро, несмотря ни на что. Поволокли его к

выходу, начали сгружать, мешая один другому, на сероватый суглинок возле подножек, где хватало каменной грязи, и угольной пыли, и мазутных пятен. Закипело гибельное столпотворенье. Крики стали громче, плач — пронзительней.

Валерку смяло, потащило на пол, в сторону, в месиво растоптанных сумок и разодранных котомок. Он с трудом поднялся и, отчаянно работая локтями, вырвался из водоворота людских тел. Крикнул матери:

— Давай в окно! Я тебе помогу!

Поочередно выбрались, побежали прочь, видя, как вспыхнула драка возле мешков на земле, как самолеты начали ронять свой смертоносный черный бисер из-под крыльев.

Рвануло возле хвостового тамбура, и теперь спешащим надо было обязательно падать, чтоб в неуклюжести запинаящегося бега не словить какой осколок.

Кинулись куда? Под темно-зеленый полог большой ели. Ветви — лохматые, опутанные паутиной, мшистые — опускались вплоть до игольника, что подушкой лежал около ствола, толстокоро мощного, изрубленного сталью прежнего обстрела, в потоках где беловатой, где непроницаемо темной смолы. Они охотно приняли, схоронили в своем полумраке ищущих спасение двух пассажиров поезда.

Грохот взрыва разметал паровозную будку, тендер, потом был накрыт подоблачными подареньями весь мирный состав.

На деревья посыпались части локомотива, и верхушка паровозной трубы, ухнув, с лету вонзилась в податливую землю, пропитанную влагой.

Горели расщепленные доски, обломки вагонных переборок.

Однако не задело Валентину и Валерку. Стучали по веткам ели какие-то невеликие, в мелкую шрапнель искореженные железки, и всё же сила их была смягченной, потерянной в густом великолепии могучего дерева, не опасной для укрывающихся.

На верхушку упала — кажется, последняя! — бомба. Скользнула без последствий по мохнатым лапам цвета старого серо-зеленого папоротника. Взрыватель не сработал, когда она мягко легла на игольчатую рыжеватую подстилку, без которой любой ельник не ельник.

«Что, убили?! — подумала Валентина. — Ничего не случилось. Пронесло. А вас, фашисты, когда-нибудь еще встретят наши зенитки!»

Она пожала руку сына. Радостно. Облегченно.

Рядом с роскошной северной красавицей-елью упала другая бомба. Сдвоенный взрыв был ужасен.

10

Из крана текла вода. Раковина принимала ее беспрекословно. С довольным утробным урчаньем где-то внизу отводящей трубы, возле самого пола. Какие выводы сделал для себя майор? Пошумливание водопроводной струйки, разумеется, радовало. Доставляло удовольствие наблюдать, как разбегаются пузырьки, хрустально прозрачные и, что касается вечности, нестойкие исключительно — лопающиеся через миллисекунду после рождения. «Мыла им недостает, — догадался Ладейнин. — Что ж, подождите. Сейчас начнется процесс бритья. Будет вам верных пара секунд для проживания, когда начну сбривать растительность».

Мыльные летучие пузыри детства припомнились офицеру, и почему было не оказать пузырькам раковины толику внимания? Раз уж местная сантехника поторопилась прийти в норму. Экономя воду, закрутил кран. Достал свой распрекрасный «Золинген», оживил струйку, намылил щеки. Так чтобы пена улеглась белой шапкой от уха вниз до подбородка и далее — до очередного уха. Пусть их всего два, но больше и не надо, верно? А нужно лишь перед утренним приемом пищи выглядеть прилично. И вот уже бритва, тихонько шипя, скользит по намыленной щеке, осторожно снимает выросшую за ночь щетину.

Сполоснув лезвие, Ладейнин потрогал крепкими пальцами влажную кожу на подбородке и под ушами, где ему всегда почему-то плохо удавалось выбривать кудрявые мягкие волоски. На сей раз дело было сотворено добротное, оставалось одеколоном смочить лицо, шею. И насухо вытереться военного образца полотенцем, которое было выдано каптерщиком в части. На дорогу, чтоб доведись где умыться в ручье — не платком носовым обсушивался. Санаторное — махровое, очень толстое, цвета вареных раков — хуже, как показало Валерию, менее проворно впитывало влагу. И он засунул его подальше. Под подушку. Пушистое, впрочем, стодило бы, однако раздражал боевого офицера подчеркнуто гражданский шик, не приохотился артиллерист к нему, гоняя по фронтовым дорогам на разном транспорте вслед за своими пушками.

Вспомнить если Чукотку, там иной раз снегом протрешь лицо — и порядок. Можно было заодно весь торс просанировать от души — тоже случалось, какие наблюдались

особые трудности? Никаких!

Глянешь вот так на себя. Ну, какой он, Валерий Ладейнин, вам тут старший офицер? Майора получил чуть более года назад. Перескочил за один раз ступеньку званий, поскольку успешно действовал против фашистской группировки. Той самой, всем известной, что чуть не пробилась к Берлину, взятому в кольцо. Не удалось немцам деблокировать свою столицу, хоть были очень сильны в тяжелой технике. В ходе их северного контрудара наступающие войска растворились, словно мыльный сгусток, в ливне мин, пуль и снарядов. Тогда многие отличились, не один он, академик-артиллерист. А ведь почти всю войну проходил в лейтенантах.

Да, уважаемая дама, отставная кастелянша, доброхотная Маржена Плицкова, к вам есть просьба: не обессудьте, пожалуйста, но привычки у майора по сию пору скромные. И племяннице вашей, пусть приятственно миловидной и безотказно сопровождающей, тоже не мешало бы знать, что напрасно препроводила гостя в соседи к пожилым офицерам. Они если не уйдут в отставку, завтра могут оказаться генералами. Им здешние привилегии положены даже по возрасту. А Валерию...

Нет, душа всё-таки не на месте. Посреди красивистого изобилия, в почтительно богатом интерьере неуютно ей. Одиноко. Неблагополучно. Все эти роскошные одеяла, махровые полотенца, бархатные портьеры поначалу способны удивлять, потом навевают скуку на того, кто не раз жизнью рисковал. И впоследствии что? Просто раздражают. Давят тягостным грузом бессмысленности, ненужного излишества, коль не ушла вконец она — угнетающая тревога о близких.

Побрившись, Валерий отправился на завтрак. Видимо, немного задержался, потому что из посудомоечной уже доносился специфический грохот, там звонкие тарелки начали приобретать свой фарфоровый блеск и чистоту, полагающуюся для обеденного приема пищи. За столом не засиделся — торопился свидеться с доктором, объявившиеся вдруг мысли гнали санаторного пациента прочь от привычной порции щадящей каши. Можно было, конечно, расценить их как довольно-таки нахальные, но душа просила переселения. Нельзя ли переехать в другую палату? Чтоб по-простому гляделись всякие кругом вещи? Когда рядом обитают майоры либо капитаны, ведь ощущаешь себя не таким зажатым, в беседе можно расслабиться, и вообще... Одним словом, нет и нет тебе спокойствия, а хочется, чтоб немного поутишилось внутреннее напряжение. Его трудно выразить словами. Но факт, что оно держит весь организм в жестких тисках, словно каптерщик выдал сапоги на размер меньше и обмундирование, до невозможности ушитое.

Приятная свежесть охватила чисто выбритое лицо, едва Ладейнин вышел из тепла солнечной столовой и поднялся по лестнице в прохладный коридор. Паркетный пол здесь был начищен и отсверкивал, словно солдатская обувь усердного новобранца. Того как раз, которому для начала подсказали, какой имеется особый толк в сапожной щетке, в свежем подворотничке и сверкающих форменных пуговицах.

Пришла догадка: «Ишь, берутся за дело с каждым днем крепче! Давно ли закончились боевые действия в Праге с ее десятком железнодорожных линий?! Но уже вот вам зафурыкал водопровод, уникальная карта в лечебнице подремонтирована. А глянешь пристальней — заметишь, как усердно драют полы и отчаянно портьерами украшаются. Есть жадное стремление к лучшей жизни, к мирному достославному порядку. И оно, пусть у тебя душа не на месте, достойно уважения».

Поворот направо. Там, вдали, нет черной лестницы — тупичок с креслами вдоль стены, где у глубоких сидений удобны спинки и надежны подлокотники. Валерий замедлил шаги. Белая дверь. «Эй, Томаш! Где ты там, со своим чешским гостеприимством?» Кабинет врача закрыт, и неизвестно, когда появится хозяин...

Опять посидеть возле занимательно разговорчивой карты Ладейнин решил после того, как убедился: доктора на месте нет как нет. Глядел на чешские названия городов. В сомнении покачивал головой из стороны в сторону — вряд ли в годы оккупации здесь была сохранена довоенная орфография. Объявленный гитлеровцами протекторат требовал единовластия и единоначалия хоть в географических названиях, хоть в информационном языке. Карта разве не документ? Именно что — официоз. Если сейчас не осталось тут даже ничтожных следов от прежних хозяев страны, то по одной причине: нынешние граждане дают решительный от ворот поворот малейшему намеку на господство саксонцев и прусаков. Понять сие патриотическое обстоятельство можно.

А как понимать, что возле Екатерининского дворца, где ковались кадры для противодействия германской экспансии, безо всяких препон существовало Немецкое кладбище до войны, а также во время боев за Москву? Оно и сейчас, говорят, не переименовано. Гансы, Курты, Фрицы со своими женами десятилетия, века проживали в слободе неподалеку. Упокоивались на собственном кладбище в полной уверенности, что память о них не будет поруганной. Они, честно зарабатывая свой

кусочек хлеба, знали о русском народе много больше того, что позволяли себе думать соплеменники в Третьем рейхе. Надо полагать, это знание работающей Немецкой слободы будет востребовано в новой Европе.

«Вот только... да куда же запропастился Фиала? — Валерий, потирая лоб, встал с безмятежного диванчика, принялся вышагивать из угла в угол. — Не иначе, Томаш пустился в контрольное путешествие по местным источникам».

Плицкова направлялась к выходу, но заметила майора и, поколебавшись, подошла к нему. Подняла голову, устремила на Ладейнина старчески выцветающие глаза, в которых читались одновременно и смущение, и какая-то непонятная требовательность.

— Задерживается доктор? Подождите еще немного. Он должен появиться.

— Надеюсь.

Тетка Блажековой уходить не торопилась, присела на диванчик:

— Нам есть о чем поговорить... Целый день размышляла, стараясь понять поведение Мартины. Нужно объясниться. Всё сложнее, чем кажется на первый взгляд... Я разрешила племяннице походить с вами по городу... Она очень одинока, родственников у нас нет, и судьба ее... Ничего страшного, если ей приятно погулять, просто немного побыть рядом с человеком, воевавшим с фашистами... В Праге было такое... Облава, оцепили район, врвались в дома... На всякий случай родители спрятали девочку, не захотели пускать гитлеровцев, те в озлоблении принялись бить их, мучили долго, забили до смерти... Девочка в своем укрытии слышала крики умирающих, понимала, что родители гибнут... От ужаса она потеряла сознание и не приходила в себя, пока я через сутки не отыскала ее... Потом она с полгода не могла говорить, только плакала, если к ней приставали с разговорами... Сейчас она отошла от всех тогдашних страхов, и ей просто хочется побыть рядом с человеком, с настоящим солдатом, а не бешеным убийцей... Она вас уважает... Простите меня, извините ее... Мне радостно, когда вижу: девочка оживает. Вы для нее вроде как врач. Понимаете?

Собеседник молчал, будто готовился произнести ответно-предубежденную речь, и Маржена с прокурорской настойчивостью в голосе добавила:

— Вы не имеете права меня осуждать.

Валерий в растерянности отодвинулся от строгой женщины, встал, подошел к цветной карте Чехословакии, обернулся:

— Вы меня тоже извините. В доктора всё-таки не гожусь. Нелады у самого такие...

«Вот черт! До чего неловко! Прямо хоть беги от Маржены», — он двинулся прочь, на ходу бросив:

— Надо посмотреть, не объявился ли у себя в кабинете наш с вами общий друг Томаш.

ЦВЕТЕНЬЕ ГИБИСКУСА

1

Фиала выслушал просьбу пациента и размышлял вслух, сочувственно хмуря кустистые рыжеватые брови:

— Сугубо майорской палаты у нас в лечебнице, разумеется, не найти. Что можно сделать? Отыскать комнату... есть одна... та самая, что предназначена для приезжих в неурочный час... по прибытии в город офицер ночевал в ней, разве не так? Там две кровати. Они пустуют. Майор! Временного своего пристанища не забыли?

Комната была, как говорится, комнатой. Ничем, кроме игры солнечных лучей поутру, не запомнилась Ладейнину. А если Блажекова с той поры начала то немотивированно радоваться, то вдруг смущаться, а то без видимой причины доклавывать о подробностях жизни своей строгой тети, это... как забыть? Спасибо, заботливая Плицкова просветила: у девушки были важные причины для подобного, не совсем адекватного поведения. Жалко Мартину, конечно...

— Как забыть? — задумчиво проговорил офицер.

— Итак, имеются две кровати с простыми байковыми одеялами, — деловито продолжал Томаш. — Одну можно предоставить в распоряжение русского майора, которому лишний комфорт ни к чему. На другую никто претендовать не станет. Никого больше в комнату не поселят. Таким образом, курс лечения у нас на водах придет в соответствие с открывшимися обстоятельствами, правильно? В прежнем темпе даем пациенту необходимую для здоровья воду, но отныне убираем ненужную психологическую нагрузку. Или есть возражения? Я вижу, вы согласны.

Выйдя от Фиалы, Валерий встретил в вестибюле первого этажа Блажекову. Она подала ему письмо в кокетливом конверте, чрезвычайно длинным был прямоугольник мелованной бумаги, пахнувший духами.

— Вот. Это вам пишут.

Он посмотрел внимательно на аквамариново-бирюзовый квадратик марки с жирным черным полукругом почтового штемпеля. Адресат отправления — пражский. Кому? Ладунину.

— Это не мне.

Хотел добавить, что не ждет писем из чешской столицы от страстных женщин, до безумия любящих аромат экзотических духов. Однако сдержал себя и выразился — хотя сердце прореагировало на почту несколькими очень сильными ударами — с тем подчеркнута деликатным участием, на которое могла рассчитывать пражская беглянка, потерявшая в одночасье родных:

— Я еще более одинок, чем вы, Мартина. У меня в Чехословакии даже тети нет. Спасибо за хлопоты. Конверт мы отдадим адресату, но если что, я ваш должник.

Еще раз понюхав многозначительный прямоугольник, улыбнулся и протянул его добровольной письмоносице. На его лице легко читалась мысль, пусть по скромности характера и не озвученная в демонстративной полноте: «Надеюсь, предстал здесь достаточно обходительным, чтобы не обидеть девушку, пожелавшую самолично доставить офицеру почтовое послание».

И опять, как несколько дней назад, Ладейнин приметил, как вспыхнула, покраснелась Блажекова. Снова принялся ломать голову: да чем же я ее смущаю? Почему Плицкова обговаривает ситуацию касательно племянницы до странности неоднозначно — то упрощая обстоятельство, то усложняя их? Ведь тут видится у Блажековой нечто вполне определенное. «У меня разве глаз нет? Могу кое-что сообразить насчет женского румянца на щеках».

Допустима вероятность, что тетушка занималась политикой, до которой всегда имели охоту пожилые наставницы молодых девиц. Однако глаза были у артиллериста настроены прицельно, как полагалось любому полковому пушкарю. Впрочем, имелись и сомнения. Быть такого не могло, чтобы не первой молодости офицер чужой армии мог произвести то самое — исключительное! — впечатление на столь юную особу.

Валерий не замедлил сделать налево кругом, чтобы подняться вверх. В вестибюле второго этажа, недалеко от палаты старших офицеров, сидела — очень прямо, с напряженной спиной, сложив руки на коленях — пани Маржена. Она пристально смотрела на Ладейнина. Майор, проходя мимо, склонил голову, поздоровался. Как можно учтивее поприветствовал Плицкову и не мог взять в толк, по какой причине таким пронзительным, таким жгучим стал взгляд старой женщины.

2

Знакомая солдатская койка, аккуратно заправленная серым байковым одеялом. Никаких тебе шикарных портьер, а если что новое в комнате — не наблюдаются попытки водопровода неожиданно заурчать. Просто льется из-под крана тонкая холодная струйка. Это как раз кстати. Нелишне оно — умыться после долгого дня с пешими хождениями, с непростыми разговорами.

За окном меркнет малиновый свет вечерней зари, и спешат налиться чернотой — не сверху, а понизу, возле восточного края — кудрявые башни кучевых облаков. Сняв сапоги, Валерий садится на краешек постели. Но устав от долгой пешей прогулки, неожиданно для себя клонится, клонится. И вот уже голова на подушке, и нет желания в скором порядке ее поднимать. «Полежу пару минут, — приходит мысль. — Не к спеху немедленно укладываться под одеяло. Сон подождет».

Он вольней располагается на байке. Вслед за тем отдохновенная истома охватывает ноги и спину. Руку под головой, всё тело. Дрёма делает веки тяжелыми, а перед глазами плывут белесые волны минерализованной речной воды — словно довелось им внезапно вырваться из-под пешеходного мосточка и очутиться на виду у всего болезного народа, у майора Ладейнина в том числе. Речная быстрая вода по прихоти дрёмы сменяется морским пенным прибором. Что-то бормочет Валерий, стараясь увернуться от фонтана брызг. Убирает ладонь от затылка. Фонтаны послушно уплывают. Однако приближаются мрачные громады каменных пещер. Опять накатывает волна тревоги. С высоким побережьем Корякского нагорья шутки плохи. Тут гляди в оба! Можно разлепить веки и поглядеть, не правда ли?

Насчет таинственных прибрежных пещер Чукотки у тамошнего прожигателя — пусть и давнишнего, много лет назад покинувшего суровый край — есть понимание, будьте уверены. Надо обязательно очнуться и поглядеть, чтоб не приключилось какой-нибудь беды. Глаза открываются. Почему так близко нависает свод и отчего он белый? Разве гранит огромных пещер океанского побережья бывает таким? Он всегда темный. Новое понимание утверждается медленно, будто фотография по воле ослабленного химического проявителя: из-за навязчивой дрёмы происходит путаница. Не иначе, явь

смешалась с видениями прошлого.

Вдруг Валерию откуда-то издалека, однако же вполне явственно, слышались глухие удары. То били молоты рудокопов, как полагалось догадаться. А следом и тяжелоозвонкая песня железной кирки вплелась в мелодию глубинных штреков. Ресницы вздрогнули, рука непроизвольно поднялась потереть лоб. «Да, приходилось поразмышлять о таинственных здешних пещерах», — пришла мысль.

Разговоры среди обитателей лечебницы ходили всякие, и некоторые высказывания скользили мимо ушей, словно вздохи невинно-легкомысленного ветерка. Однако о шахтах речь была однажды весомая. Здешний угольный бассейн начал увеличивать добычу, зимой даже маленькие городки не останутся без калорийно способного топлива. В словах была радость? Точнее точного. Поскольку идет восстановление промышленности. И это не может не радовать здешних горожан, вместе с ними — всех болезных гостей.

«Шахты, черные штреки... они где-то на востоке страны. Там, значит, жизнь налаживается. И с какой же стати не дают мне спать чукотские гранитные печоры с темными сводами?» Он садится на кровати, спустив пятки на пол. В голове по-прежнему эхо ударов металла по каменным глыбам. То не работа подземных рудокопов набирает мощь, то давняя контузия обещает скорый приход стеклянного перезвона, да? Вот чего не хотелось, так именно этого шествия с железными кирками от одного виска к другому.

Надо встать, куда-нибудь пойти, постараться отвлечь мозги от работающих хозяев гулких подземелий. Раз такая необходимость, надевает сапоги, натягивая ушки высоких голенищ, и выходит в коридор. Шагает, крепко сцепив ладони за спиной, от одного края к другому, довольный, что в поздний час тут пусто и можно ходить сколько тебе потребно, чтобы проветрить голову.

Понемногу стихают шумные подземные работы, просторней становится всяческому понимающим соображениям, и одно из них доказательно подсказывает: не миновать тебе, майор, подойти к окну. Для той простой причины, что там светятся звезды и тянется звездная дорожка на восток. До самого края континента. Сколько лет прошло, а ведь не уйти от воспоминательных тревог чукотской юности.

«Коли поглядишь на восток и заспешешь туда, ведь еще кое-что вспомнишь. На пути повстречается тревожное местечко. Невелико то поселение на чешской земле, а заставит обжечься давней историей. Какая тут кровавая сеча была сотворена! Аустерлиц, где Наполеон пересилил объединенную армию сильных противников, русскому офицеру и по сию пору если не в укор, не в горестную вину, то...»

Что же это было такое? Не просто ведь тебе рядовое сражение прошедших веков, раз объявилась взаимосвязь тревожных чувств. У Льва Николаевича Толстого насчет стародавнего сражения мысли были неординарные, что и говорить. О чем думал русский офицер Андрей Болконский, умирая на поле Аустерлица? О чем стоит подумать тебе, майор, если подошел к окну? И глядишь на восток. Различаешь в пространственных и временных далях Чукотку, а что еще?

Наполеон Бонапарт умело крушил армии двух императоров — русского и австрийского. В зареве пушечных огней, среди падающих солдат и грома пороховых взрывов нельзя было, как резонно полагал писатель, нельзя было умирающему герою романа не размышлять о смерти. И — о жизни. Смерть Болконского — вот она. А русского народа жизнь, хотя стало его сынов меньше, продолжалась. Не случилось в ней радостей любви офицера и юной девушки Наташи Ростовской, а приключился здесь, возле чешского известного всему свету города Брно, пролог. Начало было положено еще более жестокой битве — страшному нашествию на твое Отечество, майор.

Валерий вернулся в свою комнату. Коридорные шагания прогнали неуютное грохотанье в голове, но снова подступила дневная усталость завязтого пешехода. На этот раз приготовился ко сну основательней. Лежал на солдатской — довольно жестковатой — койке, по всем правилам укрывшись теплой байкой. Вспоминал картины давних годов, что были прожиты под боком у Ледовитого океана. Что касается прилипчивой дремы, она ушла, растворилась в холоде далеких снегов, сбежала неизвестно куда, словно и не было ее колдовского, неподдающегося замирению, продолжительного наступа.

Когда обратил внимание на комнатное окно, там уже принялось сиять, горя широченным пожаром, утреннее солнце. Оно поднималось, степенно являя свою неуклонную зоревую повадку, и вместе с ним разгоралась череда неотступных мыслей — вставала перед майором бессонная *история*. Русское поражение на поле Аустерлица заставляло задуматься о неотвратимости Отечественной войны 1812 года. И недавняя война с фашистами, хоть затянулась она вплоть до зауральских снегов, закончилась бы только так, чтобы воспрянула огромная страна и смертный бой обернулся торжеством Отечества. Такова закономерность российской битвы. Победа

за народом быть должна.

Страшная оказалась вчерашняя война. Однако за что же русским эти огромные, ужасные по своим последствиям беды? Разве само Отечество навлекло их на себя? Личности, желавшие пушечных бесед, были, а европейских народов, стремившихся бездумно, сумасшедше поиграть силой... нет, таковых не наблюдалось.

Тут вот что за причинность. Если иметь в виду уважительные признаки отечеств для французов, итальянцев, бельгийцев и других, эти уважительные признаки оттого и уважительны для народов, что не вызывают к взаимоуничтожению. Какие оголтелые политические фигуры, те могут орать в шовинистическом угаре, а в народной дипломатии апокалиптического угара никогда не было и не будет.

И тут же его обожгло — за что погибли Валентина и Валерка? Поезд продвигался к столице, казалось бы, путем безопасным. Фашистов уже начали гнать прочь вполне успешно. Поэтому смерть в тылу, вдали от линии фронта, гибель от стальной тупой чушки, от случайно прилетевшей бомбы, от очевидного самолетного удара по заведомо невоенному составу, она, эта смерть, если подумать о какой-то улыбке фортуны, была насмешливой, исключительно подлой...

Какие нужно прилагать усилия, чтобы лежать и глядеть в потолок? Нетрудное ведь сие дело, ан дыхание стало прерываться, и давай, Ладейнин, старайся — гони подальше приступ удушья! Валерий поднялся, зашагал по комнате. То к розовеющему препону оконных стекол, то к матово блестящей дверной филенке. Успокоившись немного, взял из тумбочки книгу Короленко, начал перелистывать зачитанные офицерами — давними товарищами по боевому полку — страницы о музыканте. Слепой юноша Владимира Галактионовича, ты был зрячий, несмотря на улыбки фортуны, настроенной, как известно, не всегда благожелательно к людям.

Однако большой охоты погружаться в жизнь писательских героев не возникло, своя беда заставляла сердце биться неровно, подступать удушьем к горлу. Он положил книгу на тумбочку, хотя приоткрытый верхний ящичек требовал армейского порядка — такого положения вещей, чтобы лежали истории Короленко в тумбочке не так чтобы небрежно и чтобы ящик был не так чтобы неаккуратно прикрыт.

Снова зашагал Валерий от окна к двери, Ему — простите, боевые друзья — вдруг захотелось ослепнуть. Увидеть, по примеру слепого музыканта, нечто очень важное. Прежде всего следовало увидеть где-то вдали, в просторах российской земли Валентину и просить у нее прощения. За что? А вот хотя бы за то, что заметил здесь, по соседству со стародавним полем Аустерлица, приветливую милую девушку. Мартину Блажекову.

3

Тень от дерева походила на туманный лунный отсвет, поскольку густая листва в ажурном своем, в своем зеленотканом усердии сотворяла из середины дня чуть не истинную полночь. То время суток, когда ушедшее на покой солнце и не помышляет приукрасить моравские рябины, каштаны, хмелевые стенки среднегорья с их высокими тычками — не торопится с заревом всеохватного пожара красок.

Блажекова поежилась, будто очутилась в сибирской глухомани, где холодная континентальная особливость, действительно, даже летом дает себя знать после вечерней зари. Предложив покинуть тенистый уголок сквера, она первая шагнула в радостное сияние полуденного изобилия открытого света, где впору было загорать по-южному.

— Сегодня Ярило уж что-то здесь разъярилось. Самая погода для цветения сирийского гибискуса. А в тени если кому праздник, то лишь Снежной королеве, — пошутил Валерий.

— Ничего. Разве мне привыкать к горным празднествам? — шедшая впереди Мартина повернула лицо к майору. Они стояли возле источника. — Валерий, вы умный, — сказала ни с того ни с сего Мартина.

Широко раскрытые глаза ее внезапно заблестели радостным чувством, словно девушка, благополучно убежавшая от фашистов в местечко возле Рудных гор, встретила тут, среди каменистых склонов и горячих источников, вестника счастья.

— Ладно тебе, — пробормотал он, опешив от неожиданных слов почитания.

— Нет, правда. Молодой, а уже майор.

— Какой же молодой?! Разве мне восемнадцать лет?

— Не спорьте, — добавила дрогнувшим голосом: — Давай говорить на ты. Вот скажи: наверное, прекрасно разбираешься в военном деле?

— В пушках если... тогда... как положено.

— И в танках?

— Приходилось взаимодействовать. Когда артиллерия нуждалась в танковой поддержке. А что такое?

— Слышала, русские танки хорошие. Быстрые и очень сильные. Они примчались в Прагу, спасли город от разрушения.

— Тетя Маржена доложила? Она хорошо понимает в боевых машинах?

— Все говорят. Танкисты всем нравятся. И машины их — тоже. Валерий! Я тебе скажу даже больше... — однако сразу же замолчала. И лишь чертила носком туфельки по отмытой дождем дорожке, что вела к источнику.

Вероятно, ей захотелось поведать ему о том, что нравится горное торжество яркого света. И этот тихий день среди каменистых хребтов Западной Чехии. И красноватые перистые облака над вырастающими из долинного понижения зелеными холмами. И кудряво узорчатые моравские рябины, что столь охотно стоят пообочь пешеходных курортных дорожек.

Эти деревья для Валерия были... если не чудом природы, то все-таки особенными. Здешние рябины похожи на невежинских родичей той далекой и одновременно очень близкой владимирской земли, где когда-то довелось отведать тронутых морозом, сладких оранжево-красных ягод. О них шла слава — именно такие плоды и есть лучшее народное лекарство, когда вдруг заболит сердце.

Ишь ты... когда прихватит оно внезапно... Что нынче сказать о нем? Занозистая боль сердца... неужто поутихла? Трудно сказать. Конечно, зеленокудрые моравские великаны вряд ли могли одним своим присутствием дать какое-то облегчение. Если только девушка моравской равнины...

Знала Мартина, что Ладейнин будет вот так пристально, до рези в глазах смотреть на раскидистые кроны пообочь пешеходной дорожки? Никто здесь, в европейском среднегорье, скорее всего, и не подозревает о том, что значат для русского офицера эти родственники невежинских рябин.

Мартина молчала, и майор не услышал слов девушки о том, что нравятся ей не только танкисты и саперы, примчавшиеся из Германии на помощь Праге, но также по душе ей он, офицер Ладейнин. Не услышал. И хорошо. Потому что понимал: она готова открыться ему в своем неожиданном чувстве, а вот он как раз не готов произнести желанных, дорогих для нее слов. Вот моравские рябины, они действительно были по душе ему... очень. Как по душе была владимирская земля, воспоминания о которой волновали его, вне всякого сомнения, сильно.

Надо бы что-то сказать Мартине. Верно! Скажи, Валерий, не робей. Или ты не воин? Воин или не воин. Храбрый, не храбрый. В этом ли дело, когда с самим собой не получается... это... ну, объяснить?

4

Огромный першерон, вальяжно покачиваясь, катил повозку, где в тесноте, да не в обиде громоздились дощатые ящики с жирными — смоляной черноты — надписями на высоких боках. Нетрудно было догадаться, что какое-то медицинское заведение удосужилось получить контейнеры с оборудованием из центра. Прибывала в лечебные кабинеты долгожданная эскулапами курортная и, надо полагать, большой эффективности объемистая новизна, заставлявшая битюга напрягать широкие грудные мускулы весьма рельефно.

Ладейнин проводил повозку рассеянным взглядом и не сдержал удивленного возгласа, когда из переулка выскочили к набережной легкие прогулочные дрожки, где и пассажиры, и возчик были в довольно живописных одеждах, а движитель в белых яблоках по серым поджарым бокам был красив настолько, будто сошел с лаковой миниатюры умельца, не утерявшего связи с культурой прошлого:

— Чудо что за рысак! Не иначе, доставлен сюда из какой-нибудь скаковой конюшни, чтоб элитная стать радовала гуляющую публику.

Красивых лошадей любили изображать на шкатулках, что увлеченно творили мастера художественных промыслов по маленьким городкам России. О своем наблюдении майор не замедлил поделиться с Плицковой. Она промолчала, думая о чем-то своем. Он оживленно продолжал тему открывшейся взаимосвязи:

— Я ничуть не ошибаюсь, пани Маржена. Это для меня, если хотите, радостный знак.

— Пожалуйста. Радуйтесь, что встретили знакомого.

— Благодарен вам за понимание. Кстати, наши невежинские рябины, что растут на Владимирщине, походят на ваши. Моравские.

— Ничего удивительного. Я знаю. Я вообще многое знаю. Мои знакомые в России рассказывали, например, о Ферганской долине. Там пообочь дорог растут шелковицы, их листья идут на корм гусеницам-шелкопрядам. У нас, в Чехии, насчет этого вряд ли когда-нибудь...

— Простите. Ваши рябины — прекрасны.

— Оставьте.

— Нет, но какие они высокие...

— Вы меня, кажется, не слышите. Да, они бывают больших размеров. Особенно старые. Вчера вы гуляли с Мартиной?

— Мы прошли с ней от источника Бартушека до вершины холма. Пешеходная дорожка, хочу вам доложить, отменно ухожена. Рябины...

— Больше не гуляйте с Мартиной по городу и холмам. Она слишком молодая и глупая. Есть вероятность, что скажет что-нибудь этакое... не совсем верное...

— Пусть говорит, что пожелает. Вчера... а сегодня... пусть.

— Послушайте меня. Дело не в ней. *Я этого не хочу.*

Валерий почувствовал себя так, будто находился в танке и машина в своем безостановочном продвижении внезапно влетела в скалу. Удар. Мгновенная потеря сознания. И медленное возвращение к реалиям жизни. Какие они, ошеломляющие повороты у этой строгой женщины!

Они, Валерий и Маржена Плицкова, встретились возле раковины оркестрового павильона. В городском саду, что полого спускался к быстрой реке. Перед этим он шел по набережной в сторону лечебного корпуса. Тот, если ориентироваться по извивам каменистого ущелья, располагался в нижней, более широкой части. Как раз недалеко от колоннады источников. Ладейнин шел не спеша, потому что торопиться здесь было некуда. Однако, заслышав, как настраивают скрипки в саду, остановился не сразу. Просто повернул голову к раздающимся певучим звукам и только потом, завидев тетю Мартину, решил отложить прогулочный свой моцион.

Родственница Блажековой пришла сюда, видимо, специально — послушать музыку. На ней он увидел старенькое, тщательно выглаженное длинное платье с высоким воротом, как у старинной русской мужской рубашки. А на груди, на плечах лежали примечательно красивые, дымчато-кремовые кружева, которые издавна ценились в Европе под названием брюссельских. Теперь, нарумяненная, пахнувшая какой-то изысканной туалетной водой, она готовилась слушать концерт местного симфонического оркестра.

И когда успела уверовать в то, что Мартине и Валерию не надо вместе ходить по городу? Как ни старайся понять странную логику, выходило одно: им незачем видаться сверх нужды, определяемой лечебно-оздоровительным процессом Томаша Фиалы. Возражать Плицковой? Это майору было не с руки, неудобно до того, что и слов под-ходящих не мог сыскать. И он не стал спорить с ней. Пусть всё идет, как идет.

То мгновение, которое обещало ему счастье личной жизни и новую семью — разреши ее начальство — оно минуло, как наваждение. Как чудесный, однако достоверных примет не имевший, затяжной сон. Послушно опустив голову, Ладейнин по давно приобретенной привычке погрузился в себя, в свои всегдашние печальные думы.

— Так надо, — услышал голос Плицковой. — Не обижайтесь на меня. Ступайте, куда шли. Приходите сюда... лучше завтра. Вместе послушаем игру оркестра. Поговорим, если пожелаете. На трезвую голову общаться полезней, поверьте старой женщине.

5

Первое послевоенное лето, эйфория победы над фашистами, то есть год 1945-й. Польский город, Западная Силезия. Русский гарнизон срочно уходит, чтобы освободить место прибывающим на смену польским солдатам. Было обращение комендатуры в воинскую часть, где имелись пушки на автомобильной тяге: помогите с перемещением личного состава и вывозом имущества.

«Транспорт не задержался. Горожане провожали грузовики, стояли на тротуаре, и я видел много женщин. Местная мода тому причиной или солнцепек, но там и тут примечал шляпы из выбеленной ржаной соломки. Широкополые, с разнообразными искусственными цветами вдоль по матерчатой окантовке... а месяц, и вправду, тоже был жаркий».

Ладейнин больше о том городе ничего особенного не знал, кроме как — женские шляпки вряд ли имели отношение к фабричному производству. Расстарались не иначе что способные местные кустари. Потом бывал во многих европейских городах и городах, однако цветистая красота не ушла из памяти.

Посмотрев вслед смеющимся женщинам в прогулочном экипаже, он определил для себя: «Точно — польки. Уж очень приметные в этих своих головных уборах. Здесь до Силезии, небось, две или три сотни километров. Отчего соседям не оказаться в чешском среднегорье? Годы идут себе, а европейская традиция отдыхать на водах не пропадает, нет».

Он зашагал в сторону городского сада, где надеялся услышать от Плицковой кое-какие разъяснения касательно вчерашнего строгого запрета. Подойдя к музыкантам и

стоя сбоку знакомой уже раковины, он покрутил головой: где изволит располагаться тета Мартины? Не видать ее что-то.

Оркестранты между тем вскинули смычки. Понеслась мелодия. В ней угадывалась экспрессия народной песни и в то же время явственно проглядывались динамизм, эмоциональная подоплека недавней жизни с ее шествием танковых армий с запада на восток. И — последующим продвижением с востока на запад.

— Майская симфония, — сказала Маржена Плицкова, неожиданно появившись из-за гладкого толстокорого каштана. — Витезслав Новак. Знаю немного его. Еще по довоенной Праге. Тогда он был профессором консерватории. Если не ошибаюсь, по классу композиции.

— Майская, — повторил Валерий, немного сбитый с толку и не понимавший, зачем ему подробные музыкальные сведения.

— Пан офицер чувствует героический пафос?

— Почему не почувствовать?

— Очень хорошо. И давайте больше не будем говорить о Мартине. За нас всё скажет симфония, взывающая к стойкости и празднующая пришествие обновленного счастья.

Валерию ничего не оставалось, как сообразить: другого разговора не будет. Он отвергнут родственницей Блажековой настолько основательно, что нет у него права настаивать на каких-либо разъяснениях. Лучше, как говорится, закрыть рот на замок.

Он молчал. Довольно долго стоял и молчал. Но что он чувствовал, что испытывал, безоговорочно отвергнутый? Внутри была пустота. Копилась боль.

6

Прогулочные дрожжи — пустые, без пассажиров, с одним лишь погоняльщиком в деревенской, местами потертой кацавейке — выскочили из переулка и понеслись в том же направлении, куда ноги вели Валерия. Он вроде бы и не собирался навещать в этот день парковых оркестрантов, однако задумавшийся, основательно погруженный в печальные свои размышления, непроизвольно продвигался по набережной ближе и ближе к вчерашней раковине... значит, к повторной встрече с Плицковой? Такой задачи не ставил перед собой. Офицеру полагалось помнить наказ Маржены, и если было подспудное желание какого-то повтора, то игра музыкантов была не настолько плоха, чтобы напрочь забыть майскую симфонию победы. Еще раз хотелось ощутить чувство обязательной победительности в пении скрипок и звоне литавр.

Лошадиная морда, костистая, с раздувающимися ноздрями, вынеслась сбоку и унеслась вперед под крик возницы, который явно куда-то спешил. И которому конь с готовностью отвечал грохотом подков, высекающих малиновые искры. «Мне-то как раз торопиться некуда, — мелькнуло в голове Ладейнина. — Коли возникло желание снова послушать, что говорит профессор композиции, отчего уходить в сторону?»

Чтобы их пути с Марженой не пересеклись, он обошел знакомый каштан, остановился поодаль, возле череды раскидистых узловатых вязов. Музыканты настроили инструменты. С воодушевлением сыграли какую-то мелодичную пьеску. Затем симфония пана Витезслава Новака запела, застонала, обрушила на каштаны и вязы, на парковые аллеи, на близкие и дальние лавочки, на всех слушающих и присутствующих лавину звуков.

Когда музыка стала брать мощь и суровую многозначительность, вернулась к майору вчерашняя боль. Вот она вскинула надменную голову и заиграла так, как никогда раньше не приступала к делу — с пронзительной нервностью стеклянного боя, с ломотой в напряженных мышцах. Нынче к прежним ощущениям добавилось рождающееся истовое стремление к полифоничности, к новым краскам и полутонам жизни. От громады опереживательных чувств у Валерия заныло под ложечкой, боль с каждой минутой становилась сильней, и он поневоле согнулся, опершись о шершавый ствол дерева. Не заметил, как рядом оказалась Плицкова.

— Согласна. Можно еще раз послушать майскую музыку, — сказала она.

В пение скрипок вплелись звуки виолончели, контрабаса. Снова загрохотали медные тарелки литавр. Голос победы — ликующий, словно сама жизнь, словно весна — не смог тем не менее напрочь заглушить боль души. Валерий тихо проговорил:

— Извините. Я присяду.

Сделав два шага в сторону от вяза, схватился за спинку деревянной свежоокрашенной скамейки. От аккуратных тесаных брусков сиденья, длинного и широкого в своей парковой просторности, несло смесью олифы и сурика. Осторожно положив ладонь на пряжку поясного ремня, нажав в подреберье, он присел на краешек скамьи. Запоздало провел рукой по бруску: высохла краска? «Кажется, порядок... у нас кругом будет порядок».

Пани Маржена, наверное, приняла происшедшее за особую приязнь майора к игре воодушевленного оркестра. Она сразу присела рядом и, поправив кружева на плечах, с подчёркнутым вниманием стала вслушиваться в краски симфонии. «На ваше счастье, — подумал Ладейнин, — олифа уже затвердела. Надо все-таки замечать: ремонт повсюду идет полным ходом».

Пан Витезслав музыкой своей не промахнулся, она вполне соответствовала прошлогодним майским событиям. В этом не стоило и сомневаться, вот только боль под ложечкой, поутихнув было, опять начала звучать в своем прихотливом регистре. Чтобы отвлечься, поставить препон сильному наступу, Валерий принялся вглядываться в оркестрантов.

Ага! Один из скрипачей вместо черного фрака и бабочки поверх белоснежной манишки нарядился в деревенскую кацавейку! Случайно? Нет, просто он приглашенный. Прибыл из соседнего селения, чтобы пополнить музыкальную команду города. Эге! Не он ли мчал сюда, крича во весь голос и погоняя коня, словно поспешал на пожар?

Картина вырисовывается однозначная, и говорит она вполне достоверно о вещах, имеющих отношение к недавней войне. Взгляни, майор, вон как раз на ту яму! Возле скамейки, где ты посидишь, она присутствует настолько убедительно... тебе ли, боевому офицеру, не знать, как образуется воронка после взрыва бомбы? Если были тут какие ямы, пахнувшие тротилом, в первую очередь их засыпали на улицах города. До здешнего сада руки еще не дошли. Не дотянулись в той неотложной степени, чтобы не только огладить парковую архитектуру, обновить лавки под деревьями, но и засеять аккуратной травкой — что любят европейские города — все пространство чинного сада.

Курорт с его оздоровительно бесспорной славой и вековой ухоженностью, видимо, не остался в стороне от боевых действий. Следы взрывов старательно стираются, это понятно. Но как ни прискорбно это звучит, не миновали потери даже местных музыкантов. Не все они благополучно остались в живых. И сегодня... кого-то удалось пригласить для участия в оркестровом непростом действе, кому-то не нашлось замены в местечке. Поэтому примчал на выручку деревенский умелец, да? Не скудна талантами чешская земля, а то, что не успели соответствующим образом обрядить сельскую помощь... ладно, все со временем образуется. Городское сообщество доведет до блеска музыку на свежем воздухе, не так ли?

Ладейнин зашевелился, чувствуя, как благотворно повлиял на организм психологически выверенный ход мирных мыслей. Покрутил головой, посмотрел сквозь кружево кроны в космические дали бездонного неба. И обратил внимание, как прихотливо обломаны свисающие ветки дерева — будто вам овечьим стригалом ловко выстрижены. «Не степное Поволжье, чтоб какие стригали здесь расхаживали. И ясно, что не отары в саду прогуливались».

Усмехнулся, глянув туда, где исправно тянул ноту оркестрант в кацавейке. Он ли, а может, и кто другой из сельских умельцев, запасался гибкими веточками вяза не баловства ради — по дотошной хозяйской нужде. Когда битюг тащил повозку с контейнерами, задний борт вовсе не дощатым оказался — плетеным из крепкой лозы. Как скреплялись давней памяти степные кораба телег? Плелись кораба из гибких веток вяза, и крепления прозывались как раз вязками. «Примем к сведению, здешние селяне тоже знают толк в вязовых поделках. Вот так поглядишь туда, посмотришь сюда, и обнаружится родное, близкое. То самое, что видится в твоём неотложном мае, уважаемый профессор консерватории».

— Крутите головой, — задумчиво сказала Плицкова. — Куда вы смотрите, хотелось бы знать, — в голосе была констатация факта. И одновременно прозвучал вопрос. Хоть въявь и невысказанный.

— Смотрю по преимуществу туда, где располагается оркестр.

Пани Маржена вздохнула, выказав согласие, соответствующее месту и времени:

— Кто в новом фраке, кто в старом...

— Кто в кацавейке, — добавил Валерий.

— Вы же понимаете. Тут история скорее грустная, чем смешная.

— Разъяснение понимаю и принимаю.

В словах офицера мысль обнаруживалась настолько четкая, что вряд ли кому-нибудь удалось бы догадаться, о чем довелось Ладейнину подумать: «Черт побери, опять меня прихватило! Вот как раз теперь и не мешало бы повеселить организм. Основательней надо гнать эту проклятую хворобу! Если кацавейку отпускаем погулять, почему не обратить внимание на контрабасиста. Давай, майор, жми себе под ребро. Хоть так, хоть эдак!»

В самом деле, толстяк с красной физиономией, во фраке, чьи лоснящиеся лацканы напоминали присутствующим о вкусе свиных отбивных в кляре, очень живописен.

«Ишь, какие пироги! Да он просто клоун!»

Психологически Валерий поступал правильно. Он отшвыривал, изо всех сил гнал прочь привязчивую боль, и она постепенно отступала.

«Эй, музыкант! У тебя ручки пухленькие, да? Пальцы выглядят короткими? Но еще короче у тебя рукава черного фрака. Манжеты с каждым твоим движением вылезают почти полностью. И почему у тебя такие массивные золотые запонки? Это некрасиво!»

Незаметно для себя он перестал искать смешное. Вроде бы даже начал злиться. И боль ушла. словно испугалась неистовости майорского самолечения.

«Музыка звучит другая. Что произошло?» — очнулся, глянул на Маржену вопросительно.

— Играют отрывок из оперы Яначека. Называется она «Катя Кабанова», — пани Плищикова склонилась к соседу по скамейке, милостиво улыбнулась: — Вам это должно напомнить кое-что.

Катя? Кабанова? Отрицать не приходится: нечто знакомое проглядывается. Однако никак не удается ухватить за хвост разгадку. Она промелькнула, тут же исчезла, и пришлось Ладейнину с ответной вежливой улыбкой ответить:

— Действительно, в имени и фамилии что-то есть. Не пойму лишь, каким эхом доносится. Бывает такое, пани Маржена?

— Бывает. По себе знаю. Ладно, раскрою вам страшную тайну. Опера написана по драме Островского «Гроза». Вспомните Катерину.

У Ладейнина вырвалось:

— Вот ведь! Разумеется, Катя... Кабанова. Не какая-то другая.

— Вас, русских, любят здесь. Не сомневайтесь. Однако вам лично — мой совет. К Мартине лучше не подходите. Я уже подсказала ей, как себя вести. И очень крепко не постеснялась, понятно?

— Зачем же... таким образом?

— Не желаю неприятностей. Вам и нам. Повторяю: понятно?

— У нас в армии говорят: есть!

Он поднялся незамедлительно со скамейки. Пошел прочь, выпрямившись, словно жестокая боль и не гнула его только что. Музыка Яначека продолжала звучать. Никто из сада больше не уходил.

На местечко из-за гребня Рудных гор надвигался вал черных туч. Слева, над скалистыми вершинами, гремел гром. Справа — к морским северным водам — несла свои быстрые гибкие струи теплая река.

— Люблю грозу в начале мая, — вслух произнес Валерий.

Остановился: это же двусмысленность! Глаза у него широко раскрылись, он глядел на растущие тучи, морщил лоб. Какая здесь еще черная гроза?

...Взрыв был ужасен. Он поднял в воздух рыжую подстилку под елью, сорвал, швырнул в небо зеленый убор могучего дерева. На Валентину, лежащую возле черного смолистого ствола, спустя пару минут упали комья земли, потом на обескровленно мертвенное, неподвижное лицо, на бессильные плечи рук слоеном легли зеленые хвоинки. И следом всё было обильно засыпано разодранной в пух желтоватой прелью — легкой, почти невесомой...

Часть III. САЖА

Близился конец пребывания майора на лечебных водах, неспешной чередой шли долгие сутки одиночества. Июльская неделя солнечных дней истаяла, растворилась в празднично теплом воздухе Центральной Европы, на смену пришла погода хмурая, довольно сырая. В окна теперь били порывы прохладного — с хорошо видимыми дождевыми каплями — свистящего ветра, невозбранно прилетающего с близких каменистых вершин. До солидной густоты облиственные, длинные ветки каштанов мотались пообочь городских строений на манер податливых болотных камышей с их мягкими, похожими на паклю, метелками. Иногда вихри, дружно прибывающие с горных поднятий, оказывались настолько упористыми, что стекла в комнате офицера внезапно принимались парусно выгибаться, подрагивать, заставляя раскачиваться приоткрытую форточку. В поспешности подсказывать к ней, чтобы в строгом наступе дать укорот вольному вихлянию, он не торопился... Сейчас о чем он думает в столь ранний час? Этот ничуть не старый по годам офицер. Потерявший семью в чересполосице кровавых военных годов середины двадцатого века.

Времена оккупации Дальнего Востока японцами далеко позади остались, однако хорошо помнится наставление отца насчет учебы в педагогическом заведении.

Ладейнин Гавриил был артиллеристом бронепоезда, погиб в одной из схваток с оккупантами, мечтая увидеть сына Валерия образованным человеком, учителем, а тот разве не постарался осуществить родительское пожелание? Более того — осилил вдобавок еще и дотошно строгие курсы военной академии. Он благополучно завел семью... только вот что нынче случилось... пропала она, что называется, бесследно. Близких надеется ли найти славянский воин, коль нет их по старым адресам? Если пропали они, канули по всем известиям, приходящим из России месяц за месяцем, в ту неизвестность, где бесконечная боль неминуемой потери?..

Последние дни в лечебнице, по правде говоря, оказались довольно беспокойными. Девушка, служившая тут, почувствовала родственную душу и в явности начала отдавать предпочтения молодому пациенту. Ладейнин не давал никаких поводов для выраженных симпатий со стороны юной Мартины, поэтому как раз нормально получилось, когда ее тетушка Маржена Плицкова увезла племянницу куда-то в горы. И от личных романтических историй не мешало держаться подальше. Надобно в порядке держать майорское самочувствие, в порядке настоящей оживительности новых известий хоть с Москвы, хоть с тех краев, где родина Вали, жены...

Гость курорта хорошо помнил ту прогулку: спутница-гид вовсе не отличалась неумолчной разговорчивостью, предпочитая просто идти рядом и в тихой смущенности опускать глаза. Они — сейчас это стало для майора почти достоверным фактом — светились девичьим, нежным, неслучайно радостным, счастьем... Не жюришь, племянница Маржены! Скоро уедет офицер, что невольно стал виновником твоей ссылки. Ты должна забыть его, а ему не миновать и дальше повсюду продолжать безуспешные розыски, справлять свою беду, которую, судя по двум долгим последним годам, никогда уже не избыть...

Стук в дверь. Ладейнин глянул в полуоткрытое окно: там за стеклом, сизым по причине изморосной влаги, клубы тумана дышали, шевелились над прелой землей, нагретой за прошедший день именно так — более, чем основательно. В комнату проникал запах соленого йода, морских водорослей, тронутых смертельным увяданием на дальних берегах. Наверное, очень сильно дохнул там, в довольно высоких широтах, Ледовитый океан. Оттого надвинулся на Фарерские острова туман. Чтоб от мшистых каменных поднятий быстро покатилося, полилось косматое млеко повдоль Северного моря. Добравшись до песчаных дюн южного бережья, оно споро принакрыло силезские полонины, заскользило в сторону сумрачного немецкого чернолесья. Однако низкие вершины Шварцвальда не смогли задержать его, поэтому поползло пахучее млеко в Чехию, в долину реки Огрже, а здесь... как было не забраться в сонные ущелья обширного Хебского хребта? Сильный аромат йодистой воздушной волны неудержимо начал подниматься вверх по скалистым кручам. В конце концов, туман, дышащий океанской прохладой и щедро наполненный запахом обмякших морских водорослей — познавших мертвую хватку белых дюн — пошел не куда-нибудь, но как раз прямо к окнам мирного курорта, к его безмятежно приоткрытым форточкам. «Не исключено, — подумалось Ладейнину, — так оно и происходило. А если в природе что-то, не слишком вразумительное, приключилось, то я не виноват. На улицах, чудится мне, пахнет просоленным северным взморьем, где вместе с командой русских и польских батарейцев довелось не так давно бить не желавших отступать черно-мундирных господ эсэсовцев».

Валерий к двери скакать не заспешил, поскольку никаких гостей не ждал в полшестого утра. Стук повторился. Он был в деликатности негромким. Достаточно при всем при том настойчивым. Закутавшись в одеяло, майор встал. Сыроватый сквозняк холодил пальцы израненной левой ноги, что были нещадно заморожены еще в зимнюю кампанию года сорок четвертого на Сандомирском плацдарме. Дернул за дверную ручку. Незамедлительно последовало четкое:

— Здравия желаю, товарищ майор! Разрешите обратиться?

В полутемном коридоре высилась фигура Семакова — на гимнастерке выделялись два ряда медалей. Обнаружившийся ефрейтор улыбался: и безбрежно, что называется, и от души радостно. Знакомый шустрый водитель из хоззвода части, расположившейся в Праге? Вот уж кого не ждали здесь увидеть! Шофер в свое время выполнил приказание штабного начальника: доставил майора в санаторий для поправки здоровья, но сегодня что за веселие приключилось? Срок пребывания в лечебнице офицера, которого вдруг начали преследовать хвори, не закончился — что есть бесспорный факт. Тогда выходит, что неожиданно большущая радость обозначилась в родном подразделении и там без Ладейнина праздник не праздник.

— Ефрейтор! — пожурил Валерий знакомого. — Ты бы еще посередине ночи обьявился!

У того не пожелала исчезать широкая улыбка после благоприятного путешествия:

— Прибыл без лишних задержек, хоть в предгорьях туманной мокредыни выше головы! Сей момент разрешите поинтересоваться вашим здоровьем. Опять же — напористо дождливая погода! Плащ-палатка пригодилась или как?

Рассердиться на такого живчика, шибко беседистого, ничего не стоило, зато стоило тут без промедления добиться от визитера нужной вразумительности:

— Через порог разговаривать не станем. Заходи в комнату. Объясни, почему вламываешься в санаторий с утра пораньше. Кое-кому в нашей воинской части надобно проведать о погоде в Западной Чехии, а также о самочувствии санаторного пациента?

— Позвольте доложить, — Симаков закрыл за собой дверь, спешно убрал с лица улыбку. — Здоровьем вашим интересоваться приказало штабное начальство. С тем я сегодня прибыл. И поскольку был наслышан о плащ-палатке, с которой вы уехали в горы, на месте оставив теплую шинель по причине жаркого лета, решил я узнать: бережет ли плащ-палатка ваши старые раны. Если что не так, сообщаю, что заодно привез шинель. Может, у вас имеются дополнительные просьбы?

Мирное время нынче, отметил мысленно Валерий, товарищи по службе имеют счастливую возможность, чтобы в доподлинной реальности проявить заботу о тебе, и нечему здесь удивляться, и не вздумай промолчать о том, как идут у тебя лечебные дела. Поразмыслив, он пришел к выводу: досужей или нет была чрезмерная оживленность знакомого шофера, зазря не хмурься, а выложи ему необходимые факты — раз потребовалось ввести командование в историю нынешнего твоего излечения. Того требовала дисциплина армейская, чтобы известить штаб о готовности к дальнейшему несению службы. О душевных терзаниях высказываться нынче, само собой, нет нужды: они год за годом лишь усиливаются, и чуть ли не каждый второй в загранице пока что имеет свои житейские неувязки, о них кто не знает в дружеском офицерском сообществе? Выяснив теперь, что Ладейнин вскоре благополучно сподвигнется на поездку из ущелья, богатого на минеральные воды, в достославную Прагу, как есть в прежнее казарменное пребывание, Семаков охотно сообщил:

— Что касается меня, инструктаж имею навестить по снабженческой обязанности еще два адресочка заодно. Также вернуться в расположение хоззвода для отчета именно что до темноты. Поэтому разрешите идти к машине.

Валерий вышел проводить его. Постоял, слушая, как фрейтор приводит за холодевший движок грузовика в чувство, потом внезапно понял: неплохо стало бы прокатиться с водителем до городской здешней окраины. Там узкая речка покидала извилистые улочки среди каменных нагромождений глубокого нагорного распада. Бурля и пенясь, свои беспокойные волны споро несла она по ущелью, чьи борта уширялись всё больше и больше. Пока не выбегала, отчаянно стремительная, в долинное понизовье того добросовестного потока, что слыл как река Огрже, где теплые плодородные прибрежья привлекали селян с их раздольно изумрудными посадками. Отчего не повидать столь интересное окраинное местечко? Затем будет можно повторить долгие шагания по местечку, чтобы отвлечься от сердечной той маяты, которой нет и нет исхода. Для надобности хозяйственной был в части выбран старенький автомобиль с рессорами порядочно поизносившимися. Неудивительно, что кабину трясло немилосердно. Заныла не только нога, но и спина, сильно посеченная снарядами осколками в наступательном прорыве через белорусские леса, и даже кость челюсти, которую в подмоховных боях задела пуля гитлеровского крупнокалиберного пулемета.

— Когда выедем на окраинное шоссе, тогда в месте подходящем вылезти можно.

— Выполню приказание. И как раз в охотку даже, потому как... ну, понимаете... желание стать вашим ординарцем не проходит... — Ладейнину пришлось хмыкнуть с укоризной. — Я ничего такого, чтобы вступать в пререкания, — быстро заговорил Семаков. — Дисциплину понимаю. А толки знай себе идут. У нас, к примеру, всему подразделению известно: трудные военные задачи щелкает вы, как орехи. Значит, быть майору в скором времени заместителем командира бригады. По технической части. Как раз на должности полковника.

— Вижу, фантазиями увлекаешься. Неясно только, зачем ведать потребно мне о пустых толках.

Семаков, чувствуя столь активное, столь большое недоверие пассажира, передернул плечами, заерзал на своем потертом дерматиновом сиденье, покрепче за баранку ухватился.

— Извините еще раз, товарищ майор! Однако у меня всё по существу, никаких придумок. Солдатский телеграф, он всегда и везде шустрит потихоньку. Мои земляки, полагаю, подметили кое-что, поэтому появилось у всех них соображение на тот предмет, что хорошее впечатление производите вы на кадровиков. Очень факт непростой обозначился, когда послали меня справиться о вашем здоровье. Мы, русские, в Праге постепенно сокращаемся, как велят мирные времена. Ну, а

вам дорога лежит в Германию, в городок Магдебург, он аккурат возле Потсдама, где приключилась конференция союзников.

- Ваш телеграф что-то чересчур хваткий.
- Я и говорю: шустрит.
- Всё вы знаете. Или, может, наоборот?
- Как это?
- К слову, ждет майора Ладейнина демобилизация!

Проворный водитель уширил глаза. По таковской удручающей оказии не просто передернул плечами, он вострепнулся не мешкая. Отреагировал не так чтобы очень бурно и всё-таки с очевидной старательностью, которая выказывала: уважаемый пассажир попал внезапно пальцем в небо.

— Да как же? Напрочь невозможно! Позвольте подробней доложить. Если в части высоко ставят товарища боевого артиллериста, то меня, обычного шофера хозяйственного взвода... нынче, при всяких сокращениях, готовят Семакова к отправке на родину. Он же в полную суть не против того, чтобы еще послужить. Когда в этой послевоенной Европе наша военная сила не лишняя, тогда пригожусь, может быть, и я где-нибудь. Что мне из армии рваться? Не женатый, без семьи. Вам, положим, ординарец станет в доскональности необходим. Поимейте, пожалуйста, ефрейтора в виду. Вдруг что не зазря именно моя машина была отправлена к вам в санаторий.

- На старом грузовике поедет с тобой в Германию?
- Шутите, наверное, товарищ майор. У нас и новенький «Студебекер» найдется.
- Ладно. Поживем — увидим, как оно будет.

Над бортом ущелья занималась заря. Сквозь малиновый туман проступал край солнечного диска, и в плотном сыром воздухе скрипичной струной тоненько, печально пел ветер. Валерий поддерживал разговор с водителем, но тревога в душе не проходила, даже почему-то нарастала. Возможная служба в иных краях стала тому непосредственной причиной. Самому себе надобно признаться: пускай всяческие беспокойства усиленно множатся, предстоящие изменения в служебных обязанностях вовсе не исчерпывают смуту в горячей голове. Свое дело артиллеристу, побывавшему в различных огневых бедствиях и круговых свинцово-железных навалах, сделать, выстояв стойчески, не в новинку станет, что бы там ни происходило ныне. На какую должность взаправду ни продвинут, она фронтовика, будьте уверены, не повергнет в смятение. Есть незадачи иные сегодня. Когда годами тебе нет достаточно вразумительных ответов со стороны ответственных инстанций, что совершить вопрошателю с неумолимым валом обжигающих соображений? Тут вряд ли станет подмогой твое умение в любых обстоятельствах с пушками, танками свободно управляться.

Задуманный моцион, столь долгий, закончился истинно что к завтраку, а потом день тянулся без происшествий. О фантастических предположениях солдатского телеграфа Валерий не вспоминал, и ночь пошла спокойно, безбурно: видений — чтоб тягостно мятежных — не было никаких. Спал, что называется, очень крепко, вмертвую. Скорее всего, по причине чрезмерно глубокой усталости не очень пока что здоровых мышц организма, потревоженных дребезжащими рессорами старенькой ефрейторской машины.

Поутру снова раздался громкий стук в дверь. Если Семаков с неожиданными новостями возвратился, подумалось Валерию, то почему бы ему не подождать, пока я тут не покончу с бритьем? Крикнул, на шаг отступив от зеркала:

- Пара минут!

Удивился, когда дверь перед ним распахнулась и в проеме показалась Марина Блажекова.

— Валерий! Вы не Ладунин, вы Ладейнин, правда?.. Как пришла на работу, — прозвучал извинительный тон в словах девушки, — тут сразу объявилась почта. Принесли три письма, и теперь я пришла к вам, чтобы сообщить. Одно из них Ладунину пришло, два Ладейнину. Мне, сами понимаете, нужно их без промедления зарегистрировать.

А ему отвечать надобно что? Слова его ничуть не скрывали догадки насчет того, насколько сильно сейчас взволнована служащая лечебницы:

- Перед вами, как видите, Ладейнин!
- Хорошо. Тогда пошла регистрировать, — юной особе уходить, кажется, не хотелось. — Потом принесу вам послания.

В ее речи наблюдались запиночки явственного смущения. Марина стояла и говорила именно что краснея. Однако потом, опустив голову, внезапно заторопилась прочь. То ли прибывшая вдруг Плицкова притормозила способную беглянку, то ли другое что задержало Блажекову. Но до завтрака свежих писем увидеть не получилось,

и во лбу взволнованного едока, быстро молотившего яичный омлет с паркой, то бишь с чешской колбаской, раз и за другим разом вставал вопрос: есть все-таки положительный ответ из города, родного для Валентины, или нет ничего подобного по-прежнему?

Выходя из светлой, освещенной солнцем столовой и намереваясь пройти в холл первого этажа, где от красных кирпичных стен, не успевших с утра прогреться, веяло вечерней прохладой, он споро миновал площадку лестничной клетки. Дальше не продвинулся ни на шаг: как раз возле большого квадратного стола с шахматными фигурами солидных размеров, стоявшими в беспорядке — поскольку даже заядлые игроки не упускали случая позавтракать — он встретил Мартину с двумя почтовыми конвертами в кармашке фартука.

Трудно ли было догадаться насчет того, что ему принесли? Не делая удивленного лица, с чистой совестью поблагодарив подошедшую девушку, он взял почту из ее рук и, конечно, мигом утерял все прежние мысли о том, почему юная особа не осталась в деревне, с какой целью вернулась назад, в санаторий, где и без Валерия хватало русских офицеров на излечение. Посмотрев, каковыми оказались обратные адреса на посланиях рядом со штемпелями далекой родины, он пробормотал: «Ответы на мои письменные запросы. Первым делом надобно узнать, о чем сообщает тот северный городок, куда обращался вторично».

Прислонившись к перилам серой бетонной лестницы, пробежал глазами уведомление директора лесопилки, где жена стала служить бухгалтером после того, как семья уехала, спасаясь от наступающих фашистов. В сорок третьем году объекты производства загорелись в результате самолетных налетов. Сдесяток штабелей готовой продукции ушло с дымом, и даже пришлось временно прекратить разделку сосновых баланов, поскольку из строя вышли пилорамы. Все занятые на производстве, местные и приезжие, подались кто куда, потому что работы для житейского пропитания уже не хватало в маленьком поселении. Валентина Осиповна Ладейнина, если судить по рассказам очевидцев, отбыла в родной город. О том, как сложилось дальнейшее у семьи Валерия Гавриловича Ладейнина, нынешнему начальству лесопилки неизвестно. Также не осведомлены те официальные инстанции — райсовет и управление местной промышленности — куда с кадровыми вопросами не раз обращалась дирекция.

Другое письмо — из города, где проживала ране жена — извещало: ни в сорок третьем году, ни в сорок четвертом, ни в сорок пятом от Валентины Осиповны Ладейниной документов не поступало, ни одного не было зафиксировано требования вернуть ей комнату в доме. Снова безнадежность подала свой шибко властный голос: по каким адресам Валерий ни пытался рассылать подробные просьбы, а результат один и тот же. Ничего теперь, видно в явственности, не поделать.

Опять у него дали себя знать фронтовые раны, более-менее залеченные. Тяжело задышав, он пошатнулся, присел на бетонную ступеньку лестницы, смял в отчаянном жгачом кулаке белые плотные листки убедительных весточек с родины. Девушка, заглядывая болезному парню в опущенное лицо, без промедления очутилась рядом. Слов утешения она ему не говорила, глаза ее были сухи. Что-то всё ж таки хотела произнести в порядке участливой поддержки, однако не решилась открыться в своих чувствах. По мере того как пациент лечебницы дышал с каждой минутой ровней, без того приглушенно хриплого надрыва, что вызывал у наблюдавшей тревогу, она стеснительно переводила притуманившийся взгляд в сторону. Пока взор, оставаясь неплакучим и добросердечно четким, не уперся в матовую филенку двери, ведущей в столовую. При всем том в девичьих глазах при желании заметить не запрещалось курортному гостю и неколебимое упрямство, и стойко-благородное сопереживание, что в несомнительности оказались присущими скромной Мартине: знайте все! не покинет она Валерия! никогда!

Неудивительно, что молодому человеку, выдавшему виды в сражениях и ныне потихоньку на ступеньке отдышавшемуся, внезапно удалось ощутить беспрекословно твердым — самому весьма непонятным — образом, сколь многосильно намерение юной особы облегчить, скрасить дни, оставшиеся ему на земле. Усилием воли прогнав смертную тоску, он привел мысли в порядок и задал тот единственно правильный вопрос, которой соответствовал всей логике местной жизни:

— Вчера уезжала с тетей в горную деревню. Будучи на прогулке, видел ваш автомобиль. Как мне стало ясно, ты пожелала себя уговорить надолго там остаться. Если так, назад в прежнее расположение почему вдруг прибыла?

Девушка безо всякого выражения, очень просто, всё так же прямо глядя в матовую филенку закрытой двери, начала рассказывать:

— Там нас ждала старшая сестра Маржены. Мы сели обедать. К столу пригласили мужа сестры, их взрослых уже детей, не спеша по-семейному ели суп с кубиками картофеля, с луком, грибами. И тетя рассказывала, как спасала меня от фашистских

палачей. Тогда как раз чешские патриоты убили Гейдриха, главу имперского протектората Моравии и Богемии. По всей Праге прошли обыски, уличные расстрелы, показательные расправы. Мои родители погибли страшной смертью. До вчерашнего дня оставалось тайной для меня всё в подробностях произошедшее, потому что школьницу берегли от ужасов кровавой бойни. Я уже два года как не школьница. После откровенной беседы у меня аргументы появились. Изложила их Маржене, и тетушкин знакомый отвез нас в город. Еще до темноты я успела сбегать туда, где за рекой стоят сельские домики с красными черепичными крышами. Заказала одной из хозяек обед и даже сама сварила кое-что для тебя интересное. Между прочим, готовить люблю, многое умею. Так что посидим с тобой за столом семейно, по-хорошему, понял?

С ответом Ладейнин торопиться не стал. Поднялся вверх по лестничным ступенькам, поглядел в окошко, что находилось на полпути от первого этажа ко второму. Там потихоньку пошло алеть стекло: разгулялось утреннее тепло, и по всему холлу заплескали апельсинового цвета пылинки, которым ничто не мешало учуять прибытие новой погоды на тротуары, а также в проемы зданий вдоль солнечного переулочка. От минуты к минуте жара теперь пустится набирать силу. В столовой к полудню распахнут все двери, окна, одновременно поплывут с кухни всепроникающие аппетитные запахи. У посетителей обнаружится резонное желание сменить плотные кители, цивильные пиджаки на легкие безрукавки. Однако так ли уж оно бездумно, напрочь беззаботно, здешнее санаторное пребывание? Вернувшись к солидно-квадратному столу, где хватало места для объемисто больших фигур, Валерий поставил рыжего, с золотистой мордой, коня следующим образом: высоченный черный король очутился под атакующим ударом. После чего майору осталось лишь произнести для девушки многозначительное:

— Шах! Этот исход, само собой, предсказуем!

Та молча покачала головой из стороны в сторону, и не чувствовалось в юной особе согласия на слишком решительные действия шахматного игрока. Не было в характере Ладейнина такого, чтоб отмалчиваться. Он постарался быть словесно убедительным:

— Тетушка категорична очень, да всё-таки нетрудно ее понять. Она считает, чересчур наши с тобой судьбы разные. Впереди мало хорошего, когда не послушаем опытную женщину. Почему верю Маржене? Как же иначе, если тоже знаю толк в судьбоносных бедах? Доводы старой женщины не просто по-семейному осторожные, весьма они значительные по мере житейских нынешних обстоятельств!

Склонившись к многозначительному рыжему коню, Блажекова что заметила? В положении атакующих и тех, кто защищался, не наблюдалось никакой особой осмысленности. Ну, и ладно! Нисколько не смутившись сим порядком, она смело — как у шахматистов полагалось, на бок! — положила хозяина черных, с его короной, в достоверности облезлой: вот тебе, нелояльный король! мат!

— В этом случае, Мартина... определенно мне знать нужно... какие аргументы, — майорская взволнованная задумчивость возмужала в очень заметной степени, — какие именно аргументы вдруг заставили тетушку отступить?

У девушки были соображения, о которых говорить не предполагала. Однако на сей раз позволила себе в подробностях высказаться:

— Мои родители получили в Праге известность как антифашисты. Никогда не скрывали, что достоин русский народ высокого уважения. Вслед за писателем Гашеком и его солдатом Швейком посмеивались над австрийским головой Францем-Иосифом. Ведь еще недавно тот отличался имперской уверенностью, будто навсегда чехи ему покорились. Гитлеровцы, захватившие Судеты, установившие имперский протекторат над Моравией и Богемией, тоже получили от нашей семьи свою долю неприязни. Маржене и мне удалось укрыться от пражского побоища в Рудных горах. Конечно, я благодарна тете за родственную помощь, за спасение, однако вчера там, в деревне, у меня произошло неожиданное — пришло понимание, что жить дальше буду с открытыми глазами. Школа теперь далеко позади. Я стала взрослой. Отныне решать свою судьбу мне придется размыслительно, по-настоящему, во многом лишь самой. Хорошо видно, у тебя, Валерий, большое горе, и оно столь велико, что задерживаются, не спешат уходить болезни, с которыми ты приехал в город. Сегодня моя очередь оказать человеку посильную помощь. Поэтому... в дом за рекой мы пойдем с тобой вдвоем. Через несколько часов в просторной комнате будет накрыт стол с праздничным обеденным угощением. Да, у меня родителей нет, однако... моя семья сможет получить надежное продолжение.

Очутился Валерий в положении, и трудном до невыразимости, и — по причине из ряда вон исключительной — довольно странном. Рядом находясь тут с решительной девушкой, обнаружил: на эту минуту вдруг растерял слова, необходимые для столь сложного разговора. Конечно, вернул черному королю вертикальность. Однако стоять у шахматного стола, играя малоубедительную роль заполошно-усердного противника,

представлялось ему занятием излишним, даже весьма нежелательным, поэтому в поисках необходимой деликатности принялся тереть подбородок. Наконец, нашел, по его мнению, верный подход к собеседнице, волновавшейся очень искренне — вплоть до румянца на щеках. Не следовало сейчас выказывать одобрение либо неодобрение. Для ситуации, непреклонно вдруг сложившейся, подходила только интонация недопонимания. Оттого нашел возможным задавать вопросы, где присутствовало нейтрально рассудительное здравомыслие:

— Извини меня. Слушал всё очень внимательно, история, о которой узнал, не могла не тронуть сердце. И хочется мне быть полезным в твоих жизненных затруднениях, но как прикажешь воспринимать речь насчет продолжения семьи? Что все-таки сегодня у нас получается? Помолвка? Без одобрения тетушки Маржены?

В свою очередность девушка, видя, как озабоченно Валерий подвинулся шарить у себя по карманам, поинтересовалась:

— Забыли взять платок? — в ее голосе прозвучала почти материнская заботливость: — Мой предлагаю взять.

Собеседник, доставая из форменных брюк клетчато-искомый, отрадно полотняный квадрат, выдохнул в явной мере непроизвольно:

— К счастью, не забыл! Нормально у меня всё! — одновременно дозволил себе ничуть не отвлеченно помыслить: — До чего разумная у меня спутница! И приметлива она, и понятлива! Путешествующую операцию, должен признаться, я незнакомую свершаю. Результаты ее сей момент представляются... если не шибко тревожными, то весьма непростыми!

Цель прогулки тем часом приблизилась. Одноэтажный дом под черепичной крышей встретил парочку радушно. Хозяйка, в белом платочке, в фартуке с россыпью оранжевых — аккуратно модельером упорядоченных — треугольничков, принесла и поставила перед гостями большую фарфоровую посудину с отварным картофелем, посыпанным огородной петрушкой. Поглядев на Валерия, не удержавшегося от того, чтобы снова достать платок и обеспокоенно потерять влажные виски, Мартина решила обрисовать картину в подробных красках:

— Всё будет так, как полагается. Мне известно, что не всякая пища подойдет пациенту санатория. Здесь я бы могла предложить жареную свинину с капустой и кнедниками. Хозяйка прекрасно мясо готовит. Скажешь, тяжеловата еда для твоего желудка? Конечно, поэтому не станем прерывать проверенный курс лечения, системного у нас в заведении. Видишь, какие приготовлены для обеда картофельные яблоки? Сама выбирала. Они особенно белые и вкусные, для них с грядки взята свежая сочная зелень, которая затем кипятком ошпарена и тщательно порублена. Уверена совершенно, тебе нисколько не станет после обеда хуже.

Разве имелись у Ладейнина предубеждения касательно аппетитно пахнущего угощения? Да никогда и нипочем, напротив — была у него та прежняя выраженная вкусовая приверженность, когда на фронте он и его сослуживцы с воодушевлением встречали походную кухню с тушенкой и густым овощным варевом. Именно по таковскому основанию дал волю празднично-веселым чувствам: во все времена уважаю, мол, картофель, хоть завлекательно жареный, хоть печеный! В любых, в том числе отварных, видах. Ему, доложил охотно, как раз по сердцу уемистое фарфоровое блюдо. С его ароматом, со всей этой душистой, ретиво пылкой обильностью готов управиться единым подходом и за милую душу. Жизнерадостная бойкость Валерия заставила девушку отрицательно покачать головой. Позволь, дескать, продолжать мне хлопотливые действия, хочу продлить наше застолье и заботиться о тебе дальше. Не нужно всё-таки налегать, наедаться безоглядно. Лучше учесть: будут новые блюда, и если много их появится на столе, то лишь потому... Она замолчала, и Валерий вынужденно поинтересовался: все-таки почему же? Девушка начала вслух размышлять: русский офицер... должен увидеть... должен... Ему пришлось вежливо настаивать: прошу прощения, увидеть мне тут необходимо что именно? Мартина смущенно улыбалась. Тут всё окажется вкусным! Она способная управляться возле горячей домашней плиты, разумеет достойно приготовить кушанья. Те самые, что по ее просьбе поставит на стол здешняя хозяйка! Ну, когда тебе приходится участвовать в беседе многозначительной, отметил для себя Ладейнин, не мешает легонько пошутить. Он отведал, поумерив аппетит, немного заветной картошки, улыбнулся: можно бы умять и второй кусочек, душа недавнего бойца хорошо знает, куда ей стоит нынче тянуться, но так интересны обещания знакомой девушки насчет новых блюд! Правильно рассуждаешь, был серьезен ответ Мартини, и посмотри: нам уже несут вареную пшенку с пареной тыквой. В местных огородах, если на солнцепеке, всегда вырастают приличные виды кабачков. Эти однолетние травянистые растения обладают отличными диетическими свойствами. Каши получаются действительно целебными для желудка любого пациента нашего санатория. Однако для тебя мое

блюдо станет в обязательности необыкновенно ароматным и сладким. Потому что из различных урожайных плодов, мол, я выбрала в грядках замечательную тыкву. Самую здоровую, самую лучшую. Коричневый кругляш рос на том пятачке, где было в избытке солнечного жара и влаги для чудодейственного роста. Понимаешь? Что ж, наступил черед второго угощения отведать! Валерий зачерпнул столовой ложкой солидную порцию и выразил немедленное согласие с кудесницей ловкого кухонного пламени:

— Нельзя не согласиться, запах весьма приятный, а этот медовый вкус, он поистине отменный!

На лице гостя отразилось удовлетворение столь явное, что кулинарная тема разговора сразу получила откровенную поддержку. Не желаю, дескать, скрывать, оживилась искательница огородных чудесностей: для семейного будущего мои способности окажутся очень полезными, я ведь не глупая, хоть никаких поварских курсов не кончала. Вот, например, возьмем десерты. Они же бывают разнообразных сортов. Одни — с фруктовыми сладостями. Встречаются также и с коржиками, пирожными, тортами. Увидишь иногда странные — с блинами и соленой рыбкой. Однако же известно: гурманы во Франции считают, нет ничего такого, что нельзя было бы к десертам отнести. Смешно, да? «Во Франции если, то как им там пожелается, — про себя Ладейнин пошел делать весьма важные, как ему представилось, выводы. — В конце концов, о тамошних гастрономических изысках весь мир осведомлен. Когда здесь некоторым европейским победителям фашизма выпал приличный случай заморить червячка, то почему бы сейчас благодарному гостю не взять и не подзаправиться?»

Он, конечно, постарался выглядеть вполне приятным собеседником. В голове при всем при том держал: кому как, а мне после медовых привкусов ничуть не помешает продегустировать, ко всему прочему, и толстый блин с ломтиком нашей северодвинской сочной семги. Но похвалить поварскую кудесницу невредно. Ишь ведь, что выходит касательно усердного девичьего самообразования! Охотно сообщает собеседница, насколько любознательна по юным годам. К новым у кухонной плиты знаниям большой имеет она здравомыслящий интерес. Подобная привычность позволяет девушке честно признаваться: имей в виду, боевитый фронтовик, повдоль жизни я кумекать не отказываюсь! Пороху, подсказывает, в допустимости пусть не выдумая, а кое-что на особицу толковое перенять сил хватит. Что ж, идущие от нее соображения в разумности весьма аккуратны. Беседа ныне ведется, если поглядеть, с готовым прицелом. Каким? А таким, что устроила обед как бы праздничный, поскольку для гостя нет речи о помолвке. И всё ж таки присутствует в словах умной хозяйки застолья намек более, чем настоятельный. В исключительности необходимый, потому что у Мартины сегодняшнее застолье вовсе не будничное мероприятие. Она погружена в неотвязные мысли о семейном будущем. И значит, говоря о гурманах, одновременно ведет речь о ныне состоявшейся помолвке, потому что всё, как оно есть и как должно сложиться в дальнейшем, у нее уже решено.

Валерий попытался шутить:

— Полагаю, десерты не обойдут стороной широкий наш стол. Жаль только, из кухни препожалует соленая рыба, а мне жареное либо шибко соленое... — ответ получил в моментальности быстрый, в оживленности энергичный:

— Про вкусное мясо я говорила. Конечно, рыбу, копченую или соленую, мы тоже не поставим перед тобой. А про десерт скажу так: приготовлен по моему личному рецепту. Сейчас то, что было заранее придумано мной, принесут. Учсть прошу, я всей душой надеюсь...

— Уверен вне всякой сомнительности, — заторопился объявить Ладейнин, — что изобретение предстанет в блеске наивозможного кулинарного великолепия.

Охватила его нежданная укоризна, оттого майору пришло на ум: «Черт побери! Откуда взялось у меня соображение, будто юная кудесница не изобретет пороха! Наверняка ее десертное чудо будет поистине волшебным. Иначе не случилось бы упоминания о разнообразных изысках любителей со вкусом поесть».

Скромно потупившись, Мартина пододвинула к Валерию блюдо, походившее на обыкновенную кашу, но исходившее нежным фруктовым ароматом — необыкновенно проникновенным, сладковатым парком. Всё оно было разукрашено сверху какими-то разноцветными дольками. Глубокую тарелку принесла расторопная помощница Блажековой и не упустила случая взять и лукаво заметить:

— На вид чрезвычайно мало какой особой поразительности, однако не пробовала ничего более вкусного!

Пришедшая женщина хлопотала у стола, улыбочиво давая радушные разъяснения. После чего уплыла за дверь гостиной, туда, где располагалась кухня с горячей плитой.

— Осталось местечко для овсянки? — сильно приметной гордости в словах

изобретательницы Мартины в явственности не наблюдалось. Была одна только уверенность: пожилая хозяйка дома не ошиблась даже на малый грошик. И почему Валерий не поддержать юную особу в ее превосходных кулинарных достижениях?

— Согласен, — в явственности на этот раз у гостя не появилось желания сыпать комплиментами, но всё же постарался участливо тонкой вежливости не утерять, — согласен отведать не одну ложку удивительной каши, — потянулся к блюду, наклоном головы и движением руки подчеркивая деликатную уважительность к юной мастерице, к высокой оценке ее труда со стороны чешской благорасположенной женщины.

Чередой пошли доброхотные подсказки Мартины: как можно заметить, тут использовались припасенные сухофрукты, в саду за огородом стоят старинные яблони, плоды хозяйка дома сушит каждый год... У собеседника проявилась если не комплиментарность, то уж в точности нескрываемая любознательность:

— Деревья обращают на себя внимание! Они очень большие!

— Старинные розмарины стоят, — в ответных словах была сиюминутно четкая уверенность: — Не перебивай. Дай мне рассказать всё в подробностях. Плоды груш и яблонь сушат под навесом довольно долго. Стараются, чтобы полезные вещества сохранялись в полном объеме. Понимаешь? Здесь верят в особую целебную силу горных трав и фруктов. Я попросила хозяйку отварить крупные отборные дольки и непременно подать тебе вместе с подогретой кашей, что необходима желудку санаторного пациента. Витамины, микроэлементы не упустят своего, через пять минут почувствуешь это...

Смолчать, не перебивать вопросами было невозможно. Валерий решил уточнить:

— Это? Что именно?

Девушка значительно посмотрела на гостя:

— Животворное благо! Большое добро для тебя!

— Здесь гастрономической промашки нет, — поспешил сказать тот, отправляя в рот до прозрачности желтый, на диво сочный ломтик розмарина. — Есть ощутительная благодать.

Вдаваться в разъяснения? Вряд ли очень было необходимым. В достоверности, однако, наблюдался факт — в раскрытое окно входило, ощущалось доподлинно свежее дыхание Рудных гор. Также молодая настроенность старых ельников и кустистых темно-зеленых можжевельников, настроенность на ту невыразимо вкусную целебность, с какой приветствует плодотворная чешская земля человека. Что говорила той минутой девушка? Наставительно продолжала свою речь, и ее радостно лучистые глаза с каждой минутой блестели всё ярче.

— Овсянка, если желаешь знать, сохранила лечебные свойства, — теперь в достаточной последовательности сведения излагались. — Розмарин тут усилил вкус, увеличил содержание ценных органических соединений в пище, которая санаторному пациенту до предела необходима. Видишь теперь, я многое в диетах понимаю. Пригложусь как хозяйка в твоём достойно приветливом доме.

Ладейнин положил в тарелку ложку с недоеденной кашей. Не потому, что десерт начал горчить, а потому... толчки в сердце стали в неправомерности болезненными: «Какая она заботливая, эта чешская искусница... какая добрая!»

Тем временем на высокогорных лугах близкого хребта летали пчелы, гудели, собирая нектар с венчиков длинностебельных цветов. Потом, следуя изгибам ущелий, они опускались в деревенские сады, где стояли облитые прополисом, пахнувшие пряным бальзамом домики ульев, и здесь, под огромными старыми розмаринами, летуны без усталости наполняли соты прозрачным, как слеза, медом, густым, особенно текучим. Легким прямо-таки до необыкновенности.

Послеобеденный час в тихой лечебнице. Вернувшийся к себе в палату майор задернул шторы, которые оказались плотно сдвинутыми, мешавшими воздуху в помещении получше освежиться. После чего решил замереть, остаться — недвижно постоять у широких стекол окна. И, наблюдая вихревые сдвигания-разъединения белых облаков над заречными высокими скалами, предался размышлениям: «Уже год как над Хебским луговым разнотравьем гудят лишь пчелы. Военные самолеты, бомбившие деревни и курорты возле минеральных источников, исчезли, словно сюда и не прилетали. Растаяли бесследно? Неужели навсегда? То, что здесь ныне происходит, нисколько не случайное стечение обстоятельств, а закономерность, обещающая всем нам долгое, очень долгое счастье?» На эти вопросы не успел сам себе дать ответа — ни единого, поскольку в дверь постучали. Приглашаем, дескать, зайти в кабинет опытного специалиста Томаша Фиалы, которому администрация доверила контролировать ход майорского излечения. Сможете там высказать свои пожелания, если, разумеется, они возникли за прошедшие в санатории дни.

В комнате врача было тепло, солнце нагрело буковый паркет пола, потолок цвета

сметаны, а также стены, где напротив стола Фиалы висел старинный — в пышной дотошности — gobelen с очень оживленной, напористо ретивой, сценой конной охоты на фоне отдаленной горной гряды. Надо полагать, здание тоже насчитывало немало довоенных годов, и не всегда оно использовалось эскулапами в своих целях. Если не убрали настенное украшение в какой-нибудь чулан сегодня, то лишь по причине выдающихся, особо ценных качеств полотна, в многоцветности весьма искусного. Доктор сразу приступил к расспросам:

— Лето есть лето. После дождей не исключается повышенный градус жары, товарищи майор. И в Париже, и в Лондоне асфальт внезапно поплыл на улицах. Не слышали?

Не довелось прознать, но подобное возможно, доложил Валерий, после чего принялся делиться теми ощущениями, что сопровождали процесс поправки здоровья — в полном соответствии с ворохом проблем, раз потребовалось их без промедления довести до сведения словоохотливого собеседника. Пускай тот в доподлинности знает: на сей день путешествующие пешехождения не утомляют пациента. Больше того — мускулы ног, напрягаясь при подъемах на гору и при спусках к реке, начали требовать продолжения прогулок. Дескать, вышагивай, доставляй нам удовольствие бодрящего, ничуть не утомительного движения вниз и вверх по набережной! Повдоль всех этих живительных струй, без перерыва убагловывающих посетителей в павильонах минеральных источников. Мышечная активность обладает изумительным свойством. Если ей удастся отзываться глубоким дыханием груди, умиротворенным теплом в тех частях организма, где прежде гуляла боль, если приметит ее полезное влияние в сотворении телесного и душевного подъема, тогда как умолчать перед внимательным врачом о ней, о ее способностях, о неожиданных физиологических подвижках в излечении?

Ладейнин удивлялся своему до странности быстроватому перерождению, поэтому не заохотился удерживаться — поведал доктору о новых ощущениях. Нашлось ли в его рассказе местечко для радельно усердной Мартины? О юной особе, ревностно заботливой, он счел необходимым промолчать: не то чтобы постеснялся о своих непростых чувствах распространяться, а просто ее семейные устремления ему представлялись чересчур деликатными, не нуждающимися в широком круге дотошливых обсуждений. И всё равно тема, которую затронул пациент из далекой русской стороны, стала для Томаша — годами заметно моложе майора, но успевшего против гитлеровцев повоевать вместе с бойцами чешской армии генерала Свободы — без сомнения, важной. Доктор с воодушевлением принялся развивать свои наблюдения в деле санаторного ухода за гостями:

— О, была твердая уверенность у меня! Спросите, какая? Питье воды из колоннады минеральных источников, продолжительная ходьба пешком творят чудеса. Недаром навещал нас замечательный композитор Дворжак.

Наведение порядка в человеческом организме, пришла к Ладейнину догадка, не для каждого владельца диплома станет волхованием, по-медицински обязательным, поэтически высоким. Для одного в длинных годах — рутина, связанная с процессом оформления бесконечных учетных карточек по требованию надзорных инстанций; для другого — в реальности утомительно простой, зачастую слишком долгий подбор лекарств от больничной аптеки. А для Фиалы это стало жизнью, именно потому философически наполненной, что заимел счастье даровать пациентам верное, здоровое на все сто, долгое на земле проживание. Томаш весело излагал свое целительное кредо:

— После того как вы свой регулярный стаканчик выпьете и погуляете по нашим городским дорожкам, у вас начинается подъем в деятельности желез внутренней секреции. Всего полчаса пройдет, однако вдруг образование желчи резко возрастает. И через час-полтора этот чудесный процесс уже там — в апогее. Разумеется, вам не стоит беспокоиться насчет столь бурного волшебства, волшебного устремление организма вскоре ослабевает. Тогда, может быть, у вас появится такое желание, чтобы оздоровительный эффект не исчезал, продолжал приподнимать до новых высот жизненные силы тела и души? Да ведь здесь никто у нас не возражает: повторный прием минеральной воды возрождает замечательный эффект в полном объеме. Учтите, никаких побочных вредных результатов не последует, никаких не наблюдается явлений, истощающих организм. Что мы с вами в итоге имеем? Исключительно полное промывание, говоря по-простому, внутренностей того, кому предписано тщательно наладить функционирование желудочно-кишечного тракта. Итак, всё по необходимости приходит в определенную норму. Моя речь заставила вас чихнуть? В подобном случае я доволен. Со всей ответственностью заявляю: будьте здоровы!

Не имея нужды спорить, Валерий с готовностью откликнулся:

— Спасибо, непременно буду! Есть у меня уверенность. Как раз в благоприятном соответствии с вашими действенными пожеланиями.

Вспомнил при всем том о прошедших двух неделях в санаторно-дружественном ущелье Хебского хребта. Мысленно позволил себе назревшую отгадку: «Мартина вскоре после нашего знакомства, кажется, норму подготавливала, определенную, как раз именно свою. Перед тем как устроить обед, она показывала мне городские примечательности и между прочим поинтересовалась кое-чем. На вопрос, нравится ли мне чаевничать, я дал утвердительный ответ. И тогда что сказала она? «Неплохо бы нам выпить по чашечке — с вареньем из крупных ягод моравской рябины и тонких долек яблочного розмарина». Да, упоминалась моравская рябина, и затем случился он, обед. Очень даже хороший... Всё приходит в норму, — теснились в голове майора соображения. — Засыпаются воронки, следы войны в местном парке. Там, где маэстро Дворжак ранее бывал. Недужные забывают о надоедливых болячках, потом — глядишь! — в парке опять звучат музыкальные инструменты, и мирная жизнь утверждается в громких мажорных аккордах. Томаш, молодой врач, соплеменник Дворжака, считает, что именно так оно есть, так должно быть по-человечески, всегда. Не хочется ему думать иначе. Наверное, он прав, потому что весьма убедителен».

Ближе к вечеру ярый солнечный жар поутих. Если в ущелье, где в непрестанности били минеральные ключи, пошла нарастать сумеречная прохлада, то в краях лондонских либо парижских асфальт на улицах, небось, тоже поумерил горячее желание безостановочно плыть.

Перед ужином Ладейнин, уйдя от Фиалы и благополучно пройдя некоторые лечебные процедуры, мыл руки под краном в своей комнате. Подрагивала фарфоровая четырехугольная розетка по причине упористо-мощного напора воды. Ею, крутанув, можно было еще вчера с легкостью перекрыть тонкую струйку, но сегодня он, водоток подземного происхождения, с очевидностью набрал энергию, куда какую задорную. Струю, до удивления быструю и толстую, нынче перекроешь, только если приложишь тут силу. Что, братья славяне, дотошливо подметил Валерий, окончательно справились с мороккой? С этой покосившейся башней, куда не так давно залетали осколки бомбометаний. Ремонт в разгаре, но ясно, что в один день водонапорные устройства не отремонтируешь. Зато с теперешнего часа все городские власти право заимели отмечать: краны в местных домах готовы гудеть вполне по-рабочему. Не хуже, чем в столице, в золотой Праге. Там, где Влтава, обильная в достославности, и думать не думает о запинке в снабженческом усердии.

Положив обмылок в лиловую пластмассовую коробочку, он ополоснул пальцы. Щелкнул крышкой с вензелем, исполненным затейливо-синей латиницей. Руки поскорей вытереть полотенцем? Вот оно — сухое и жестковатое из-за накрахмаленности, пристрастной, санаторно ревливой. Взяв мыльницу, приметил: к вензелю прилип кусочек желтоватого мыла. Того самого, которым одарил в дорогу старшина хозяйственного звзда. Небось, водитель Семаков надоумил начальство расщедриться: коль есть мечта пробиться к офицеру в ординарцы, то почему не расстараться нацеленно? Ефрейтор, конечно, парень вполне себе не промах, но вот взял, будто Ладейнину очень повышение по службе надобно. А здесь... о семейных обстоятельствах поди голову поломай. Всё довольно серьезно у Мартыны, и ты, случившийся тут майор... Рассердившись на самого себя, нахмурившись, он протер выпуклую латиницу, положил коробочку в ящик прикроватной тумбы. Мыльница — неплохая вещь, прочная и даже до некоторой степени приметно искусная. С ней связано событие одно. Коробочку приобрел на стихийной барахолке когда? В июне сорок пятого в поверженной германской столице.

Первое послевоенное лето. Меж полуразрушенных зданий бродят женщины, которые с трудом верят, что прекратились обстрелы домов и больше не нужно в сырых подвалах отсиживаться. По улицам ходят усиленные патрули солдат-победителей, и день за днем с виноватыми лицами женщины, а также старики, выстраиваются в очереди к походным — прибывшим с востока — армейским кухням, где всем желающим выдают перловую кашу. Однако еды, видимо, некоторым хотелось побольше: кое-кто из горожан стал подторговывать всякой всячиной. На перекрестках, вдали от центральных улиц, начали появляться те желающие, что с охотой меняли домашние вещи на хлебные батоны, заодно и на папиросы, на бруски хозяйственного мыла. Там однажды Валерий приобрел по случаю коробку-мыльницу с латиницей на крышке. Вежливая тихая старушка объяснила ему в манере школьной учительницы: нидерландская вещица, весьма невредная, возьмите коробочку, пожалуйста, вряд ли она сегодня человеку станет лишней, ведь в мирной обстановке полезно чаще заботиться о здоровье и перед едой мыть руки. Ладейнину захотелось приободрить скромную, на вид очень бедную, женщину. С ней поделился он парочкой сухарей из своего походного сидора. Разумеется, не поленился высказаться: действительно — в

городе с нормальными условиями жизни пока что напряженка, не хватает санитарных препонов, чтобы напрочь отшить всех нехороших микробов, однако ведутся уже работы в нужных направлениях.

Старушке понравилось обхождение, она кивала согласно. В то время как ему, разглядывавшему латинские буквы на приобретенной мыльнице, надобно было закрыть рот на замочек. И он постарался умолкнуть, потому что рвались на волю слова чересчур пафосные, неуместные тут, на голодной барахолке, где взгляды некоторых торговцев буквально на части раздирали его тощий сидор. Если о чем сказать хотелось, то лишь о невзгодах европейских народов: «Голландия! Ты в прежние годы — обозначившись маленьким пластмассовым изделием — очутилась в Берлине. И вскоре, через кровь и смерть военного времени, сколько всевозможного иностранного добра осело в германской столице! Ясная затем ситуация возникла: награбленное отдавать положено. Ан вот какая штука! Простенькое приобретение культурной учительницы, честно когда-то привезенное в Германию, должно с хозяйкой расстаться. Понятно, справедливость нынче торжествует касательно захваченных богатств, всё же и честность людская, ни в чем не виноватая, за компанию бедствует. Не в силах никто здесь в немедленности остановить хаос жуткого смешения добра и зла. Если только придет когда-нибудь пора счастливого разумного порядка на многострадальном континенте».

Черты лица давней собеседницы в памяти стерлись. В точности с Валерием остается только небогатая коробочка. Она путешествовала не один послевоенный месяц. В настоящее время добросердечная вещичка, покинув изумрудные польдеры Нидерландов и ныне гигиеническую новую силу обретя, добралась до гор Чехии. Теперь что же? Глядишь на мыльницу и так себе полагаешь: ей в российские края не мешает отправиться, там повсюду налаживается нормальная мирная жизнь!

Неужели никого из семейства Ладейниных нет в живых? Задвинув резким толчком ящик тумбочки, Валерий сел на кровать. Со стороны глядеть — приводил дыхание в нормальный ритм, словно только что преодолел по крайней мере марафонскую дистанцию. И что упрямо стучало в голове? Лишь болезненное, до невозможности обидное: не осталось никого, не осталось, не осталось!

Решительно поднялся. Надо было двигаться, и он, вздернув подбородок, пошagal в темноватый, по-вечернему тихо таинственный холл первого этажа... Нужно решить задачу. Разумеется, такую — о новых намерениях, о дальнейшей дороге, не лишней для успокоения болезненных ощущений в том виске, где когда-то кусок металла, прилетев от врага, скользнул вниз и попытался раздробить челюсть.

Снизу, от столовой донеслось погромохиванье. Или точнее — хлопотливое позвякивание пустых стеклянных стаканов, перемежаемое стуком вилок, ножей, ложек. Они обретали положенные места на законных вечерних столах. Ладейнин пошел было в иную сторону, вовсе не туда, куда всех влекли явственные звучанья из помещения, что предназначалось для активного приема пищи. Ему сейчас понадобилась активность другого рода. Возжелалось так шагать, чтоб кровь быстрее гуляла по телу и гнала прочь и мысли бедующие, и болезненно-колющие толчки, обжигающие некогда измолотые кости лица. Не заметил, как очутился в холле, где уютно расположился в дальнем углу большущий раскидистый фикус. Остановился — что за персону прячется позади экзотического растения у стены?..

За фикусом стояло кресло, обитое темно-красным плюшем. Кого никоим образом не думалось встретить в укромном углу, так это ее, тетюшку Маржену. Вдоль стены — перед четко выстроенной анфиладой оконных проемов — подюжины пустых стульев, однако родственница Мартины выбрала себе в отдаленности место истинно малозаметное. Какая нужда привела ее сюда, за темно-зеленую завесу разлаписто мясистых листьев старого фикуса?.. Не говоря ни слова, взял стул, подсел, поздоровался подчеркнуто вежливо. Маржена ответила ему с неменьшей вежливостью, но заводить разговор не заторопилась. Ей, видимо, с недавнего времени стало совершенно ясно: развитие отношений офицера и душевно устремленной племянницы приобрело ту форму, когда нарастающее беспокойство наблюдательной стороны заставляет делать выводы в нежелательности очень определенные. Пожалуй, мысленно доложил себе майор, правда своя имеется у женщины опытной, возраста достаточно преклонного. Однако не помещает в череде теперешних событий подумать и о том, насколько маловажными станут усилия по возведению непреодолимого барьера, коль смелая Мартина горит желанием преодолеть преграды, хоть довольно серьезные, хоть уж непомерно внушительные — для создания ею, вопреки огромным мировым пожарам, очага маленького, скромного, ан вполне семейного. Более того, родственникам не лишне будет рассматривать ее поведение как знак интуитивного противления новым страшно масштабным возгораниям.

Он счел необходимым — в меру философично, как можно деликатнее — довести свое понимание ситуации до нахмуренной тетюшки, но продолжить беседу на отвлеченно гипотетической ноте у него не получилось. Немногословная Маржена с каждой минутой всё приметней возбуждалась, сердито краснела.

— Вы, русские, — подвинулась она высказываться, — дорожите поговоркой: дружба дружбой, а служба службой. В естественности, не лишена она смысла. Моей племяннице поэтому необходимо уезжать в Прагу, пора поступать в университет, получать достойное образование. Майору, как я полагаю, надо военную карьеру делать. Для подобного результативного намерения есть все основания, разве не так? Ваши солидные командиры не позволят чешской девчонке поломать человеку офицерское продвижение по службе. Ради бога, давайте остановим упрямое, до предела нелогичное развитие скандальной обстановки в лечебнице!

Валерий увидел в разномыслии четкую движенческую устремленность в пустое препирательство и придержал коней, как говорится. Да, не услышала беседчица от него дополнительных аргументов мудрой, проникновенно глубокой правоты. Минуты две он, упулив задумчивый взор в гущину облистненного фикуса, молчал.

— Давайте искать выход сообща. Вы должны меня понять. Если чешская женщина знает русские поговорки, то поприветствует насущную правду насчет того, что одна голова хорошо, а две лучше.

Строгая женщина подалась вперед. Ладейнин проследил направление взгляда Маржены: там, за фикусом, за разлапистыми листьями, вдоль противоположной стены холла кто-то быстро шел. И как раз не в столовую, а в очевидном противоположном направлении.

— Плохо видно? — голос собеседницы дрогнул. — Не напрягайте зрение, не двигайтесь. Без лишних слов подскажу, чьи туфли столь быстры там. Моя племянница торопится попасть в комнату вашу. Нажав ручку двери, она войдет, чтобы остаться. Не захочет выйти, потому что...

Валерий вскопал, словно его подбросило тротилом. Недомолвки здесь все-таки ясны, оттого заговорил горячо.

— Стоит принять во внимание, ведь почти явственно стальной осколок пришелся мне по голове, не иначе. Так что понимаю вашу, Маржена, тревогу. Поэтому, будьте уверены, у меня договоренностей не было никаких с Мартиной.

Голос пожилой собеседницы в откровенности затвердел:

— Не нужны оправдания, ничего не говорите, без промедления сядьте! В чем здесь дело, мне лучше знать! У нас был с ней спор... даже не спор, а другое... она вдруг заявила, что с нынешнего дня считает вас мужем своим!

— Не вижу логики. Ничего не понимаю, — решительная лаконичность собеседника предполагала, что разговор должен сейчас же окончиться. Но теперь в голосе тетюшки послышалось уже нечто многовластно твердое, в непреклонности каменное.

— Что, простите за грубость, объяснить? Останется девица у вас. Жить вы станете как муж и жена. Семейные отношения оформите завтра или послезавтра. Короче говоря, заведомо позже. Тогда, когда всё будет разрешено в соответствии с общим порядком вещей. Нет, это невозможно! Получит молодница у меня жесткий, весьма наставительный выговор.

Вполне допускалось, что назидания именно сегодня примут чересчур серьезный характер. Оттого майора, что называется, кинуло в пот, и он поспешил поточней обмыслить ситуацию. Возражать боевито настроенной Плицковой? Вряд ли стоило, но и сводить все к шутке было неразумно.

— Уважаемую тетюшку Маржену прошу мнение мое учесть. В теперешних событиях вижу причинную взаимосвязь с жуткими годами войны. У людей не только в Чехии, в Европе повсеместно, утвердилось понимание обездоленности. То есть избежать гибели оказалось трудно до невозможности. Оттого устремленность к жизни, к счастью, к семейному благополучию в наши дни возросла столь заметно... Давайте простим Мартине. Я сейчас пойду...

Обеспокоилась весьма громко в своем кресле соседка. Прозвучали слова, похожие на приказ:

— Сидите здесь на стуле, как сидели!

Ему стало жалко девушку: как же она там? Тетюшка выказала сердитую непреклонность:

— Подождет! Затем отправится туда, откуда пришла, и будет она исключительно твердо знать всё!

Ужин кончился, а две настороженные фигуры в безмолвии по-прежнему пребывали в холле. В углу за лиственной гущей темно-зеленого фикуса. Что произошло впоследствии, по истечении тревожного получасового периода? Мартина, опустив повинную, всё понявшую, бедовую свою голову, исполнила предначертание строгой

родственницы — медленно прошла у дальней стены туда, откуда пришла.

Два дня в санатории не было работницы по фамилии Блажекова. Провалилась ли сквозь землю Плицкова, отплясывая назидательное свое победительство — это вряд ли, характер у нее всё-таки наблюдался не развесело танцевальный, а в повседневной строгости практичный и в меру предусмотрительный. На третий день вечером Ладейнин сидел на лавочке возле входа в здание: ждал не появится ли хотя бы сегодня кто-нибудь из них. Из-за угла вывернулась знакомая «Симка». Машина притормозила, из кабины выскочил ефрейтор. Вид имел поспешно встрепанный, радостно взъерошенный. Семаков подбежал к лавочке, выпалил заранее приготовленную речь:

— Ваша семья нашлась. Жена письмо написала в большой военный комиссариат Москвы, а там быстро подсуетились. Сейчас жена и сын интересуются документом, официальным вызовом, который позволит им прибыть к вам в немецкий Магдебург. Дело в том, что вас, товарищ майор, назначили зампотехом в тамошнюю бригаду. На полковничью должность. Разрешите доложить: нынешнее начальство приказывает вам без промедления приехать для оформительной процедуры положенного отъезда. Я ведь не понапрасну примчал. За вами как раз!

Кажется, центральную часть Европы снова накрыл дождевой фронт. По мглистому низкому небу внезапно стала вливаться в ущелья Рудных гор сплошная темная облачность. Валерий видел, как вдоль скал, где располагался курорт, всё ниже, ниже опускалась туча, задевая сизыми космами остроконечные крыши домов, как начала она покрывать сероватой изморосью близкий сквер. Ударил гром, обнаружился ливень, и тут же вспенилась пузырями — и в очевидности влажными, и в обильности радужно переливающимися — асфальтовая дорога, уходящая от бортов реки вниз, в долину Огрже.

Сияя добрыми глазами, Семаков улыбался: глядел на Ладейнина и понимал, что его всенепременно возьмут в ординарцы к офицеру, как есть не демобилизуют в западе всяческих послевоенных сокращений, обязательно место найдут в армейской привычной обстановке. Гимнастерка шофера, туго стянутая поясным ремнем, быстро впитывала щедрую влагу небесную, отчего соответственно потемнела, утерала аккуратную форму, обвисла немилосердно. В свой черед сапоги спорого посланца — ради праздничного дня начищенные ваксой до аспидно угольного колера — заторопились принимать с колен юркие холодные ручки. Ефрейтор, несмотря ни на что, чувствовал себя превосходно, радуясь и за майора, и за себя, коль нынче им показана во всей возможной скорости вполне доказательная служивая расторопность. Яснее ясного: водитель трофейной «Симки» думать не думал рассматривать свое будущее пребывание в строю как нечто из разряда несбыточного.

Также и в комиссариате Москвы не увидели ничего странного в том, что произошло с семьей офицера Ладейнина, поскольку по меркам войны перипетии, обрушившиеся на всех эвакуированных, были в обыкновенности те еще затруднения — проще говоря, не имели дозволительных границ. Особенно часто страдали мирные поезда. Состав стареньких вагонов, в котором ехали Валентина, жена майора, и сын Валерий, попал под удар фашистских бомбовозов. Пассажиры, после того как взрывы повредили локомотив и разбили рельсовое полотно, бросились убежать подальше от железной дороги. Спасительный ельник высился в сотне-другой метров неподалеку. Там Ладейнины приметили густое мощное дерево, под ним остановились, чтобы перевести дыхание, однако прилетевший гитлеровский тротил разметал, казалось бы, надежное укрытие...

...Прошло какое-то время, Валерка очнулся. Не сразу понял, что произошло. На сию минуту было тут холодное росное утро или наступил вечер — мглистый ветренный, с капельками дождя на стеблях поникшей медуницы — откуда ему в доподлинности знать? Всё ж таки почувствовал: железная дорога опустела. Не доносились оттуда ни людской говор, ни стук монтерских ломиков. Ни пыхтенье прокопченного паровоза, ни пенье телефонных проводов, которые обычно тянутся повдоль стальной колеи и поют на ветру тоненько, будто юркие овсянки. Он вывернулся из вороха еловых иголок, что густо усыпали его руки, ноги, всю поблизости землю, взрыхленную бомбой. Приподнялся, пытаясь рассмотреть поезд на рельсах, и не заметил там ни одного целого вагона. Время, что провел он в бессознательном состоянии, было мастеровитыми ремонтниками потрачено с толком — они восстановили рельсовую колею, увели покореженный локомотив в станционное депо. Люди, уцелевшие в дикой мясорубке, сами подались к ближайшему действующему полустанку. Убитых, раненых вывезли путейцы дрезинами. И теперь только оборванные телефонные провода сбочь дороги печально смотрели в мрачное небо, которое собиралось заплакать, пролить холодные слезы на сизую пустынную даль холмогорья — оно вставало на горизонте неровной

парусной эскадрой.

Видели многие уцелевшие пассажиры верхушку старой ели, облетевшую после бомбежки. Однако им трудно было понять, каким образом тут мог остаться в живых мальчишка, почему спасательная команда не догадалась раскопать ворох ломаных веток, измочаленной хвои. Шли медленные за часом час. В мертвой тишине почудился Валерке вопрос: «Неужели ты очнулся, парень?» Необходимо было подниматься. Он встал, покачиваясь, через силу, нервно дергая желваками на каменеющих, в кровь исцарапанных скулах. Не сказал ни слова, но в его затрудненном дыхании, в молчании — где всё длилось и длилось осознание вопросительности холмогорья, неба, телефонных проводов! — имелся немой ответ: «Как уцелел, не пойму» Сколь долго стоял бы в ошеломлении мальчишка, неизвестно. Да хорошо, что заметил мать невдалеке, за соседним деревом. Ее завалило хвойными ветками, землей, травой так сильно, что лишь край головного платка, знакомого до боли, вырисовывался возле посеченного стальными осколками вековечно-мшистого ствола ели.

Ему стоило немалых трудов откопать пострадавшую: мешала жуткая слабость, однако примерно через полчаса все ж таки удалось высвободить ее. Положил пленницу насыпного кургана, почти бездыханную, на пригорок, подsunул под голову свой потрепанный пиджачок, пошел искать деревню в малознакомой дали поваленных елей: найти бы лошадь с телегой, а иначе как доставить мать к врачам? Пробиравшись через бурелом дело весьма непростое, поэтому продвигался поначалу медленно, но потом в лесу развиделось, Валерка отыскал тропу, в мелких лужицах которой явственно читались рифленные отпечатки резиновых сапог. Теперь как не воспрять духом? Он, конечно, укрепился, получив поддержку случая, и побежал повдоль следов, всё вперед и вперед, не жалея ног. Тропа вывела его к местечку, где проживал здешний служитель, преклонных годов человек, приглядывавший за сосновым бором.

Жилье встретило лаем большой лохматой собаки. Хозяин сторожки, выйдя на крыльцо, балясины которого потемнели от солнца и дождей, догадался, кого принесла нелегкая, и без долгих разговоров вывел со двора лошадку, запял ее в свой повседневный возок. Затем помог парнишке, до предела уставшему, забраться на древнюю медвежью полость, кое-где вытертую до заметных проплешин. Вразумлений подходящих не найти в дорогу — нипочем нельзя, вот и подбодрил пацана:

— Мамашу привезем в обязательности. Также лекарскую подмогу окажем, не сомневайся.

Вернулись нескоро, почти в совершенной темноте, и Валентина Ладейнина с расторопным сыном остались в доме доброго человека переночевать. Утром мать Валерки очнулась, попросила пить, однако не выказала понимания, что за мальчик возле нее крутится, к тому же совсем не помнила, какая беда накануне произошла с поездом. Напрочь исчезло у нее знание насчет того, где муж ее, майор Валерий Гаврилович Ладейнин. И — кем она является. И — куда направлялась по железной дороге. Хозяин жилья сочувственно головой качал, подступая к необходимому разговору. Когда назревает дотошная беседа, тогда не след ее откладывать.

— Что, паря, делать станем? — спросил доброхотный боровой жилец, задумчиво поглаживая рыжеватую бородку и щуря выцветшие от старости глаза. — У меня если вам с матерью остаться до ейной полной поправки? Ведь прокормить не смогу. Не ждал гостей, да и речи не теряла болезная-то. Ничего не помнит она? А ты держись, не теряй способно разумного соображения, потому как это у нее контузия. Право слово, должна пройти немочь. Требуется подождать. Желает, доставлю туда, где станция стоит как есть целый? Вам помогут там проехать к родному гнезду.

У парнишки сразу ответное соображение:

— Какое гнездо? Дом остался позади, я теперь в точности не знаю, куда мама хотела податься!

Ан у пожилого мужичка вдумчивое готово подсобление беседчику:

— Ты, малый, брось отчаиваться. Как такое может приключиться? Нет никого из родных, что ли?

— Знаю только про нашу бабушку, — получил ответ. — В деревне обитает она. Точнее если, то живет на маленьком хуторе, вдали за Волгой. Отсюда, что называется, долгая станет лесная тропинка.

Дедок уже в полной размыслительности насчет вспомоществования:

— Доберетесь все равно! Вам денег дам на дорогу, поделюсь, но только в непременно, паря, двигаться надобно... к этой, к бабке... к хуторской проживательнице, понял?

Помнил ее Валерка вседневно хлопотливой, маленькой, по большей части молчаливой и всегда отзывчиво доброй. Поэтому позволил себе высказаться:

— Никакая не бабка она хуторская! Просто мамина старенькая родительница, и трудно вскопать огород ей одной, оттого помогает обычно пожилая соседка, имя

которой Настасья!

«Ишь, какой возник тут у меня занозистый паренек, — усмехнулся милосердно-помогательный беседчик, — а ведь всегда имеется у строптивца расположение уважить старость. Мы, которые в годах, понимаем таковскую усердность».

— И здесь тогда передо мной выступать чего? Зазря шибко стараешься.

— И ничего я не стараюсь. Просто пускай будет всё по справедливости.

У хозяина лошади проявилась укоризненная возразительность. Не стоит, дескать, умничать.

— Лучше, внук бабушкин, давай собирайся. Так как дорожка ныне тебе и матери, шибко пострадавшей, протянута одна всего. По мнению моему, она единственно правильная.

Поехали занозистый Валерка и контуженная Валентина Осиповна Ладейнина, по совету борового служителя, как раз на станцию, где очень долго ждали нужного поезда. Потом начали двигаться через большие расстояния, через Москву и дальше, на забытый эшелонами восток. Добрались до города, белыми своими соборами реящего над ржаными полями, а там попутной селянской машиной — уже до центральной усадьбы колхоза, в приметности на шоферов и трактористов обезлюдевшего. Пришлось в дальнейшем уже топтать пешком пяток верных километров до хутора, в котором обитали три одинокие старухи и бобылка, добросердечная их помощница тетка Настасья.

Осень и зиму всё малое сообщество прожило на картошке с огородного надела. Деловитая бобылка по своему характеру множила участливость во всех заботах. Так что излечение получило необходимую поддержку с разных сторон, и здоровье пострадавшей от гитлеровских бомбовозов постепенно стало идти на заметную поправку. Сына и мать пока еще не узнавала. Однако имя вспомнила собственное, чему все хуторяне обрадовались чрезвычайно. Пошел у старух разговор вполне убедительный: «Сойдет с молодухи болезнь. А как же иначе? У нас ей родная земля-то. И воздух для Валентины такой исключительно свойский, что самолично здоровое обязательно пребудет, хоть с нашенскими крепенькими огурцами, хоть с прилично твердоперой капустой».

Ближе к новому лету тетка Настасья переехала на житье к плотнику Евсюшину. На центральной усадьбе предложил он ей замужество, и чего ж отказываться бобылке? Не шибко старый — шестьдесят пять годов еще — он давно уже числился в бобылях. Был, по разумению хуторских огородниц, довольно шумный, когда выпивал сверх меры, но всё же подходящий для устройства совместного с Настасьей проживания повдоль жесткого военного лихолетья.

Втеднипустьнешибкопраздничным — для селянского благополучия — приключился июнь возле Волги, но уж точно что сильно жарким, невиданно белооблачным. Над хуторскими домиками, крытыми посеревшей от времени дранкой, пели, пролетая, птички-синицы и легкокрылые луговки-жаворонки. Лишь изредка приходили погромыхающие тучки, давая силу полевой пшенице, придорожному доннику и пышно цветущему лиловатому иван-чаю на борových гарях. Чего не присутствовало в природе, так это гундосо воющих фашистских самолетов над поселениями. К слову сказать, восточную часть пшенично-полевой России гитлеровцы не пытались бомбить даже тогда, когда их полчища подошли к окраинам Москвы. Лететь далекоовато было, да и цели какие? Деревушки, разбросанные по неоглядным просторам?

О пожарах нашествия тут, разумеется, ведали, ан время шло, и захватчики получали более сильные удары, так что им приходилось отступать всё быстрее на запад. Хуторок мог бы и дальше служить пристанищем для контуженной Валентины и сына ее, да ведь парнишке полагалось учиться. Несмотря на отдаляющиеся от речного побережья победные бои с упористыми фашистскими дивизиями, школьные порядки для мальчишек и девчонок оставались неколебимыми: переходить из класса в следующий класс куда как нужно для вящей образованности молодого народа. Ходить же Валерке в школу каждый день за пять километров обязанность чрезмерная, не правда ли? К тому же без помощницы Настасьи бабушке стало трудно управляться с огородным хозяйством. И по таковской причинности ей пришло на ум в свой черед заняться переселением. Строго-настрога наказав Фаине, шестидесятилетней хуторской соседке, пересылать письма зятя, офицера из числа достойно боевых — если придут послания, конечно, а прийти они должны — в большую деревню, она с немудреным скарбом и гостями переехала туда. Как есть к другой подруге преклонного возраста, к Марье Шабановой.

Там и познавал школьные премудрости Валерка, там и жили они с матерью в пятистенке доброй селянки, ожидая писем от Валерия Гавриловича Ладейнина, артиллериста, пребывавшего на фронте, бывшего неприятеля, как полагалось народному защитнику. Кто ж ведал, что Фаина к завершению жаркого лета получит сердечный удар?

Что упокоится она под торопливо сколоченным деревянным крестом на кладбище. А также то, что старуха, которой довелось узнать в подробностях беды офицерского семейства и которая по прошествии событий вскоре останется на маленьком хуторе одинешенька, сама вдруг забедует — поспешит в райцентр к племяннице, ходившей в известных, хоть и не очень близких, родственницах? Никто не мог предугадать — в неожиданности аховый! — поворот нисколько не милосердных, ничуть не чаянных происшествий. Так вот и потерялись для майора следы дорогих ему людей.

Что касается Шабановой, приютившей Валентину, ее мать, также и Валерку, то у Марьи случился особой разговор с молодой женщиной, пытавшейся вернуть память и укорявшей судьбу за чересчур медленный ход полного исцеления. Вразумление приключилось обстоятельное:

— Лечить контузию, пойми, непросто. Говоришь ты мне, будто на благо пошло пропитание нашенское. Я не против честь оказать, хотя бы и картошке, и капусте с огурчиками. Ведуны подсказывают — отзовется желудок обязательным довольством, да ведь и еще найдется на родной земле нечто полезное для укрепления здоровья. Не мешает, думается мне, понадеяться какой болезной душе на бедовые утренние прогулки по росе, когда трава вся, как есть, луговой способной почвой упитана, солнцем встающим обласкана, когда и зелена, и тяжела, и наскрость мокрая.

Валеркина мать верит и не верит, оттого подыскивает слова для ответа, а сын спешит ей на помощь: у меня, дескать, одна пара ботинок, иной — нет, однако на влажной траве истреплется обувка мигом! Тогда что делать? У мамы, озабоченно высказывается она, тоже одни лишь ботики; сам не пойду гулять поутру на мокрый луг и никому не посоветую. Тем часом Шабанова свое ладит, весьма небесполезное. Нисколько не устает Марья насчет того, чтобы порассуждать.

— Ботинки твоя мать испортит? Конечно! Правильно заметил. Это дело несомнительное, и я тоже посоветую беречь обувку. Моя речь о том, что если шагать босиком по росе, то с охотой проснувшееся растительное сообщество готово дать недужному человеку доброе вспомоществование. Сами посудите: к первым лучам солнышка тянутся на лугу все, поворачиваются головки, хоть у разных кашек, хоть у ромашек, но почему? Теперь есть, что называется, подпитка и можно усилить потребные темпы роста. Подобную же энергию получает и роса. В народе не зря испокон века поговаривают о живой воде. Что ни сказка про нашего русского Иванушку, то и выходит он победителем, а живая вода ему, уж будьте уверены, куда как полезна. Ходи, Валентина, утречком по росе, победишь контузию. А лучше бегай, чтобы хлестала, обмывала тебе ноги живая вода. Чтобы соки взбодренной солнышком травы вместе с холодной — ан живоносной! — росой давали раз и за другим разом подпитки твоему болезному организму. Пускай вспомнит он свою прежнюю силу, наберет новую крепость и почнет гнать прочь застоялую хворобу. Мою матушку ведуней не назову, но про живую воду она кое-что ведала, рассказывала о подобных чудесах исцеления. Ясно вам нынче?

Дальше — больше! Враз никто из деревенских не стал бы свою правоту доказывать, поскольку теми днями что именно свершалось, трудно взять в догадку. Места родные, земля березовых ситцев Валентине помогла, либо птичье звонкое разноголосое пенье, либо цвет липовый, с которого неустанно пчелы носили мед окрестным бортникам. А может, оказала решительную подмогу животворная роса, что стекала с высокой луговой травы на босые ноги, когда бежала она к селянскому стаду на утреннюю дойку буренок, но только подоспело время, и вспорхнуло, улетело напрочь помрачение разума — восстала ее душа для детального узнавания всего того, что было в прошлом. Приключилось долгожданное. словно из тьмы небытия, родилось оно, именно четкое семейству понимание, по каким адресам следует искать фронтовика Валерия Гавриловича Ладейнина. И — явилась новая ситуация ничем иным поистине, как Валеркиным с малограмотной бабушкой счастьем.

Таковским известиям, само собой, долго в Чехию до майора добираться. Оттого не заимел он причину пенять кому-либо за чрезмерную задержку сведений о семье. Не стал с водителем «Симки» разговоры излишние разговаривать, а погрузился в легковушку — направился туда, откуда востребование объявилось насчет бывалого фронтовика.

Прежде чем отбыть в немецкий город, где Ладейнину предстояло занять должность заместителя командира бригады и где уже поджидала майора военная техника, с боями прошедшая половину Европы и ныне, как нетрудно сообразить, нуждающаяся в особом уходе — прощеговоря, в ремонте, он пошел к высокому начальству. Штабные служащие пускай готовы были снабдить его нужными документами, однако беспокоил вопрос: у командира части нет ли каких дополнительных сведений касательно выезда семьи в Магдебург? Свежая новина, то есть нынешние все разнообразные обстоятельства

в их неуклонно мощной лавине, — это серьезный повод ожидать продолжения цепи неожиданностей, о которых еще не знал хоть Семаков, хоть солдатский телеграф, а хоть при оформлении предписания и тот офицер, который охотно, весьма долго посвящал визитера в перипетии собственной непростой семейной жизни.

Ладейнину застать командира части на месте не удалось. Однако на дороге повстречался его заместитель, куда-то спешивший полковник Брянчин. Тоже из фронтовиков и тоже недавно свое назначение получивший. Не упустив случая выказать дружеское расположение, полковник не мог не остановиться, не пожать руку майору:

— Поздравляю! Целый скоп новостей. Слушай, Ладейнин! Тебе письмоносец весточку доставил уже? Говорят, с час назад пришел пакет для тебя. Ну, пока! — и зашагал прочь, клоня стриженную под бобрик голову вбок, вероятно, из-за старой, его беспокоившей раны. А может быть, просто не желал споткнуться из-за обилия строительных кирпичей у дорожки, привезенных для приведения штабного двухэтажного здания в более приличный вид.

Пакетом был назван Брянчиным длинный плотный конверт. Скорее всего пражского происхождения. Не сказать бы, что автор послания озаботился поаккуратней заклеить его: адрес, как с первого взгляда определишь, написан рукой довольно-таки нетвердой, строчки шли по бумаге наискосок, буквы шатались то влево, то вправо, свидетельствуя о нескрываемом волнении автора письма:

«Пан майор. Вы уехали. Нашлась ваша семья, мы остались, я осталась одна, и боже мой, я чувствовала, что всё для нас закончится плохо. Мартины больше нет. Как она погибла, вам не сообщая, зачем в обязательности вам сегодня знать? Вас не виню, однажды вы сказали, во всем виновата война, и то была такая правда, такая... Прощайте, майор, для Мартины жизнь кончилась и для меня тоже. Маржена Плицкова».

Ладейнин стоял в коридоре у окна: рама, выкрашенная белой краской; на стекле — несколько тропинок сверху вниз от капель недавно прошедшего дождя. Весть, которую он получил, была такого рода, что из головы мысли все вылетели, и он через квадратное стекло наблюдал нисколько не плац между невысокими кирпичными зданиями, не липы вдоль мощеных тротуаров, не лавочку возле вкопанной в землю бочки, служащей местом для курения русских военных на свежем воздухе. И не тот коричневый — свой, майорский! — чемодан, что выносил водитель «Симки» из подъезда общежития офицеров. А что же тогда? Неожиданно привиделась ему на опушке леса русская изба, сложенная из почерневших бревен. И — печь, которую пытался растопить мальчишка. Кажется, там суетился он, сын Валерка.

Пламя занималось неохотно, и старателю пришлось выйти во двор, чтобы принести охапку сухих полешек. Внезапно из печной трубы взметнулся дымный столб. То вспыхнула, пошла гудеть, выть, накалять небеса огнем черная сажа. Казалось, пожар охватил всю округу: горела деревянная изба, люди в ней, живность возле сарая, скворечник на березе рядом с крышей дома.

Прогоняя видение, Ладейнин тыльной стороной ладони вытер лоб, что был раскаленным, ровно его только что пламеносной воздушной волной охватило: «Разве не огонь перед глазами? Но ведь это какой-то апокалипсис. Да, может лишь сажа таким образом полыхать. И что за картина мне явилась? Конечно, горячий мозг сам по себе сформулировал основную мысль видения: всё ныне происшедшее — война после войны! Вот вроде бы неразумным, нелогичным смертям должен быть конец. Все мы сделали нужное дело, зажали в тиски беды людские. А тут и полыхнуло. Новые жертвы! Словно рьяной черной сажой подожгли праздничную успокоенность, которая пришла после победы над фашистами».

За окном рванул мокрый ветер, усиленно закапало, на стекле появились бегущие новые дорожки. Ладейнин повернулся, пошел прочь. Семаков стоял возле коричневого майорского чемодана. Ефрейтор смотрел, как идет к нему через плац асфальтовый, от обилия влаги блестящий антрацитом, этот очень толковый фронтовик, которому теперь предстояло занять должность в бригаде магдебургской. Шел с непокрытой головой. И если глянуть чуть вдаль, то продвигался именно так — с глухо ворчавшей дождевой тучей над правым погоном.

Продолжение следует